

Фашистская Германия готовится к войне

ОГИЗ · СОЦЭКГИЗ · 1935

А. К.

ОПЕЧАТКИ

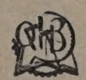
тр.	Строка	Напечатано	Следует читать
V	10 сверху	„Ници и венский путч“	„Наци и венский путч“
VI	1 снизу	конитенентальной шпагой	континентальной шпагой
XX	15 „	Антибольшевистским всем	Антибольшевистским воем
XXII	4 сверху	войны смогут лишь объединенные усилия держав	войны сможет лишь организованная воля масс и объединенные усилия держав
105	11 „	реорганизация промышленных стран	реаграризация промышленных стран

Фашистская Германия готовится к войне. Н. 353.

ФАШИСТСКАЯ ГЕРМАНИЯ ГОТОВИТСЯ К ВОЙНЕ

СБОРНИК СТАТЕЙ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
И С ПРЕДИСЛОВИЕМ
А. ВИЛЕНЧУКА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1935 ЛЕНИНГРАД

Редактор С. Розовский. Техн. редактор Л. Кошутина.

Сдано в набор 28/VI 1935 г. Подписано к печати 20/VII 1935 г.
Формат бумаги $62 \times 94/_{16}$. Печ. л. $13^1/_4$ Зн. в печ. л. 48 000 Тираж 20 000 экз.
Огиз № 1510. Зак. тип. № 353. Цена 3 руб. Уполномоченный Главлита Б 8658.

Типо-литография им. Воровского, ул. Дзержинского, 18.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Задача настоящего сборника — осветить подготовку германским фашизмом войны в области вооружений, внешней политики, экономики и «идеологии».

Статьи сборника в подавляющем своем большинстве написаны советскими авторами. Они были опубликованы в журналах и газетах с конца марта по июнь 1935 г., т. е. после введения в фашистской Германии всеобщей воинской повинности.

Исключение составляют: 1) статья А. Юрина «Внешнеполитическая программа и тактика «Третьей империи», специально написанная для настоящего сборника и 2) отрывок «Ници и венский путч», представляющий собой перевод из сборника «Oesterreich -Brandherd Europas».

Происхождение материала объясняет неполноту сборника в освещении отдельных проблем. В частности в нашей печати до сих пор очень слабо освещалась перестройка применительно к военным потребностям германской промышленности. В силу указанного обстоятельства этот вопрос не нашел отражения в сборнике.

Часть статей дополнена и обновлена авторами. Некоторые статьи пришлось подвергнуть сокращению в соответствии с характером сборника, во избежание повторений, а также в целях экономии места. Небольшие купюры отмечены многоточиями. Значительные сокращения оговорены в примечаниях к отдельным статьям.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 1932 г. Веймарская республика переживала часы предсмертной агонии. Ее партии быстро таяли. Бывшие ее сторонники толпами перебегали в лагерь гитлеровской партии, готовившейся занять командные вышки государства. Министры Пруссии, которая еще не так давно казалась неприступной крепостью социал-демократии, были удалены правительством фон Папена из служебных зданий при помощи лейтенанта и трех солдат рейхсвера.

В обстановке сумерек веймарских божков ближайшие друзья покойного Густава Штреземана решили освежить в памяти неблагодарных современников политический образ недавнего кумира буржуазии. Штреземан, «Бисмарк» веймарской Германии, с 1923 г. и до самой смерти — до 1929 г. — бессменно занимал пост министра иностранных дел. Задача сводилась к тому, чтобы малопатетическую фигуру приспособленца и политического дельца показать в ореоле великого носителя традиций второй, кайзеровской, империи и достойного предшественника той внешней политики, за которую ратовали шедшие в гору апостолы «Третьей империи». Этот тезис друзьям покойника удалось доказать во втором томе штреземановского «Завещания» — сборнике, содержащем дневник министра и ряд документов, которые до 1932 г. не были известны. Среди последних особого внимания заслуживает письмо Штреземана от 7 сентября 1925 г., адресованное бывшему германскому кронпринцу.

Речь идет об интимном письме, в котором Штреземан накануне подписания Локарнского договора и вступления Германии в Лигу наций популярно поясняет старшему сыну последнего кайзера цели и методы внешней политики веймарской Германии. Уже в 1925 г. к числу ближайших задач своей политики он среди прочего относит возвращение Польского коридора, Данцига, польской Верхней Силезии и присоединение Австрии. «Скромность» этих целей и «пацифистский» характер методов, применяемых веймарской дипломатией, поясняет автор письма, вынуждены временной военной слабостью Германии:

> «Выбирать внешнеполитическую ориентацию, — пишет Штреземан, — можно лишь тогда, когда за тобой стоит вооруженная сила. Ее у нас, к сожалению, нет. Мы не можем стать конитенентальной шпагой Англии, как этого

желают одни; не можем мы также пуститься на германско-советский союз...

... Германская внешняя политика на ближайшее время будет сводиться к тому, что, как это сказал Меттерних в отношении Австрии после 1809 г., мы будем заниматься торгом и избегать крутых решений»[1].

Историков внешней политики послевоенной Германии друзья Штреземана убедили. Но и только. К моменту опубликования штреземановского «завещания» вся внешнеполитическая концепция веймарского министра уже потеряла свою актуальность для монополистического капитала Германии. В это самое время в замкнутых клубах промышленных магнатов Западной Германии с успехом развивал свою программу Гитлер. В качестве внешнеполитического документа приобрела актуальность вторая часть его автобиографии «Мейн кампф».

Гитлер начал писать вторую часть через несколько месяцев после подписания Локарнского договора, к моменту вхождения Германии в Лигу наций. Нынешний глава фашистской Германии подвергает в этой книге сокрушительному разносу штреземановскую политику и противополагает ей политику Пруссии времен наполеоновских войн. Эта политика, указывает Гитлер, через 7 лет после разгрома Пруссии при Иене, привела-де в 1813 г. к победе над Наполеоном при Лейпциге, а политика Штреземана через 7 лет после перемирия в Компьенском лесу привела к Локарно, где «германский народ окончательно низведен до положения рабской расы». Гитлер поучал Штреземана:

«Лишь детски наивные люди могут себя убаюкивать мыслью о том, что путем вилянья и попрошайничанья можно добиться исправления Версаля... Кулак, приставленный к горлу, можно убрать лишь при помощи меча» («Мейн кампф», стр. 738).

Поставить крест над дипломатическим крохоборчеством Штреземана и ринуться навстречу «крупным решениям» призывает Гитлер. Во весь голос он прокламирует свои захватнические цели как на востоке, так и на западе:

«...Целью нашей внешней политики является восточная политика, в смысле приобретения земли, необходимой немецкому народу. Так как для этого нужна сила, а смертельный враг нашего народа, Франция, безжалостно давит и делает нас бессильными, мы должны быть готовы на любые жертвы, лишь бы сокрушить стремление Франции к гегемонии в Европе» («Мейн кампф», стр. 757 [2]).

Когда вторая часть «Мейн кампф» появилась в 1927 г. в свет, веймарская Германия находилась в своем хозяйственном зените. Силы пролетарской революции в 1923 г. потерпели поражение. Острый конфликт между Германией и Францией, которым характеризуется первое послеверсальское пятилетие, к тому времени

---

[1] G. Stresemann, Vermächtnis, B. II. Berlin. 1932, S. 554—555.

[2] Детальное изложение внешнеполитической программы германского фашизма см. стр. 17 настоящего сборника.

заметно смягчился. Появление второй части «Мейн кампф» в 1927 г.[1] не обратило на себя особого внимания вне кругов немногочисленной еще национал-социалистской партии. Штреземан, возможно, так и не удосужился ее прочесть.

Но через год с лишним после смерти Штреземана, во время выборов в рейхстаг осенью 1930 г., партия Гитлера собирает уже 6 миллионов голосов вместо 800 тысяч в 1928 г. Путем самой беззастенчивой демагогии, спекуляции на прогрессирующей нищете, отчаянии масс, на их ненависти к политике буржуазной республики гитлеровцы сумели привлечь на свою сторону миллионы разоренных, сбитых с толку мелких буржуа и наиболее отсталые прослойки разросшейся во время кризиса до 7—8 миллионов армии безработных пролетариев. Раскольническая, предательская политика социал-демократии способствовала тому, что вопреки успехам коммунистической партии в организации единого революционного фронта мобилизация сил фашистской контрреволюции обогнала темпы собирания сил пролетарской революции.

Национал-социалистская партия в части идеологии и руководящих кадров — прямая наследница инвентаря пангерманизма гогенцоллерновской монархии, разгромленной в империалистической войне. Среди миллионов обездоленных людей наци разжигают дух шовинизма и националистического реванша, представляя все бичи и скорпионы капиталистического кризиса в качестве результата версальской системы. Не прошло и четырех лет после смерти Штреземана, как Гитлер уже возглавил германское правительство. Переход к открытой фашистской диктатуре произошел в момент величайшего обострения всех внутренних и внешних противоречий послеверсальского германского капитализма.

Объявлением вне закона коммунистической партии и всех организаций рабочего класса, массовыми расстрелами и пытками безоружных пролетариев в концентрационных лагерях, захватом имущества профсоюзов, разгромом редакций рабочих газет, погромами, избиением и глумлением над пацифистски настроенными писателями с мировым именем, учеными и художниками фашисты открыли, выражаясь терминологией Геббельса, «героический период» в истории Германии.

После первых месяцев террористической вакханалии гитлеровская партия, временно состоявшая в коалиции с гугенберговской «национальной» партией, стала монопольной политической партией монополистического капитала Германии. Максимальная концентрация власти над государствен-

[1] Явно лживы указания ряда авторитетов «Третьей империи» на то, что истерические выпады «фюрера» против Франции следует-де приписать оккупации Рура французскими войсками, а также тюремной обстановке, в которой эта книга была написана. Кратковременное пребывание Гитлера в тюрьме — в самых комфортабельных условиях — относится к 1924 г. Тогда была написана первая часть «Мейн кампф», в которой о внешней политике не говорится, а Франция вообще не упоминается. Вторая же часть «Мейн кампф» с ее внешнеполитическим разделом написана Гитлером на свободе, т. е. после заключения Локарнского договора и ухода французских войск из Рура.

ным аппаратом и над массами нужна была командующим кликам не только для развертывания наступления на трудящиеся массы. Лишь при такой концентрации власти была мыслима подготовка к осуществлению внешнеполитической программы Гитлера, поднятой на щит наиболее реакционными авантюристскими кликами с наступлением конца капиталистической стабилизации.

«Ковать меч — такова задача политического руководства внутри сраны; обеспечить ковку меча и искать военных союзников — такова задача внешней политики»[1]. Под знаком этой гитлеровской сентенции находится вся внутренняя и внешняя политика «Третьей империи» с первого дня ее существования.

●

Пока фашистская Германия еще находилась, пользуясь терминологией ее публицистов, в «зоне опасности» превентивной (предупредительной) войны, она вооружалась тайно. После 16 марта 1935 года, когда Германия в самочинном порядке расторгала военные статьи Версальского договора, она начала вооружаться явно.

Термин «зона опасности» заимствован из словаря основоположника военно-морского могущества вильгельмовской Германии, фон Тирпица. Кайзеровский адмирал с конца прошлого столетия форсировал строительство военно-морского флота с очевидной целью борьбы против Британской империи. Непрерывный рост военно-морского бюджета он оправдывал тем, что Германии необходимо с максимальной быстротой пройти опасную стадию слабости, когда Англия собственными силами могла бы уничтожить германский флот в порядке предупредительной войны.

Фашистская Германия проскочила «зону опасности» в течение двух с лишним лет. К середине 1933 г. правители «Третьей империи» еще содрогались при мысли о возможности экзекуции со стороны Франции в порядке военной прогулки. А в конце июня 1935 г. французский военный министр Фабри вынужден был откровенно констатировать, что сила наступления германской армии по крайней мере равна оборонной мощи Франции, что технически германская армия уже превосходит французскую, особенно в отношении тяжелой артиллерии, т. е. того вида вооружения, которым Германия вообще не имела права пользоваться согласно Версальскому договору.

Запрещено было также Германии содержание военно-воздушного флота. Но Геринг тайно строил его на всех парах. В ноябре 1934 г. Болдуин, тогда уже фактический глава британского правительства, открыто говорил в парламенте о наличии у Германии военно-воздушного флота. Относительно размеров последнего Болдуин грубо ошибался: встревоженных депутатов парламента он успокоил категорическим заявлением, что в отношении военно-

[1] Hitler, Mein Kampf, S. 689.

воздушных сил Великобритания к концу 1934 г. превосходит Германию и что к концу 1935 г. мощность германской авиации составит лишь 2/3 британской. Не прошло и четырех месяцев, как бывший министр иностранных дел Англии Саймон вынужден был, к величайшему своему огорчению, дезавуировать Болдуина и сообщить парламенту о наступившем равенстве военно-воздушных сил Англии и Германии. Как читатель увидит, британское министерство иностранных дел и на этот раз было скверно информировано. Дороти Вудман в своей последней книге бесспорно доказала, что весной 1935 г. германский воздушный флот уже превосходил британский [1].

Перейдем к военно-морскому флоту. До прихода Гитлера для крупных морских держав морские вооружения Германии не являлись серьезной угрозой. Но уже к середине 1934 г. Гектор Байуотер, виднейший английский автор по военно-морским вопросам, учитывая то, что у Германии уже есть и чего она может добиться при ее производственно-технической базе, говорил о германском флоте как о том «темном скакуне» (dark horse), который в морских гонках может оказаться одним из первых у финиша [2]. К моменту прихода наци к власти в строю находились четыре линкора устаревшего типа. К середине же 1935 г. из них два были переведены в резерв, а в строю уже находилось два новых линкора типа «Дейтшлянд»; к концу 1935 г. будет введен третий, а в течение 1936 г. — вероятно еще два. Крейсерский состав, по версальским нормам, полностью обновлен; эсминцев в строю было 17, из которых 12 новых. Находятся в строю и в постройке десятки подводных лодок, которые, согласно Версальскому договору, Германии было запрещено содержать. Так обстояло дело до англо-германского военно-морского соглашения 18 июня 1935 г.

В этом соглашении Англия вынуждена была санкционировать увеличение размеров германского военно-морского тоннажа больше чем в три раза по сравнению с версальским лимитом: 35% от британского тоннажа по всем категориям судов за исключением подводных лодок, в отношении которых британское адмиралтейство должно было пойти на паритет с Германией. Что это означает реально, показывает следующая таблица военно-морского эксперта парижской «Тан» (см. табл., стр. XI).

В настоящий момент Германия обладает военным флотом в 150 тыс т. Если исходить из темпов, которые намечены в опубликованной 29 июня программе военно-морского строительства на 1935/1936 г., фашистская Германия уже в течение ближайших лет достигнет предела, намеченного лондонским соглашением 18 июня 1935 г.

Таковы итоги двух с половиной лет вооружений фашистской Германии на суше, в воздухе и на море.

Таких темпов вооружений не знала кайзеровская Германия, хозяйственно несравненно более мощная. Как известно, и в дово-

---

[1] D. Woodman, Hitlers Luftflotte startbereit, Paris 1935. См. ст. Р. Гауса, стр. 68 сборника.

[2] H. C. Bywater, A Searchlight on the navy, London 1934, p. 299

енной Германии казарма и бивуак, сабля и мушкет, военный ус и мундир находились в великом почете.

О том, что творилось во время войны в Германии, красочно рассказывает в недавно вышедшей книге Рудольф Ольден:

Категории судов	Действующий британский флот	Действующий французский флот	Тоннаж Германии на основе англо-германского соглашения
	(в тыс. тонн)		
Линкоры	474	186	166
Авиоматки	115	22	40
Тяжелые крейсеры	183	105	64
Легкие „	167	168	58
Эсминцы	198	54	69
Подводные лодки	57	84	57
В том числе суда новой стройки	600	250	400

«Командование армией занималось вопросами колонизации Прибалтики, национальной политикой в Литве и Фламандии, земельной реформой, вопросами плодовитости браков и добрачных половых сношений, вопросами кинорепертуара для юношества, патриотической учебой, военным спортом, вопросами промышленного производства, вопросами предпринимательской прибыли и зарплаты рабочих—короче, всем тем, что может повлиять на настоящее и будущее обороны страны, т. е. не больше и не меньше, как всеми областями государственной жизни»[1].

Но как ни была всесильна военщина вильгельмовской Пруссо-Германии, как ни была куца довоенная германская конституция, как ни была урезана компетенция гогенцоллернского рейхстага, полупарламентский режим все же время от времени доставлял неприятные часы генералам и адмиралам кайзера и самому кайзеру при законодательном оформлении военного бюджета.

«У нас, слава богу, нет конституции», — говорил один из царских министров. Ему сейчас вторят генералы и адмиралы, стальные герцоги и короли химии «Третьей империи». Они могут смотреть свысока на своих предшественников и учителей из кайзеровской Германии. Они могут не только расходовать совершенно бесконтрольно народные миллиарды. Они распоряжаются, как оккупированной областью, страной с самой передовой техникой и самыми культурными массами Западной Европы. Еще до наступления военных действий они бросили все живые и мертвые ресурсы страны на службу войне.

---

[1] R. Olden. Hindenburg—der Geist der preussischen Armee, Paris, 1935, S. 140.

Вот какой представляется нынешняя Германия крупной американской журналистке Дороти Томпсон, европейскому корреспонденту ряда крупных газет США:

«Социально-экономический порядок, господствующий в Германии под маркой национал-социализма, полностью совпадает с тем порядком, который устанавливается в стране, находящейся в состоянии войны. Лишь отсутствие военных действий мешает установить этот бесспорный факт с первого же взгляда. В Германии проведена полная централизация государственной власти. Государство распространяет свой контроль над хозяйственной жизнью и общественным мнением. Оно насильственно навязывает вынужденный мир между трудом и капиталом. Оно культивирует благонадежные мысли при помощи пропаганды и утверждает их при помощи беспощадного террора. Оно изымает «сомнительных» людей... Оно отводит культуру на задний план, милитаризует религию... Это — диктатура в интересах военной машины. Все это относится к числу особенностей социально-экономического строя во время войны. Но это и есть национал-социализм в действии»[1].

Трения, которые наблюдались с первого года существования национал-социалистской власти между гитлеровской головкой и генералитетом, за последние полтора года заметно смягчились. Генералы не смогли не оценить исключительных возможностей, которые открыла перед ними фашистская диктатура, особенно после ликвидации 30 июня 1934 г. неприятной конкуренции в лице штаба национал-социалистских преторианских банд во главе с Ремом. Рейхсвер не остался в долгу, его верхушка санкционировала передачу Гитлеру президентского кресла, освободившегося после смерти фельдмаршала Гинденбурга, а тем самым и звания верховного главнокомандующего. Позиции «фюрера» и возглавляемой им партии как будто усилились. «Богемский ефрейтор», как величал Гитлера фельдмаршал-президент и юнкер фон Гинденбург еще вплоть до конца 1932 г., как будто одержал верх над генеральской камарильей. Но это лишь одна видимость.

Верхушка национал-социалистской партии все в большей степени становится пленницей верхушки рейхсвера. Чтобы не отвлекаться далеко в сторону, обратим внимание на следующую, казалось, маловажную, но на деле весьма существенную деталь. Когда 2 августа 1934 г. германская армия присягала Гитлеру, текст присяги подвергся изменению. В Веймарской республике рейхсвер присягал в верности конституции. После прихода наци к власти, слово «конституция» в марте 1933 г. было заменено в тексте присяги словами «служба народу и отечеству». 2-го же августа 1934 г. рейхсвер присягал лично Гитлеру. Политическое значение изменения текста присяги довольно прозрачно комментировал накануне введения всеобщей воинской повинности в Гер-

[1] Статья напечатана в июльской книжке почтеннейшего буржуазного издания США «Foreign Affairs» за 1935 г.

мании заведующий отделом печати военного министерства майор Г. Фэртш[1]. В Германии правит национал-социалистская партия. но партия эта охватывает большую и к тому же разношерстную массу. Еща неизвестно, куда эта масса пойдет в дальнейшем. Армия желает иметь дело только с «фюрером». «Фюреру» же и его апостолам предлагается держать национал-социалистскую массу в узде. «Никакой парламент, никакой совет не должны вмешиваться в организацию вооруженных сил», — писал далее майор Фэртш. Острие этого замечания направлено против национал-социалистской партии.

«Политический руководитель один несет ответственность за руководство государством, а военный руководитель один несет ответственность за сферу его военной компетенции», — говорит наконец Фэртш. Политический вождь — это Гитлер; по совместительству он же верховный главнокомандующий. Но является ли идентичным пост того и другого? Обычно ясный в своем изложении Фэртш здесь избегает членораздельных формулировок, но нарочито подчеркивает различие обеих функций. В этой неясной фразе звучит угроза армии главе национал-социалистской партии, если паче чаяния ему не удалось бы направить свою паству по руслу, желательному генералам и стоящему за ними блоку финансового капитала и юнкеров.

•

Уже во время войны 1914—1918 гг. вмешательство государства в хозяйственную жизнь в Германии зашло дальше, чем в других капиталистических странах. Высокий уровень концентрации германской промышленности, выросшие на этой почве монополистические объединения капитала при дефицитности продовольственно-сырьевого баланса создали в вынужденной тогда обстановке «осажденной крепости» благоприятные условия для развития резко выраженных государственно-капиталистических тенденций.

Гитлеровская Германия ориентируется на обстановку «осажденной крепости» в условиях мирного времени. Под катастрофическими ударами кризиса разрыв хозяйственных связей Германии с внешним миром еще до установления фашистской диктатуры зашел довольно далеко. Экономическая политика гитлеровского правительства поставила Германию в положение злостного банкрота по отношению к заграничным кредиторам и форсировала этот разрыв. Хозяйственную самоблокаду завершили попытки к осуществлению универсальной военно-автаркистской программы, широко открывшие ворота производству суррогатов и заменителей. Все это способствовало необычайному росту государственно-капиталистических тенденций в гитлеровской Германии.

За счет государства происходит перестройка предприятий применительно к потребностям военного производства. За счет го-

[1] H. Foertsch, Die Wehrmacht im national-sozialistischen Staat, Berlin 1935, S. 26–29.

сударства перемещаются заводы из пограничных районов в центр страны. При помощи правительственных субвенций форсируется хозяйственно нерентабельный рост продукции всех видов естественного стратегического сырья и организуется производство коммерчески неконкурентоспособного синтетического сырья. В целях более экономного расходования сырьевых ресурсов и преимущественного направления их на удовлетворение военных нужд созданы организации, выполняющие те же функции, что военно-сырьевые общества в 1914—1918 гг. В тесном контакте с существующими капиталистическими объединениями производится регулирование импорта, сырьевого снабжения, распределения запасов и военных заказов.

Германская промышленность в решающей своей части работает сейчас на нужды войны. Государство финансирует эти заказы. Военный характер государственно-капиталистической организации в этих условиях совершенно ясен. В 1914—1918 гг. шейдемановцы пытались представить творение рук Людендорфа — Гренера как социализм Маркса в действии. Что же удивительного в том, что наци сейчас пытаются придать военно-фашистской каторге оттенок мифического «немецкого социализма»? Близкую к действительности картину германской промышленности рисует цитированная выше Д. Томпсон:

> «Установился государственный контроль над валютными операциями, а тем самым и над внешней торговлей. Это обстоятельство в свою очередь радикальным образом отразилось и на работе промышленности. Не изменился в ней характер собственности (частной). Остались те же владельцы. Но промышленность оказалась под контролем главного потребителя, государства, вернее говоря, армии. Государство в качестве основного потребителя промышленной продукции в известной мере влияет на цены. Но такое регулирование не исключает, а предполагает частнопредпринимательскую прибыль. О наличии последней свидетельствует рост курса акций в отраслях тяжелой промышленности... Покупательная способность масс, за счет которых производится финансирование, не возросла; осталась без изменений и заработная плата[1]. Не повысился платежеспособный спрос на утварь. Не расширилось жилищное строительство. Все средства идут на самолеты, танки, артиллерию. Стали дешевле автомобили. Но всякий, кто покупает автомобиль, немедленно должен войти в состав автомобильно-транспортного корпуса».

Военно-промышленная организация открыла небывалые возможности для бесконтрольного хозяйничания распоясавшихся стальных и химических королей, особенно из клик, близко стоящих к правящей верхушке. Однако под флером внешнего единства в государственно-капиталистических организациях не пре-

---

[1] Это утверждение в лучшем случае можно отнести ко всему фонду заработной платы, ибо средний индивидуальный заработок Германии за время пребывания наци у власти резко упал. — *А. В.*

кратилась борьба между аграриями и промышленниками, монополистических клик между собой, борьба между тяжелой и легкой промышленностью, экспортными отраслями и отраслями, работающими на армию.

Мы не будем останавливаться на вопросах мобилизации сельского хозяйства и транспорта. Помещаемые ниже материалы в достаточной мере иллюстрируют военизацию всех отраслей хозяйства Германии. Путем этой мобилизации фашизму удалось достигнуть тех успехов в области вооружений, о которых речь шла выше. При всем том военно-автаркистские задачи, которые ставит перед собою гитлеровское правительство, очень далеки от осуществления. Фашистская печать чванливо публикует цифры, свидетельствующие о росте производства и запасов стратегического сырья. Но как бы ни были значительны эти резервы и запасы, купленные дорогой ценой[1], до «самодовления» еще осталась дистанция огромного размера. Дефицитность продовольственно-сырьевого баланса остается ахиллесовой пятой гитлеровского империализма. Согласно оценке рейхсбанка «нормальная» импортная потребность Германии определяется в 5 млрд. марок. Как ни сжимать производственное потребление промышленности, работающей на «гражданский сектор», дефицит промышленного сырья и жиров остается огромным. Золотовалютные резервы «Третьей империи» мизерны. В этих условиях, не касаясь уже всего прочего, «Третьей империи» будет еще более трудно, чем кайзеровской Германии, вести длительную войну. Не случайно в военной теории «Третьей империи» молниеносное ведение войны находится в еще большем фаворе, нежели это было в кайзеровские времена.

Лихорадочные темпы вооружений уже сейчас довели страну до края хозяйственной катастрофы. По подсчетам компетентных лиц, близко стоящих к правящим кругам Германии[2], на вооружения до середины 1935 г. «Третья империя» израсходовала свыше 15 млрд. марок. Вооружения в основном финансируются при помощи краткосрочных обязательств. Выпускаемые государством налоговые боны, рабочие боны, векселя и т. д. до поры до времени могли и не давать грубо ощутимого инфляционного эффекта. Подавляющая их часть навязывалась Рейхсбанку, сберегательным кассам, страховым обществам, которые непрерывно сокращали кредитование гражданского оборота в пользу военного производства. Но кредитные ресурсы банков, сберкасс, страховых обществ и т. д. подходят к концу. Учет векселей, выдаваемых государством в порядке «создания работы», чем дальше, тем больше наталкивается на непреодолимые препятствия. Портфель Рейхсбанка заполнен этими липовыми векселями до отказа. Все

---

[1] «Существенно прежде всего, чтобы товар или материал находился в распоряжении нации; вопрос же о цене товара — дело второстепенное», — пишет «философ» фашистского госкапитализма Фрид в ноябрьской книжке «Ди тат» (1934 г.).

[2] См. статью берлинского корреспондента в германофильском лондонском «Таймс» (26 июня 1935 г.).

больший упор делается в последнее время на действительные, а иногда на мнимые резервы предпринимателей. Отнюдь не склонный к сенсации берлинский корреспондент лондонского «Экономиста» сообщал в конце мая, что средства, мобилизуемые в порядке принудительного обложения промышленности для экспортного фонда (750 млн. марок), в значительной своей части на деле будут расходоваться для нужд вооружений. Тот же корреспондент приводит заявления ряда крупных промышленников, из которых вытекает, что негласная мобилизация средств в принудительном порядке все больше становится обыденным явлением в «Третьей империи». Но этот метод мобилизации средств для финансирования вооружений наталкивается на резкий протест со стороны индивидуального предпринимателя, который предпочитает пускать свои свободные средства на так называемый денежный рынок, т. е. в краткосрочные ссуды, чем вкладывать их в государственные обязательства. Дальнейший выпуск краткосрочных обязательств в таких же лошадиных порциях, как до сих пор, означает превращение бон в ассигнаты «национальной революции», переход к открытой инфляции. На получение же долгосрочных кредитов на внутреннем рынке, а тем более на внешних, рассчитывать не приходится.

Германское правительство опубликовало итоги государственного бюджета за 1934 г. лишь в июне 1935 г. Потребовалась повидимому особая подготовительная работа, для того чтобы препарировать цифру дефицита. Он показан в сумме около 2,5 млрд. Хорошо информированная печать Англии и США подвергала эту цифру уничтожающей критике. Вот что писал по этому поводу берлинский корреспондент лондонского «Экономиста» (15 июня с. г.):

> «У государства образовалась огромная тайная краткосрочная задолженность. Так объясняют дело задним числом ответственные частные лица, включая руководящих банкиров. В финансовых кругах Берлина открыто приводится оценка тайного долга. Предполагается, что к концу 1933 г. тайный долг составлял 5 млрд. марок, к концу 1934 г.— 10—12 млрд. Сейчас этот долг равен 15—17 млрд. марок... В соответствии с этими оценками общеимперский долг составляет 30 млрд., а не 13 млрд., которые с такой точностью и скрупулезностью распределены по отдельным графам в отчетах министерства финансов».

Ряд явлений в фашистской Германии говорит о том, что порча кредитно-денежного механизма за последнее время заметно ускорилась. Обращает на себя внимание исключительная ликвидность денежного рынка, подозрительная при той относительно высокой загрузке, которая наблюдается в основных отраслях тяжелой промышленности. Бросается также в глаза усиленный спрос на акции и особенно на иностранные ценные бумаги. В меньшей степени, но в более ускоренных темпах, чем раньше, с мая 1935 г. повышаются товарные цены. Все как будто говорит в пользу того, что приближается момент, когда за исчерпанием

всех других источников фашистская Германия начнет открыто финансировать свои вооружения за счет печатного станка.

Тайная задолженность, как и «тайная болезнь», до поры до времени не заметна. В начале процесса счастливые обладатели тайных долгов, как и тайных болезней, внешне могут иметь вполне респектабельный вид. Но наступает момент, когда разрушение организма быстро начинает развиваться и вовне и когда самая хитроумная косметика становится бессильной. Судя по целому ряду явлений в кредитно-денежной сфере, наступление этого момента в «Третьей империи» уже не за горами. Либо открытая инфляция, либо зажим предвоенной конъюнктуры — такова дилемма, стоящая перед хозяевами фашистской Германии. В специфической обстановке, насыщенной, несмотря на шовинистический угар, острейшими социально-политическими конфликтами, эта дилемма имеет для правителей «Третьей империи» много общего с проблемой предпочтительности одного из двух видов самоубийства.

●

Путем беспощадного грабежа масс, ценой беспардонной порчи кредитно-денежного механизма и хищнических изъятий из народного дохода правители фашистской Германии быстрыми темпами создали начерно мощную армию. Известное время еще понадобится для спайки составных частей гигантской военной машины и для ее освоения. Но борьба Германии за вооружение, которую гитлеровская власть начала с первого дня своего прихода к власти, — уже пройденный этап. «Третья империя» вплотную приступает к осуществлению своих внешнеполитических целей.

«Конечной» целью гитлеровской внешней политики является создание великой мировой державы путем поглощения Польши и прибалтийских государств, расчленения СССР и захвата значительных территорий в придунайском бассейне. Разгром Франции и ликвидация ее как великой державы — предпосылка к осуществлению и закреплению этих захватов. Трудно предвидеть, в каких темпах, какими этапами и в каком порядке гитлеровской Германии рисуется осуществление этих целей. Одно очевидно, что попытка даже частичной реализации таких планов немыслима без войны, вернее говоря, без серии войн.

Видный американский журналист Никербокер, сотрудничающий сейчас в газетном тресте черносотенца Херста и не без симпатии относящийся к «Третьей империи», весной 1934 г. совершил турнэ по капиталистической Европе. Он интервьюировал всех мало-мальски видных буржуазных политических деятелей и вынужден был констатировать: «Почти любой европейский политк вопрос о войне ставит всвязь с именем Адольфа Гитлера»[1]. Никербокер спрашивает: «Почему Европа боится национал-социалистской Германии? По-

[1] H. R. Knickerbocker, The boiling point.

чему германские вооружения угрожают европейскому миру?» и сам же отвечает:

> «Политики двадцати стран, граничащих с Германией и вокруг Германии, констатируют, что национал-социалистская концепция требует объединения всех немцев в одном государстве. Гитлер говорил о 80 миллионах немцев. Германские картографы сейчас уже говорят о 85...»

Но здесь речь идет лишь о небольшой части гитлеровской программы. Фашистская Германия конечно не намерена начать войну сразу с десятками государств. «Третья империя» учла уроки войны 1914—1918 гг., показавшей безнадежность одновременной борьбы на западном и восточном фронтах. Сейчас прибавляется еще третий, южный фронт. Германский фашизм предпочел бы вести войны за осуществление своих внешнеполитических целей не одновременно. Куда Германия направит свой первый удар, сейчас трудно предусмотреть. Это будет главным образом зависеть от международной обстановки к началу военных действий. Способствовать созданию наиболее благоприятной конфигурации сил для Германии — задача гитлеровской дипломатии.

Дипломатия фашистской Германии в отличие от веймарской характеризуется своей эксцентричностью и авантюризмом. Грубые провокационные акты вроде выхода из Лиги наций в октябре 1933 г., венского путча в июле 1934 г. и наконец акта 16 марта 1935 г. чередуются с более тонкой дипломатической игрой. В речах ответственных представителей «Третьей империи», воинственно-«героические» каскады перемежаются с идиллическими ручьями елейно-пацифистской фразеологии. Массовые демонстрации «народной воли» сменяются импровизациями отдельных национал-социалистских апостолов. Сотни агентов Вильгельмштрассе, ведомства т. Розенберга и иных центров непрерывно снуют по всем столицам мира и выдвигают все новые комбинации. Вся внешняя политика Германии после прихода наци к власти делается в атмосфере фантастической спешки и непрерывного возбуждения. Но было бы грубейшей ошибкой не заметить за этим внешним ералашем систему. Речь идет о дипломатической подготовке войны путем изоляции Франции от ее союзников и Англии, привлечения на свою сторону союзников и в первую очередь Англии и путем спекуляции на антагонизме между СССР и капиталистическим миром.

Аляповатые попытки коричневой дипломатии разыграть «антибольшевистский козырь» большого успеха не имели. Козырь этот вообще сильно потрепан. В частности он обесценен долголетними добрососедскими отношениями между Германией и СССР до прихода наци к власти. Действительный смысл антисоветских выпадов руководителей «Третьей империи» к тому же был разоблачен перед всем миром ими же самими меморандумом Гугенберга, корявой пропагандой в пользу отторжения Украины и т. д. Эффект получился прямо противоположный тому, которого добивалась «Третья империя». Этот бесспорный факт констатирует такой знаток германской внешней политики, как Бе-

ер — бывший женевский корреспондент ведущего органа германской тяжелой промышленности «Дейтше альгемейне цейтунг» и «Кельнише цейтунг», близкой к германскому министерству иностранных дел:

> «...Выступления деятелей «Третьей империи», направленные против Советского союза и его правительства, вся тенденция национал-социалистской пропаганды, новая политика в отношении Польши, флирт с Японией, попытка сколотить европейский фронт против Советского союза — все это чрезвычайно затрудняло СССР поддерживать дружественные отношения с Германией...
>
> Возвращение СССР в западноевропейскую политику — неопровержимый факт, и отменить его больше нельзя. СССР опять стал исключительно важным фактором в европейском концерте, точкой притяжения для Центральной Европы и для Балкан» [1].

Советский союз в годы величайшей кризисной разрухи в капиталистическом мире героическими усилиями миллионов трудящихся создал первоклассную промышленную базу, механизировал сельское хозяйство и создал условия для вооружения Красной армии средствами современной техники. Громадная сила, которую представляет собою страна строящегося социализма, стала очевидна всем мало-мальски трезвым политикам капиталистического мира. Созданию антисоветского блока препятствовал, с одной стороны, учет сокрушающей оборонной мощи нашей страны, а с другой — беспокойство, которое вызвали на западе и на юго-востоке Европы грандиозные захватнические планы коричневых Наполеонов. Так возникли предпосылки для совместной борьбы за мир между Советским союзом и теми из капиталистических стран, для которых военная угроза со стороны гитлеровской Германии является наиболее актуальной. Выдвинутый советской дипломатией тезис о неделимости мира и идея заключения региональных пактов взаимопомощи против нападающей страны получили признание в руководящих кругах Франции и стран Юго-восточной Европы.

Под влиянием быстрого роста германских вооружений происходит в то же время сближение между Англией и Францией, с одной стороны, и между Францией и Италией — с другой. Со второй половины 1934 г. в правящих кругах Великобритании начинают заметно терять свое монопольное положение сторонники предоставления фашистской Германии свободы действий на юго-востоке и особенно на востоке Европы. Последующий ход событий показал однако, как неустойчивы позиции сторонников неделимости мира в нынешнем британском правительстве, насколько еще сильны в кругах английской буржуазии антисоветские элементы и насколько здесь еще велика инерция той внешнеполитической линии, которую Гарольд Никольсон назвал «политикой безопасности за счет других народов».

Введение в Германии всеобщей воинской повинности ускори-

[1] Beer, Auswärtige Politik des Dritten Reiches, Zürich 1934.

ло сближение позиций держав, имеющих основание опасаться германской агрессии. В середине апреля в Стрезе между Англией, Францией и Италией как будто было достигнуто известное единство позиций по вопросу об обеспечении мира в Европе на основе англо-французской декларации 3 февраля. Вслед за этим 17 апреля представителями всех государств, включая Польшу, в Совете Лиги наций единогласно был принят внесенный тремя державами проект резолюции, осуждающий поведение Германии и предлагающий меры воздействия со стороны Лиги наций в случае дальнейшего нарушения действующих договоров. Несколько ускорились темпы подготовки к заключению Придунайского пакта. 2 мая был наконец подписан франко-советский договор о взаимной помощи и 16 мая — советско-чехословацкий пакт.

Уже ближайшие недели показали, насколько шатким по вине Англии оказался фронт капиталистических держав в борьбе с военной угрозой. 21 мая Гитлер произносит перед фашистским «рейхстагом» речь, которой германская дипломатия открывает свою последнюю крупную диверсию против образующегося фронта мира.

В этом контексте небесполезно вспомнить о речи Гитлера 17 мая 1933 г., когда «Третья империя» только начала осуществлять свою программу вооружений и Германия еще находилась в «зоне опасности». Перед угрозой решительных действий со стороны внешнего мира Гитлер тогда пропел гимн святости договоров. Маневр гитлеровской дипломатии имел тогда определенный успех. Уже через несколько месяцев был вбит клин между Францией и Польшей, а через год компетентные унифицированные журналисты вроде Крика могли ехидно писать о том, что Адольф Гитлер оказался более успешным тактиком, чем тактики Кэ д'Орсей и Форейн оффис.

Речью Гитлера от 21 мая 1935 г. «Третья империя» начинает очередной внешнеполитический маневр в условиях, когда «зона опасности» уже позади. На официальных и неофициальных актеров германской дипломатии возложена задача прорыва образующегося фронта мира, Антибольшевистским всем, противопоставлением тезису о неделимости мира тезиса о «локализации конфликтов» дипломатия «Третьей империи» стремится изолировать от СССР другие государства, не заинтересованные на данном этапе в войне, а фронт последних прорвать игрой на их противоречиях и в первую очередь на англо-французских.

> «Мне кажется сомнительным, — говорит Гитлер в своей речи 21 мая, — тезис о неделимости мира... Большая война... тем скорее может произойти, чем более ослабляется — сетью различных международных обязательств направо и налево — возможность локализации меньших конфликтов... Помимо этих принципиальных соображений здесь налицо еще особый случай. Современная Германия есть национал-социалистическое государство. Мир идей, владеющих нами, диаметрально противоположен идеологии Советской России».

Попрежнему свою основную ставку гитлеровская дипломатия делает на Англию. Основным орудием прорыва были избраны предложенные Германии Англией переговоры о военно-морских вооружениях. 21 мая 1935 г. реверанс Гитлера по адресу лондонского адмиралтейства был наиболее глубоким. Прокламировав «окончательную» заявку на морской флот с тоннажем, составляющим 35% британского, «фюрер» в дальнейшем перешел на высшие регистры и со всем присущим ему пафосом заявил: «Германское правительство добровольно признает решающую жизненную важность для Британской мировой империи, а тем самым и право Англии на преобладание ее обороны на море».

«Скромные» 35% тоннажа британского флота, одобрения которых добивался Гитлер у британского правительства, представляют максимум того, что Германия может построить в ближайшие годы. Речь идет о тоннаже, почти равном тому, который великое британское адмиралтейство может сосредоточить в отечественных водах. И английское правительство дало фашистской Германии свою санкцию на эти 35% в расчете на то, что англо-германское морское соглашение якобы все же как-то ограничивает морские вооружения Германии.

Более решающую роль в мотивах британской дипломатии очевидно сыграл расчет, что морские вооружения Германии будут пущены в ход не против британского флота, а против флота других стран.

Что это так, показывает резкая реакция, которую встретило сепаратное англо-германское морское соглашение в руководящих кругах Франции, а также в ряде прибалтийских и скандинавских государств. Соглашением 18 июня британское правительство не только легализовало — в противовес Франции, — ликвидацию Германией военных статей Версальского договора. Оно нарушило установленный в англо-французской декларации 3 февраля принцип совместного обсуждения вопросов морских вооружений Германии с сухопутными и воздушными и наконец принцип взаимосвязанности вопросов безопасности на западе с безопасностью на востоке и юго-востоке Европы. Соглашением 18 июня британская дипломатия молчаливо пошла навстречу гитлеровскому лозунгу локализации войны.

30 июня Пертинакс писал в «Эко де Пари», органе, близко стоящем к французским военным кругам:

> «После двухлетних попыток Германии удалось дважды прорвать линию противника, линию, надо сказать, рыхлую, шаткую, неустойчивую. Первый прорыв был сделан в Польше. Мы имеем в виду германо-польскую декларацию 26 января 1934 г. Второй прорыв, недавнего времени, удался в Англии. Мы имеем в виду англо-германское морское соглашение 18 июня 1935 г. Прорыв через Англию быть может еще не окончателен».

Так расценивал международное положение один из наиболее реалистически мыслящих буржуазных публицистов Франции к середине 1935 г.

Фашистская Германия заканчивает подготовку своих вооруженных сил к войне. На всех парах она ведет экономическую и дипломатическую подготовку к войне. Удержать поджигателей войны смогут лишь объединенные усилия держав, желающих мира. Чем бы ни закончилась последняя диверсия, предпринятая гитлеровским правительством, каковы бы ни были его дальнейшие попытки, каковы бы ни были зигзаги британской политики, советское правительство будет продолжать свою борьбу за мир.

Политика мира соответствует интересам строительства социализма в стране пролетарской диктатуры. Она соответствует потребностям и воле подавляющего большинства трудового населения в странах капитала. Свою борьбу за мир Советский союз будет и дальше проводить в тесном контакте с правительствами тех государств, которые сейчас являются противниками войны.

Но если, несмотря на все наши усилия, авантюристские клики «Третьей империи», гонимые внутренними противоречиями, все же зажгут факел войны и попытаются двинуться на завоевание «восточных пространств», произойдет то, о чем говорил т. Сталин на XVII съезде ВКП(б):

> «Едва ли можно сомневаться, что эта война будет самой опасной для буржуазии войной. Она будет самой опасной не только потому, что народы СССР будут драться на смерть за завоевания революции. Она будет самой опасной для буржуазии еще потому, что война будет происходить не только на фронтах, но и в тылу у противника».

В своих походах на восток надломил себе хребет вильгельмовский империализм, располагавший значительно большими козырями, чем империализм гитлеровский. Реставраторам затей довоенного пангерманизма к тому же не следует забывать, что сейчас им противостоит совсем иной «Восток». При попытке двинуться против него «Третья империя» рискует потерять все.

А. Виленчук

5 июля 1935 г.

ФАШИСТСКАЯ ГЕРМАНИЯ ГОТОВИТСЯ К ВОЙНЕ

I. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ФАШИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ

Карл Радек

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И БОРЬБА СССР ЗА МИР [1]

Крах Версальского договора

Объявленное германским правительством 16 марта 1935 г. введение всеобщей воинской повинности означает полный крах Версальского договора. Версальский договор основывался на отсутствии у Германии таких вооруженных сил, которыми она была бы способна померяться с державами-победительницами. Часть V Версальского договора, ограничившая германские вооружения уровнем, достаточным только для целей борьбы с пролетариатом, представляла собою основной стержень Версальского договора, зафиксировавшего желательное для победителей соотношение сил.

Теперь дело идет уже не об угрозах Германии создать мощную армию, а о факте создания такой армии. Если бы этой армии еще не было, то заявление о ее создании грозило бы Германии тем, что бывшие ее победители могут в последний момент решительными действиями помешать проведению в жизнь плана германских вооружений. Выступление Германии с заявлением о том, что ей необходима армия из 36 дивизий, доказывает, что эта армия уже существует, хотя она вероятно еще не представляет силы, способной к немедленному действию. Не подлежит сомнению, что Германия накопила запасы оружия, достаточные для снабжения массовой армии, что она создала необходимые кадры и имеет человеческий материал, в значительной мере подготовленный для того, чтобы быть влитым в армию. Понятно, нелегальная военная подготовка этих масс не могла дать немедленной полноценности этой армии, и Германии нужно время для широкого и полного освоения современного вооружения, которое было ей до этого времени воспрещено (танки, тяжелая артиллерия, современная авиация). Большое количество авиационных аварий косвенно подтверждает предположение о незаконченности германской военной подготовки. Однако рейхсканцлер Гит-

[1] Первая глава статьи т. К. Радека «Продажа КВЖД и положение на Дальнем Востоке» в соответствии с характером сборника опущена. — Ред.

лер заявил английскому министру иностранных дел Саймону о наличии в Германии воздушного флота, не уступающего английскому, и, как сообщает свидетель, не склонный к преувеличениям, направленным против Германии,— «Польска збройна», орган польского военного министерства, — Германия создала подводные лодки современного послевоенного типа. По крайней мере 22—25 дивизий в Германии в основном готовы.

Таким образом Германия могла объявить о всеобщей воинской повинности, зная, что состояние ее вооружения уже не допускает превентивных (предупредительных) мер, могущих это мероприятие сорвать; с другой стороны, оповещение о германских вооружениях стало необходимым для Германии, ибо ей нужна свобода открытого обучения больших масс солдат.

Что же осталось от Версальского договора? Экономическая его часть — репарации — была смыта мировым кризисом, после того как в продолжение многих лет Германия уплачивала их за счет иностранных займов, процентов по которым она теперь не платит. Рейнская область и Саар вернулись к Германии. Таким образом после исчезновения военных ограничений от Версальского договора остались только территориальные решения, отделение от Германии Эльзас-Лотарингии, Польского Поморья («коридора»), Познанской области, части Верхней Силезии и запрет объединения с Австрией.

Радость, с которой крупная и мелкая германская буржуазия приняла известие о создании армии, основанной на всеобщей воинской повинности, является не только психологической реакцией националистических масс, но и выражением их надежды на то, что германский империализм получил в свои руки средства для восстановления своего могущества. Дело идет не только об отвоевании потерянных в войне территорий и о присоединении Австрии, но и о проведении в жизнь той программы широкой внешней экспансии, которую выработал нацонал-социализм. Программа эта исходит из убеждения, что восстановление прежних германских границ не является решением всех задач, стоящих перед германским империализмом, ибо эти границы оказались недостаточными уже для предвоенного германского империализма. Стремление к колониальной империи дополняется стремлением к созданию великой Германской империи, охватывающей Центральную, Юго-восточную и часть Восточной Европы. Вновь созданная армия должна помочь провести эту программу в жизнь. Она должна представить германскому империализму возможность соревнования с капитализмом Франции, Англии и Японии, как и возможность соревнования с США.

Восстановление германского империализма является самым важным фактом развития капиталистической Европы после войны. В центре

Европы создалась открытая диктаторская власть монополистического капитала, опирающегося на мощную промышленность, на громадные человеческие ресурсы, на армию, превосходящую французскую. Фашизм в Германии нанес тяжелейшие удары революционному пролетариату, загнав его в подполье, разрушил массовые легальные организации рабочего класса, централизовал до невиданных размеров все рычаги власти. Германский фашизм выдвигает программу передела мира.

Все это изменяет соотношение сил, сложившееся после войны между капиталистическими державами, и создает новый элемент в положении первого социалистического государства. Сколько бы германская дипломатия ни пыталась замаскировать цели восстановленного германского империализма, сколько бы она ни пыталась представить дело так, что предметом «забот» германского империализма является только восстановление германского «равноправия», стремление Германии к новому переделу мира не подлежит никакому сомнению, и «разговор по душам» германского империализма с представителями Англии выявил это полностью.

Восстановление германского империализма является простым результатом двух фактов: поражения германской революции в период 1919—1923 гг., явившегося результатом предательской политики социал-демократии, и роста противоречий империалистских держав, что позволило германскому монополистическому капиталу восстановить свои вооружения.

Советский союз предсказывал это развитие, предсказывал крах Версальского договора. Завершение этого краха не может вызывать никакого сожаления в Советском союзе, ибо попытка навязать многомиллионной высококультурной нации полуколониальное положение была заранее обречена на провал.

Но крах Версальского договора, изменение прежнего соотношения сил ставят в порядок дня вопрос о том, будет ли новое соотношение сил создано в новой мировой войне или же будут найдены мирные средства временного выхода из накопившихся противоречий.

Франция и крах Версальского договора

Несмотря на то, что крах Версальского договора считался всеми мало-мальски трезво оценивающими тенденции мирового развития неминуемым, французский империализм был захвачен событиями врасплох.

Французский империализм оказался неспособным провести расчленение Германии, которого требовали наиболее ретивые его представители. Программа Фоша — захват рейнских провинций,— продолжением которой была идея отделения от Германии южных католических частей и объединения их с католической Австрией, была отклонена даже Клемансо. Противоположная программа компромисса с Германией, лежавшая в основе политики Бриана,

могла дать только отсрочку назревающему кризису, ибо и эта программа стремилась включить Германию в систему французского империализма, подчинить Германию французскому империализму. Борьба обеих этих тенденций во французской внешней политике приводила только к тому, что Франция, с одной стороны, делала Германии запоздалые уступки, не могущие удовлетворить последнюю, а с другой — этими уступками подрывала у союзников Франции веру в ее волю защитить Версаль. Перед лицом уже приближающегося краха версальской системы Франция не была в состоянии осуществить никакой последовательной политики. Она торговалась по поводу уступок, которые стали неизбежными; но, надеясь на компромисс, она не умела принимать мер, которые противодействовали бы стремительному усилению германского империализма. Опираясь формально на Лигу наций, Франция не сумела твердо поставить вопрос об усилении системы коллективной безопасности.

Все эти колебания отражают то сложное положение, в каком находится Франция. Страна с 40-миллионным населением противостоит стране с 65-миллионным населением. Сила и концентрация германской промышленности далеко превосходят французскую промышленность. В таком положении всякий серьезный компромисс с Германией, заключенный на основе равенства, позволил бы Германии добиться преимущества над Францией. Мечта о военном разделе Германии была нереальной уже в момент разгрома Германии. В XX в., когда отсталые колониальные народы стремятся к национальному объединению, нелепо ставить себе целью разделить передовую, культурную страну в центре Европы. Противоречивость положения Франции, невозможность заключения с Германией серьезного компромисса придали французской дипломатии по отношению к Германии чисто пассивный характер.

Центральная мысль французской внешней политики перед лицом приближающегося краха версальской системы состояла в обеспечении Франции английской и итальянской помощи и в усилении той группировки европейских держав, против которой наравне с Францией направлена политика восстановленного германского империализма.

В основе сближения с Великобританией лежит исчезновение тех условий, которые позволяли Великобритании после войны надеяться на то, что Германия будет играть роль английской пешки в борьбе за равновесие сил в Европе, конкретно говоря, английской пешки, ограничивающей французскую гегемонию. Великобритания считала, что с исчезновением германского морского флота Германия не сможет больше угрожать английскому империализму. Но рост значения воздушного флота и создание воздушного флота в Германии дали германскому империализму новое оружие для создания угрозы Великобритании. С момента, когда это стало ясно руководителям британской политики, с весны 1934 г., Великобритания начинает поворачивать к Франции, что находит свое выражение и в переговорах французских военных властей с английскими, в

июльском, 1934 г., выступлении Болдуина с программным заявлением о том, что **границы Англии находятся на Рейне**, что вопрос о **Бельгии и Голландии** является вопросом о безопасности Англии. **Обязываясь защитить Францию от германского нападения, английская дипломатия одновременно искала пути к компромиссу с Германией**, чтобы не допустить такого обострения положения, при котором Англия была бы вынуждена выступить с оружием в руках. Под давлением Англии Франция пошла на уступки в саарском вопросе, что помогло германскому фашизму развернуть новую демагогическую кампанию среди народных масс Германии.

По вопросу о вооружениях Франция совместно с Великобританией предается тщетным надеждам, что ей удастся ценой легализации германских вооружений добиться уменьшения этих вооружений и согласия Германии на систему безопасности.

Введение всеобщей воинской повинности в Германии могло в таких условиях вызвать только формальные дипломатические протесты, не имевшие никакого влияния на германскую политику. Франко-английский компромисс от 3 февраля, когда Германии была предложена легализация ее вооружений взамен ее согласия на систему коллективной безопасности на Западе и на Востоке и на возвращение в Лигу наций, был формально принят германской дипломатией в качестве базы для переговоров. Но раньше, чем эти переговоры начались, германская дипломатия базу эту уничтожила, прокламировав ликвидацию части V Версальского договора и оповестив мир о создании армии, основанной на всеобщей воинской повинности.

После многих лет напряженных отношений между Францией и Италией, вызванных стремлениями Италии ослабить французскую гегемонию в Европе и добиться серьезных колониальных уступок от Франции, после периода, когда Италия поддерживала германские притязания, начинается поворот в итало-французских отношениях, вызванный чрезмерным усилением Германии, ее попытками захватить Австрию. Римское соглашение (январь 1935 г.) означает первый шаг французской дипломатии по пути обеспечения итальянской поддержки против Германии. Франция стремится к такому сотрудничеству с Италией, которое позволило бы ей убрать свои войска с итало-французской границы и сконцентрировать их на франко-германской границе. Военный министр Франции генерал Морен заявил, что этой возможности Франция добилась. Остается под вопросом, добилась ли она этой возможности только на данный момент, при данном положении, или дело идет о постоянной сделке.

Но даже если считать, что Франция может рассчитывать на английскую и итальянскую помощь в случае германского нападения, то остается открытым вопрос, относится ли эта помощь к нападению на французскую территорию или также и к нападению на державы, с которыми Франция связана союзом. На этот вопрос надо дать пока что **отрицательный** ответ. Английская ди-

пломатия подчеркивает, что она не принимает никаких обязательств, выходящих за пределы Западной Европы, за линию Рейна. Между Италией же и Малой Антантой отношения до последнего времени были очень напряжены, никакой договоренности между Италией и Францией насчет судеб Балкан и Дунайского бассейна нет, Италия не перестала поддерживать ревизионистские тенденции Венгрии и Болгарии за счет Румынии, Чехословакии и Югославии. Таким образом Франция может быть поставлена в такое положение, когда ей придется защищать своих союзников, причем помощь Англии и Италии обеспечена не будет. Неуверенность в том, сможет ли Франция выполнить свои союзные обязательства, является одной из причин, заставивших Польшу нащупывать возможности сговора с Германией. Малая Антанта начала искать сближения с СССР, видя в этом средство усиления своей безопасности. Это обстоятельство усилило во Франции возникшее за последнее время стремление к сближению с Советским союзом как громадной силой на востоке Европы, заинтересованной в сохранении мира и доказавшей последовательность своей мирной политики.

Известное совпадение на данном этапе внешнеполитических стремлений Франции и Советского союза, созданное восстановлением германского империализма, толкало Францию на сближение с СССР. Но эта тенденция тормозилась стремлением части крупной французской буржуазии и реакционных полуфашистских кругов заключить сделку с германским фашизмом. Только ускорение темпов нарастания германской опасности и растущее беспокойство Малой Антанты заставили французскую дипломатию двигаться быстрее к сближению с СССР. Сдерживающим моментом при этом являлось влияние Великобритании и Польши. Великобритания боялась, что, сблизившись с СССР, Франция будет вести более смелую политику по отношению к Германии и не будет склонна к таким далеко идущим уступкам, каких требует английская дипломатия. Польша опасалась, что удельный вес СССР уменьшит ее значение в системе французских союзов.

Часть французских политиков со своей стороны опасалась, что сближение с СССР окончательно толкнет Польшу в объятия Германии. Перевес взяло то соображение, что если Польша не намерена переходить в лагерь германского империализма, то франко-советское сближение может быть ей только на-руку, ибо оно улучшит польско-советские отношения и создаст для Польши более крепкий тыл на случай опасности со стороны Германии. Советско-французское сближение могло бы стать опасным для Польши только в случае участия Польши в немецкой экспансии, направленной против СССР. Но тогда Польша не была бы больше союзником, а стала бы врагом Франции, ибо германская агрессия против СССР угрожает и Франции.

Великобритания и Германия

Подготовляя программу восстановления германского империализма, германский фашизм создал догму о неизбежности англо-

германо-итальянского союза. Эта догма, лежащая в основе внешнеполитических перспектив Гитлера и Розенберга, опиралась на то, что Италия, «обделенная» в Версале, не получившая ни значительных колоний в Африке и Азии, ни возможности подчинить своему экономическому и политическому влиянию Балканы, неминуемо должна совместно с Германией бороться за уничтожение французской гегемонии в капиталистической Европе и за раздел французских колоний. Что касается Великобритании, то германские надежды опирались не только на борьбу британского империализма периода Керзона (с 1919 по 1924 г.) против Франции, но и на убеждение в неминуемом росте противоречий между Великобританией и СССР.

Ход развития создал много элементов, противоречащих этой перспективе, ослабляющих значение фактов, на которые она опиралась. Попытка германского империализма ударом изнутри захватить Австрию показала Италии наличие опасности неожиданного появления Германии у Бренера. Это дало бы Германии возможность усилить в Югославии те элементы, которые начали переориентироваться на германский империализм как союзника против Италии, это дало бы Германии возможность усилить в Венгрии тенденции, более близкие германскому империализму, чем итальянскому. Став твердой ногой над Бренером и в бассейне Дуная, Германия могла бы попытаться собрать вокруг себя остальные балканские страны. В Румынии на нее работает не только фашистская «железная гвардия», но и те элементы финансовой буржуазии, которые связаны с Германией и имеют сильные придворные связи. Болгария не вошла в Балканскую Антанту, чем показала свое стремление к ревизии границ. Обеспечив доминирующее влияние в придунайских и балканских странах, Германия могла бы попытаться выравнять противоречивые интересы балканских стран, предоставляя им взамен этого уступки в области аграрного экспорта.

Все эти возможности привели к франко-итальянскому сближению. Его серьезности нельзя было сначала переоценивать, ибо Франция уплатила за него не очень высокую цену: на песках, уступленных Францией Италии в Африке, всего 1 800 чел. населения! Но усиление тревоги итальянского империализма за будущее, вызванной германским актом от 16 марта, привело к тому, что итальянский империализм выступил острее и сильнее, чем какая бы то ни была другая держава, и немедленно принял серьезные меры к усилению своей военной мощи.

И внешняя политика Англии не отвечала полностью надеждам и расчетам германского фашизма. Во-первых, прежняя борьба английского империализма против Франции за гегемонию над капиталистической Европой временно уступила место страху перед восстановлением германского империализма с его программой экспансии. Часть представителей английского империализма прямо боится, чтобы Германия при помощи воздушного флота и подводных лодок не попыталась навязать Британской империи свою волю, добиваясь территориальных усту-

пок в колониях и отказа от поддержки Франции. Требования равенства германского воздушного флота с Англией и Францией, требования морского флота, равного атлантическому флоту Великобритании, полностью подтвердили эти опасения. Если бы Великобритания согласилась на существование германского флота, равного атлантическому флоту Англии, то в момент серьезного кризиса на Дальнем Востоке, который заставил бы Великобританию перебросить часть атлантического флота в Сингапур, Германия имела бы возможность предъявить Великобритании любые требования.

Другие представители руководящих кругов Великобритании убеждены в том, что если сохранить мир, то Великобритания, располагающая громадной империей, сможет небезнадежно искать выход из тяжелого кризиса. Война подвергла бы Англию величайшим опасностям европейской войны в тот момент, когда на Дальнем Востоке решаются судьбы английского влияния на азиатском континенте. Эти соображения создали у части английского господствующего класса стремление к сохранению мира на данной стадии, по крайней мере до момента, пока Великобритания не усилит значительно своих вооружений.

Само собой понятно, что руководители Британской империи ни на один момент не отказались от вражды к СССР — первой стране победоносного социализма. Само собой понятно, что если бы было возможно предоставить Германии выход в Юго-восточную или Восточную Европу, в первую очередь за счет ослабления СССР, без того чтобы вызвать войну в Европе и на Дальнем Востоке,— великобританский империализм не поколебался бы ни на мгновение.

Но сила Советского союза, наличие противоречий в Восточной Европе между странами, способными стать союзниками Германии, и странами, связанными союзом с Францией, делают неминуемым крах всякой мысли о локализации войны Германии с СССР. Связь положения в Европе с положением на Дальнем Востоке привела бы неминуемо к использованию войны в Европе Японией для обострения экспансии на Дальнем Востоке. Все это ослабило пока что позиции той части английских консерваторов, которая, будучи готова защищать Францию от германского нападения, хотела бы направить германскую экспансию на восток Европы.

К этим общим соображениям стратегического характера присоединились тактические соображения. Публицисты той фракции английских консерваторов, которая непрочь была бы повернуть военную опасность на восток Европы, могут писать о подобных планах открыто. Английское правительство, даже если бы оно стало на подобную точку зрения, не могло бы открыто принять на себя ответственность за этот план. Предстоят выборы, на которых консервативная партия хочет сохранить в своих руках власть,

несмотря на значительный отлив симпатий масс избирателей. Главным предметом борьбы между консервативной партией и лейбористами будет вопрос о мире.

В этих условиях фашистское правительство Германии, открыто требуя армии, превышающей французскую, воздушного флота, равного французскому и английскому, значительного морского флота и одновременно отклоняя восточный и дунайский пакты, отклоняя возвращение в Лигу наций без того, чтобы ее статут был изменен в духе, облегчающем для Германии возможность выдвинуть территориальные требования, — в этих условиях германский фашизм поставил английское правительство в невозможное положение. Великобритания должна была бы открыто принять ответственность за программу экспансии германского империализма. Она этого сделать не могла, если не хотела восстановить против себя Францию, ее союзников, СССР и свои народные массы. Этот момент подчеркивает лондонский еженедельник «Нью стейтсмен» (от 6 апреля), заявляя:

«Действительно, если бы Гитлер разыгрывал козырь антикоммунистических настроений английской крупной и средней буржуазии более тонко, то нельзя считать невозможным, что он купил бы симпатии по крайней мере английских консерваторов для своей экспансионистской политики на Востоке. Открытая защита этой политики, несомненно, напугала сэра Джона Саймона».

СССР и борьба за мир

В то время как германский и японский империализм выдвинули открыто программы своей экспансии, Советский союз вел непоколебимую борьбу за мир. За последние годы СССР развернул знамя этой борьбы на международной конференции по разоружению. Он вошел в Лигу наций в тот момент, когда Япония и Германия ушли из Лиги с целью развязать себе руки даже от тех очень скромных мирных обязательств, которые содержит статут Лиги наций.

Советский союз, вступая в Лигу наций, заявил открыто, что он будет бороться за усиление системы гарантий мира, системы всеобщей безопасности. Весь мир следит с напряженным вниманием за той громадной творческой работой, которую проделывает Советский союз; за ней следят даже наши враги, которые не понимают, как может жить великая страна, не ведя войны, не борясь за экспансию, которые поэтому склонны считать, что мирная политика Советского союза вызвана временными соображениями, — враги, которые считают, что эта мирная политика рассчитана на срок от 10 до 20 лет.

Поэтому попытка германской дипломатии использовать «советскую опасность» как трамплин для своих вооружений для подготовки войны за новый передел мира должна была кончиться крушением. Корреспондент лондонского «Таймс» в статье, целью которой было ослабить влияние германских саморазоблачений и впечатлений от заявлений Саймона о глубоких и принципиальных

разногласиях между точкой зрения английского и германского правительств, принужден был установить («Таймс» от тридцатого марта):

«Германская сторона получит пользу от переговоров (с сэром Джоном Саймоном), если поймет, что аргумент о русской опасности не производит такого глубокого впечатления на британские умы, как на германские, и что все надежды на непосредственное и сепаратное сближение между Великобританией и Германией, которые отделили бы ее от ее французских связей, беспочвенны. Надо также понять, что некоторые из известных взглядов господина Гитлера на возможную роль Советского союза и Германии могут за границей вызвать недоумение».

Это — самая сдержанная и умеренная формулировка результатов англо-германских переговоров, данная представителем германофильского течения английской консервативной партии, и изложена она на страницах наиболее авторитетного органа английской буржуазии. Попытка на этом этапе добиться от Британской империи согласия на полную программу германских вооружений и на программу германской экспансии окончилась неуспехом и вдобавок привела к такому разоблачению германского империализма, какого не могли добиться все его противники.

Советский союз не только продемонстрировал всему миру мирный характер своей политики. Советское правительство доказало свою способность к обороне страны от какого бы то ни было нападения. Громадно выросшая экономическая и военная мощь Советского государства не представляет тайны для капиталистического мира. В отличие от Германии, которая скрывала свои вооружения, Советский союз не только не скрывал их, но открыто их демонстрировал как предостережение врагам. Он мог это делать, ибо его мирная политика не оставляла никаких сомнений в том, что эти вооружения служат единственно обороне страны в случае нападения. Мощь СССР, объединенная с мирной политикой, заставила ряд государств, боящихся германского нападения, повернуться к Советскому союзу и искать у него помощи и защиты.

Это заставило часть руководителей Великобритании понять, что если их собственные интересы требуют сближения с Францией и ее союзниками, то они же заставляют считаться с Советским союзом, с которым эти страны ищут сближения. Боязнь дальнейшей экспансии Японии на Дальнем Востоке заставила значительную часть английских государственных людей, до настоящего времени играющих с мыслью, что война на Дальнем Востоке между СССР и Японией могла бы освободить их от японской опасности и одновременно ослабить СССР, усомниться в целесообразности этой опасной игры. Руководящие органы английского империа-

лизма подчеркивают теперь мысль о невозможности локализации войны, где бы она ни вспыхнула.

В таком положении заявление представителей английского правительства не только о своих мирных намерениях по отношению к СССР, но и о том, что они не покровительствуют никаким военным тенденциям других держав, направленным против СССР, надо считать политическим шагом, полностью соответствующим интересам Великобритании.

В статье, посвященной вступлению Советского союза в Лигу наций, анализируя поворот, наметившийся в английской политике летом 1934 г., мы указывали на противоречивость тенденции этой политики. Мы писали тогда:

«Английский империализм устами Болдуина говорит французской буржуазии: мы солидарны с тобой в защите французской территории. Но французская буржуазия не намерена удовлетвориться защитой своей территории. Она борется за свою позицию в Европе и во всем мире. Английский империализм заявил, что он относится благосклонно к франко-советским планам восточного пакта, но, поддерживая их дипломатически, не может принять никакой ответственности за эти планы.

Франко-советский проект восточного пакта обязывает заключившие его державы к взаимной защите в случае нападения. Если бы на основе этого пакта Франция была втянута в войну с Германией, Англия стала бы перед необходимостью решить, допускает ли она поражение Франции в войне, возникшей из борьбы против германской восточной или юго-восточной экспансии.

Мы видим таким образом, что европейская политика Англии находится в периоде передвижек, брожения, борьбы тенденций. Это выражается и в переходе от локарнских позиций к болдуиновским, но одновременно и в попытке сохранения старого принципа, согласно которому судьбы Восточной Европы не касаются интересов английского империализма (на практике это означало предоставление Германии свободы действий на востоке Европы). Это — глубоко противоречивая позиция, на которой английский империализм удержаться не сумеет.

Еще более противоречива позиция английского империализма перед лицом развития японской агрессии на Дальнем Востоке».

Мы писали далее:

«Внешняя политика английского империализма находится в периоде колебаний, поисков новой ориентировки. Было бы неверно не видеть тех новых элементов в английской политике, которые могли бы привести к ослаблению вражды Английской империи против СССР, которые могли бы усилить мирные тенденции английской политики. Но еще неправильнее было бы думать, что можно положиться в ближайшем будущем на мирный курс английской политики. В английской

политике происходит борьба тенденций, а в таких случаях английские господствующие классы пытаются выиграть время, не принимая решений. Но эта нерешительность усиливает авантюристские империалистские элементы, которые могут попытаться повлиять на политику Англии, поставив ее перед совершившимся фактом»[1].

Коммюнике советского правительства от 1 апреля о беседах лорда-хранителя печати Идена с тт. И. В. Сталиным. В. М. Молотовым и М. М. Литвиновым является документом, отражающим дальнейшую передвижку английской политики в направлении к усилению элементов мира, в направлении признания роли СССР как одного из основных факторов мира в Европе и Азии и сотрудничества с ним в деле организации коллективных гарантий мира. Было бы неправильно считать, что эти заявления английского правительства снимают вопрос о роли тех элементов английской буржуазии, которые приветствовали бы или во всяком случае считали бы меньшим злом войну Германии и Японии против СССР. Эти элементы не перестали существовать, и они будут стараться использовать всякое обострение политического кризиса в Европе и в Азии.

Было бы неверно считать, что английское правительство решилось на простой, непоколебимый курс организации и сохранения мира в Европе. Организация мира представляет громадные затруднения. Значительные слои английской крупной буржуазии надеются заработать на подготовке войны, и в их руках достаточно рычагов, чтобы вызвать колебания в политике британского правительства, колебания, которые неминуемо будут использованы авантюристами империалистских клик как в Германии, так и в Японии. Классовая ненависть крупной буржуазии Великобритании к СССР сильнее, чем в других странах, ибо в ней соединяются ненависть и страх капиталистического эксплоататора и колониального рабовладельца перед влиянием СССР на Европу и Азию.

Но было бы неверно недооценивать и значение того факта, что впервые английское правительство в момент очень обостренного международного политического кризиса было принуждено принять протянутую ему советским правительством руку для сотрудничества в деле укрепления мира.

Предварительное соглашение Советского союза и Франции о пакте взаимной помощи представляет собой шаг вперед по пути организации обороны народов, находящихся под угрозой германской экспансии. Пока это предварительное соглашение не будет наполнено конкретным содержанием и окончательно оформлено,

---

[1] «Большевик» № 17, 15 сентября 1934 г., стр. 32.

нельзя еще полностью оценить его значение[1]. Приходится поэтому ограничиться здесь постановкой общих вопросов, связанных с дальнейшей борьбой Советского союза за укрепление мира и за взаимную помощь в случае агрессии.

В основном перед державами налицо следующая альтернатива: они могут искать безопасности либо на путях военных союзов, либо на путях организации коллективной безопасности. Советский союз высказался открыто за организацию коллективной безопасности. Орган, задачей которого является организация безопасности, — это Лига наций. Ее статут обязывает всех ее членов уважать целостность и суверенитет всех других держав и решать все спорные вопросы путем мирного разбирательства. В случае агрессии одного из членов Лиги наций или государства, не входящего в нее, Лига должна принять меры не только к экономической и финансовой блокаде государства-агрессора, но и к организации военной помощи государству, подвергшемуся нападению.

К сожалению 15-летняя история Лиги наций не оправдала тех надежд, которые питала значительная часть народных масс всего мира. Это объясняется целым рядом причин. Самая о б щ а я из них состоит в том, что великие державы, которые в критический момент в первую очередь призваны выступать в защиту выполнения резолюций Лиги, руководились только своими собственными интересами. Если нападение агрессора не нарушало их собственных интересов, они не склонны были действовать в защиту мира. Капиталистический мир и в междугосударственной области представляет глубоко противоречивую систему, и всякая капиталистическая держава при каждом своем шаге должна считаться с тем, как этот шаг может быть использован ее конкурентами.

Но кроме этих общих причин налицо были еще две конкретные причины. Проводником морской блокады, направленной против государства-агрессора, должна была быть в первую очередь Великобритания, имеющая более сильный флот, чем другие члены Лиги наций. Но Соединенные штаты Америки, имеющие второй по силе флот, не являются членом Лиги наций. Они выступали до этого времени в качестве защитника идеи «свободы морей», и Великобритания боялась, что, проводя на основе решения Лиги наций блокаду какой бы то ни было великой державы, она может столкнуться с Соединенными штатами. Во-вторых, в Азии только одна держава — Япония — представляла большую военную силу на суше и на море. Великобритания опасалась, что, выполняя решения Лиги наций, направленные на защиту мира в Азии, она может очутиться в положении, которое приведет ее к войне с Японией, без того чтобы она имела обеспеченную поддержку других держав, входящих в Лигу наций, а тем более Соединенных штатов, не входящих в нее.

Вот конкретные причины, которые до этого времени делали коллективную безопасность иллюзорной и толкали страны, счита-

[1] 2 мая 1935 г. в Париже был подписан франко-советский пакт о взаимной помощи. 16 мая в Праге подписан советско-чехословацкий пакт о взаимной помощи. — Р е д.

ющие себя находящимися в опасности, на путь военных союзов. Встает вопрос, найдут ли теперь великие державы, в первую очередь ответственные за сохранение мира, методы для организации коллективной безопасности? Если этот путь не будет найден, мировая война неизбежна в ближайшие годы.

Советский союз предлагает усиление безопасности путем **региональных пактов взимопомощи**, заключаемых на основе статута Лиги наций. Общая опасность войны, порожденная империализмом, обостренная послевоенным кризисом капитализма, находит свое выражение в возникновении ряда очагов военной опасности. Достаточно указать на англо-американские противоречия, на франко-германские противоречия, на итало-французские противоречия, на противоречия балканских держав, на противоречия, созданные германской экспансией, на противоречия, созданные экспансией японского империализма на Дальнем Востоке. Каждое из этих противоречий не является чисто локальным—оно имеет тенденцию к слиянию с другими очагами войны и к перерастанию в мировую военную опасность. Дипломатическим путем борьба против опасности новой мировой войны может быть наиболее легко проведена через ослабление противоречий в данном конкретном очаге, из которого может в данный момент возникнуть война.

Единственными серьезными дипломатическими договорами между капиталистическими державами после войны были Вашингтонский и Локарнский договоры. Вашингтонский договор представлял сделку держав, заинтересованных хотя бы временно в сохранении статус кво на Дальнем Востоке. Он пытался создать рамки для «мирной» борьбы интересов этих держав и на основе этой сделки установить «нормы» вооружений на Дальнем Востоке. Локарнский договор имел целью затруднить войну на Рейне, обеспечивая поддержку подвергшейся нападению стороне. Оба договора оказались недолговечными. Развитие капитализма, изменяя соотношение сил на Дальнем Востоке, привело к разрушению вашингтонского соглашения, но последнее просуществовало 10 лет и помогло избегнуть войны, которая в 1921 г. угрожала вспыхнуть между Японией и Соединенными штатами. Локарнский договор, приведший, хотя и временно, к уменьшению опасности франко-германской войны, теперь находится под ударом в связи с изменением соотношения сил в Европе.

Поскольку существует капитализм, постольку постоянная организация мира является утопией. Но из этого не следует, что надо пренебрегать отсрочками войны, которые оставляют время для попыток разрядить конфликты и дают время назреть силам, способным обеспечить человечеству мир. Региональные пакты о взаимной помощи представляют известный путь укрепления мира, ибо они относятся к ясно очерченному соотношению сил на определенной территории, касаются определенного конфликта, и поэтому здесь более облегчен контроль над выполнением или невыполнением принятых обязательств. Дело идет о том, чтобы при наличии нескольких очагов военной опасности, которые могут пере-

расти в мировую войну, стремиться к заключению региональных пактов взаимной помощи во **всех** главных пунктах, в которых грозит война.

Чем лучше удастся распутать один узел противоречий за другим и обеспечить хотя бы на время мир на решающих участках, тем легче будет добиться усиления общей безопасности путем уточнения и конкретизации соответствующих обязательств статута Лиги наций.

Советский союз таким образом не может быть противником уточнения и усиления общих обязательств членов Лиги наций по отношению друг к другу, но очень мало вероятно, что этот путь окажется более коротким, чем путь региональных пактов. Против этого предположения говорят не только общие соображения о затруднении организации мира при капитализме; против оптимизма в данном вопросе предостерегает и желание Великобритании не принимать, по возможности, обязательств, могущих ее вовлечь в войну дальше Рейна. Даже если великобританское правительство откажется на деле и до конца от политики поощрения Германии и Японии и после того как Великобритания будет вооружена, то тенденция Великобритании принимать решения и обязательства только в последний момент, когда соотношение сил выявится с полной конкретностью, долго еще будет мешать серьезному усилению роли Лиги наций и уточнению ее статута.

Стремление к созданию региональных пактов вызвало серьезнейшее сопротивление держав, желающих сохранить свободу для политики экспансии. Это не подлежало никакому сомнению и не представляет никакой неожиданности. Надо ожидать и того, что английское правительство, высказывающееся за коллективную организацию мира, будет понимать эту коллективную организацию мира довольно абстрактно и будет сопротивляться ее уточнению. Но из этого отнюдь не следует, что надо отказаться от стремления к региональным пактам взаимопомощи и к уточнению статута Лиги наций.

Заключение пактов взаимопомощи вовсе не является политикой военных союзов. Если например Франция и ряд ее союзников заключат с Советским союзом пакты о взаимопомощи, то эти пакты будут коренным образом отличаться от военных союзов. Первое их отличие будет состоять в том, что это будут действительно пакты о защите. Советский союз принципиально не стремится к завоеваниям. Франция и ее капиталистические союзники не стремятся сейчас к завоеваниям. «Французская мечта состоит в первую очередь в упорядоченном мире, где всякое государство будет иметь обеспеченный мир путем строгих международных законов, международной охранной полиции и отказа от экспансии. Мы устали от всяких авантюр», — так опеределяет позицию Франции полковник Шарль де Голь в своей нашумевшей книге «Vers l'armée de métier».

Как бы критически ни относиться к французскому империализму, не подлежит сомнению, что на данной исторической стадии эти слова отвечают действительности. Из того факта, что в отличие

от союзов, какими были Антанта и Тройственный союз, пакты о взаимопомощи не ставят себе никаких захватнических целей, вытекает их дальнейшее отличие от старых военных союзов. Раз дело идет о защите, то участники подобных пактов не заинтересованы в ускорении конфликтов, не ищут момента для нанесения сокрушительного удара противнику, наоборот, они заинтересованы в мирном решении спорных вопросов. Поэтому эти пакты не пытаются никого исключить. Они, наоборот, остаются открытыми для всякой страны, желающей принять в них участие. Они таким образом не создают двух противостоящих друг другу лагерей, не стараются обобщить противоречия и стать их «конвейером». Они являются средствами хотя бы временного ослабления противоречий.

Чем большее число держав решится вступить на путь пактов взаимопомощи, тем больше державы, стремящиеся к развертыванию сил войны, убедятся, что они сами себя изолируют.

Советский союз исходит в своей политике из учения Ленина об империализме, из учения Ленина и Сталина о неравномерности капиталистического развития, и мы знаем великолепно, что гарантировать вечный мир нельзя никакими дипломатическими актами, что дело может итти только об отсрочке войны, о временных решениях.

Исторические успехи, достигнутые Советским союзом под руководством товарища Сталина, успехи строительства социализма сделали Советский союз социалистических республик в этот критический исторический момент великой самостоятельной силой, с которой приходится считаться всем. Царское правительство, не имевшее серьезной индустриальной базы, принуждено было клянчить помощь у других держав и, заключая союзы, становилось придатком великих империалистских держав, продавая им за займы кровь русских крестьян и рабочих. Стремясь к грабежам, царское правительство помогало грабежам более сильных империалистских держав. Советский союз, опираясь на энергию, самоотверженность пролетариата и крестьянства, создал собственными силами громадную мощную индустрию, колхозную деревню, обеспечивающую страну продовольствием и сырьем.

Советский союз борется за мир как самостоятельная великая держава, могущая дать сокрушительный отпор любой державе, угрожающей покою советских рубежей. В случае развертывания мирового конфликта СССР будет опираться не только на силы государства советского пролетариата и колхозного крестьянства, но и на силы передового пролетариата Запада и колониальных масс, борющихся за национальное освобождение. Военный кризис приведет неминуемо к повороту широких отсталых масс городской и деревенской буржуазии к пролетариату, ибо эти массы на кровавом опыте убедятся в действительном содержании фашизма и в беспомощности буржуазной демократии.

Вот основные силы, на которые опирается Советский союз. Но Советский союз координирует свои действия с теми капиталистическими державами, которые, каковы бы ни были их мотивы, не хотят в данный момент развязывания войны. Это представляет ре-

зерв, могущий помочь оттянуть опасность войны. Пролетарское государство при помощи пактов взаимопомощи усиливает позиции сторонников мира и затрудняет для авантюристских сил империализма их работу по поджиганию войны.

(Журн. «Большевик» № 7 за 1935 г.).

А. Юрин

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА И ТАКТИКА „ТРЕТЬЕЙ ИМПЕРИИ“

Военный разгром на годы сбросил Германию в качестве решающей силы со счетов международной политики. Но германский капитализм усилиями социал-демократии был спасен от пролетарской революции, и в послеверсальской Германии не была уничтожена та почва, на которой неизбежно растет империализм со всеми его атрибутами. Теперь, через 16 лет после заключения версальского мира, прусский милитаризм снова бряцает оружием, наполняя тревогой жаждущие мира народы Европы.

Мировой экономический кризис, с исключительной силой поразивший Германию, обнаружил несовместимость существования германского монополистического капитала с теми условиями, которые были созданы Версалем. Мощный производственный аппарат, обновленный и расширенный в период относительной стабилизации капитализма, требовал широких рынков сбыта. Монополистическая буржуазия нуждалась, как в воздухе, в колониях, в дешевом сырье, в экспорте капитала. Резкое обострение классовой борьбы служило наглядным показателем остроты противоречий, раздирающих капиталистическую систему Германии.

Перед лицом кризиса и угрозы революционной развязки монополистический капитал не видит иного выхода, как в установлении террористической диктатуры внутри страны и в форсированной подготовке борьбы за новый передел мира. Фашистский переворот 1933 года открывает таким образом новый этап внешней политики послевоенной Германии.

От методов постепенного расшатывания версальской системы, характерной для осторожной политики веймарской республики, гитлеровское правительство перешло к открытой подготовке войны во имя осуществления программы мировой гегемонии германского империализма. Эта программа — отнюдь не продукт оригинального творчества национал-социализма. Ее основные элементы взяты из арсенала довоенного пангерманизма, представители которого задолго до Гитлера и Розенберга разработали идеи, легшие в основу завоевательных планов «Третьей империи». Перед

нами не случайное родство идей, а преемственность политических целей германского империализма.

Внешнеполитическая концепция Гитлера

Давая сжатую характеристику гитлеровской внешнеполитической концепции, мы в основном обращаемся к его книге «Мейн кампф». В этой своей работе Гитлер не был еще связан соображениями «государственной целесообразности» и открыто мог излагать свои мысли, не опасаясь дипломатических осложнений.

Позднейшие попытки коричневых публицистов дезавуировать некоторые особо одиозные формулировки из «Мейн кампф» не заслуживают внимания хотя бы потому, что сам автор никогда от них не отказывался. Тот факт, что «Мейн кампф» является настольной книгой деятелей «Третьей империи», что эта книга официально рекомендована министерством просвещения и военным ведомством как основное учебное пособие для воспитания молодежи и армии, достаточно оттеняет ее директивный характер.

Каковы внешнеполитические цели «Третьей империи»? Гитлер подходит к их выяснению с критики политики кайзеровской Германии. Он предает анафеме «ограниченный» кругозор довоенной дипломатии, видевшей цели германской внешней политики в расширении сферы «колониального и торгового (? — А. Ю.) могущества» Германии. Такая политика противоречит, по мнению Гитлера, «жизненным» интересам народа, «нуждающегося» прежде всего в сплошных территориальных массивах, пригодных для колонизации.

> «Внешняя политика народного государства, — замечает он, — должна обеспечить германской расе, объединенной в государство, существование на земном шаре путем создания естественного, жизнеспособного соотношения между количеством населения и величиной территории» (стр. 728).

«Третья империя» должна представлять собой государство, объединяющее германские народности, населяющие Европу. Она должна включать огромные земли, обеспечивающие на столетия свободное расселение «германской расы» на плодородных землях народов «низшей расы». Осуществлению этой цели должна быть подчинена вся деятельность национал-социализма. Под этим углом зрения необходимо «перевоспитать» народные массы.

Рычагом идеологической подготовки к решению последней задачи у Гитлера служит миф о расовом превосходстве германского человека, рожденного для господства над миром. Вторым устоем служит тезис о мобилизации всех духовных, организационных и материальных ресурсов для военных целей. Ибо нация — как говорит Гитлер — должна пройти через целую эпоху величайших потрясений, она должна будет нести огромные жертвы, прежде чем германский меч подчинит своему господству земли покоренных народов.

Объединение всех немцев, рассеянных среди различных государств, — включение, стало быть, в состав «Третьей империи» Ме-

меля, Данцига, Польского коридора, Силезии, Австрии, судетских земель, Чехословакии, Швейцарии, Тироля и т. д. — не является конечной целью гитлеровской программы. Здесь только начинаются исторические задачи национал-социалистского государства.

> «Когда Германия включит в свои ряды последнего немца, не будучи в состоянии обеспечить его пропитанием, тогда из нужды возникает моральное право народа к завоеванию чужих земель. Плуг тогда превратится в меч, и на почве, увлажненной слезами войны, для потомства будет произрастать хлеб насущный» (стр. 1).

Маршрут, намечаемый Гитлером, отнюдь не прямолинеен. В пути могут понадобиться жертвы. К подобным «жертвам» относится и временный отказ от присоединения немецких областей, если этого требуют высшие соображения внешней политики. «Что делаешь, делай до конца, — поучает Гитлер своих сторонников; — те, кто лает на пять или десять государств, забывают о необходимости концентрации всей волевой и физической силы для удара в сердце нашему заклятому врагу и упускают возможных союзников в будущей борьбе» (стр. 718).

Для осуществления грандиозной программы «Третьей империи» нужны **союзники**. Гитлер дает свою схему расположения решающих сил в Европе. На шахматной доске западноевропейской политики он видит, помимо Германии, три самостоятельные силы: Англию, Италию и Францию. Врагом Германии, врагом «безжалостным», «ненавидящим», «смертельным», по Гитлеру, является **Франция**. Важнейшая задача германской дипломатии заключается в том, чтобы изолировать ее и разгромить.

> «Франция — беспощадный враг германского народа! — восклицает Гитлер. — Безразлично, кто управлял или будет управлять Францией — Бурбоны или якобинцы, наполеониды или буржуазные демократы, клерикальные республиканцы или красные большевики, конечной целью их внешнеполитической деятельности всегда будет попытка захвата прирейнской полосы и ее закрепление за Францией путем расчленения и разгрома Германии» (стр. 669).

Конечно, и **Англия** отнюдь не пылает любовью к Германии, но между позициями Англии и Франции существует важное различие: «Англия против Германии как мировой державы, Франция же против Германии как государства» (стр. 669). Англия — поучает Гитлер—после войны 1914—1918 гг. не заинтересована в том, чтобы уничтожить Германию. Больше того, английская политика из года в год все больше должна стремиться к тому, чтобы сковать безграничную жажду Франции к гегемонии.

Англию, стало быть, можно привлечь на свою сторону. Однако опыт учит, что союз, основанный на «отрицательных целях» (в данном случае — на обуздании Франции — А. Ю.), страдает внутренней неустойчивостью. «Только перспективы общих приобретений, завоеваний, короче — расширения господства, прочно связывают судьбу народов» (стр. 697).

Потребность в новых приобретениях, по Гитлеру, должна толкать и Италию в объятия Германии, ибо основным препятствием к итальянской экспансии на Балканах и в Африке служит французский империализм с его континентальной системой вассальных государств. Правда, южный Тироль, населенный немцами, принадлежит Италии; но это обстоятельство не должно играть решающей роли в германо-итальянских отношениях, ибо «французская опасность обязывает Германию отложить все моральные соображения и протянуть руку тому, кто, как и мы, подвержен опасности и не хочет терпеть и переносить французской гегемонии» (стр. 705).

Во внешнеполитической концепции Гитлера Франция рисуется смертельным врагом не только потому, что она противится восстановлению довоенной Германии. Гитлер, как мы видели, ставит себе цели гораздо более обширные, и к их осуществлению нельзя даже приступить, не разгромив предварительно Францию:

> «Если все мы сегодня понимаем необходимость борьбы с Францией, то взятая в широкой перспективе эта борьба осталась бы безрезультатной, если бы ею исчерпывалась наша внешнеполитическая цель. Она может и получит смысл лишь в том случае, если она создаст защиту нашего тыла в борьбе за увеличение территории нашего народа в Европе».

Разгром Франции рассматривается Гитлером как необходимое условие для территориальных приобретений на Востоке.

> «Мы, национал-социалисты, сознательно подводим черту под внешней политикой Германии довоенного периода. Мы начинаем там, где Германия кончила шестьсот лет тому назад. Мы кладем предел вечному движению германцев на юг и запад Европы и обращаем взор к землям на Востоке. Мы прекращаем, наконец, колониальную и торговую политику довоенного времени и переходим к политике будущего, политике территориальных завоеваний. Но когда мы в настоящее время говорим о новых землях в Европе, то мы можем в первую очередь иметь в виду только Россию и подвластные ей окраинные государства. Сама судьба указывает этот путь» (стр. 742).

Альфред Розенберг, нынешний глава внешнеполитической комиссии при центральном комитете гитлеровской партии, специализировавшийся на восточных проблемах, дополняя «фюрера», доказывает, что расчленение Советского союза представляет огромное облегчение и для Англии.

Розенберг пишет:

> «Союз между Германией и Украиной сделает возможным, чтобы Германия оказала Англии услугу в защите ее богатейшей колонии (Индии — А. Ю.) в том случае, если Англия обеспечит западные границы Германии против французов»[1].

Что может быть заманчивее таких перспектив! Как и Гитлер,

---

[1] A. Rosenberg, Der Zukunftsweg einer Aussenpolitik, S. 79.

Розенберг отлично понимает, что «отрицательные цели» — недостаточное основание для военного союза. Он не мелочен и, требуя взамен «лишь» свободу действия на Востоке, предлагает Англии и Италии крупные компенсации:

> «Германия предлагает вам, если ей будет обеспечен тыл на Западе и свободные руки на Востоке: Англии — защиту Индии на русско-польской границе (мысль Бисмарка), ликвидацию пан-Европы, борьбу против колониальных восстаний, ликвидацию большевизма в Центральной Европе; Италии, если она свяжет Францию, — давление на Югославию» (стр. 143).

Розенберг не очень ломает голову над «второстепенными» вопросами своего «восточного плана». Чтобы добраться до Советского союза, нужно прежде всего перешагнуть ряд самостоятельных государств: Польшу, прибалтийские государства, Австрию, Чехословакию, Румынию. Но он усвоил не только программу, но и солдафонские манеры прусского милитаризма. В цитированной книге он уделяет особое внимание Польше:

> «Если мы поняли, что первейшей потребностью Германии является уничтожение Польши, то союз между Киевом и Берлином и создание между ними общей границы становится народной и государственной необходимостью германской политики» (стр. 97).

Польша стоит на пути германского продвижения на Восток. Польша должна быть поэтому сметена с лица земли. Позже, когда возникнет угроза полной изоляции «Третьей империи», эта директивная установка временно спрячется в карман. Из тактических соображений выдвигается другая идея — «полюбовного» раздела с Польшей советской Украины взамен поддержки со стороны последней германских аннексионистских требований.

Так же как и «западные», «восточные планы» наци не блещут новизной. Живучесть этих «идей» довоенного пангерманизма объяснить нетрудно. Она питается потребностями германского монополистического капитала, ищущего выхода для своей экспансии.

Сейчас восточные планы питаются дополнительными источниками: реакционные силы капиталистической Европы — так надеются фашистские политики — ради разгрома большевизма согласятся компенсировать Германию на Востоке. Эти устремления германского финансового капитала совпадают и с традиционными вожделениями крупного землевладения, мечтающего о земельных приобретениях не только в Прибалтике, но и на Украине и на Северном Кавказе.

Захватнические устремления германского финансового капитала идут и дальше. Они тянутся в глубь Азии: Украина — Кавказ — Малая Азия — Иран и, наконец, через Персидский залив в Индию — таков один из маршрутов изголодавшегося по колониальным рынкам германского империализма. Именно так мотивировали аннексионистскую политику Брест-Литовска виднейшие публицисты кайзеровской Германии. Гитлер и Розенберг тщательно маскируют этот далекий прицел своего «восточного

плана». Но опыт двух с половиной лет внешней политики «Третьей империи» показал, что даже спекуляция на антибольшевизме не дала ожидавшихся ими плодов.

Дипломатия „Третьей империи" за работой

Национал-социализм пришел к власти с разработанной программой внешней политики. Осенью 1932 г., за несколько месяцев до фашистского переворота, Гитлер в письме к Папену набрасывает схему своей внешнеполитической тактики. Главный упор в этом документе делается на тех мероприятиях, которые, по мнению Гитлера, должны подготовить ликвидацию Версальского договора и обеспечить беспрепятственное вооружение Германии.

Тактика, построенная на сговоре с Англией, изоляции Франции и подготовке антисоветского похода, казалась национал-социалистам беспроигрышной. Взяв власть, они с места в карьер приступают к ее осуществлению. Но очень скоро обнаруживается, что политическая обстановка в Европе гораздо сложнее, чем ее представляли себе коричневые дипломаты.

В первые месяцы существования «Третьей империи» ее внешняя политика несет на себе следы «партизанщины» и импровизации сил. Откровенные антисоветские предложения, сделанные англичанам представителями германского правительства, вопреки его ожиданиям не вызвали в Лондоне особенного восторга. Определенные группировки английского империализма были бы не прочь поддержать германскую экспансию против СССР, но гитлеровские провокации в Австрии и Данциге, требования «исправить» германо-польские границы грозили капиталистической Европе военным взрывом еще до того, как будет сколочен антисоветский фронт. Фашистская Германия внезапно видит себя изолированной. Вырисовывается актуальная опасность «предупредительных» мероприятий Франции и Польши. Чрезвычайно убедительным предупреждением в этом отношении явился польский военный десант в Вестерпляте у Данцига весной 1933 г., грозивший превратиться в исходный пункт более широких операций.

Гитлер избежал военных санкций крутым поворотом. Речь «фюрера» в рейхстаге 17 мая 1933 г. пестрит необычайной для него «пацифистской» фразеологией, торжественными обещаниями уважать договоры и добиваться их ревизии только легальными средствами. Речь Гитлера означала тактическое отступление от первоначальных попыток, так сказать, нахрапом ликвидировать Версальский договор. Национал-социалисты отныне стали маневрировать более осторожно, стремясь прежде всего выиграть время для довооружения. Урок первых месяцев заставил их гораздо серьезнее, чем до того, заняться вопросом о разрушении французской союзной системы.

Именно с этой целью летом в 1933 г. были завязаны переговоры с Варшавой, приведшие 26 января 1934 г. к подписанию сроком на 10 лет пакта о ненападении. По этому договору Германия отказалась от насильственных путей в разрешении спорных

германо-польских вопросов. Значение этого маневра становится понятным, если вспомнить, что веймарская дипломатия в течение всего послевоенного периода в вопросе о восточных границах проявляла максимальную неуступчивость.

Вовлечение Польши в орбиту германской политики было облегчено французскими колебаниями, за которыми в Варшаве наблюдали с возрастающим беспокойством. Нерешительность Франции свидетельствовала о том, что в критический момент она может и не оказать помощь своим союзникам. Польша надеялась поэтому хоть на время обезопасить свои западные границы соглашением с Берлином.

Если сближения с Берлином были продиктованы Польше прежде всего страхом перед германским империализмом, то в антисоветских кругах польской буржуазии, мечтающих о втором походе на Киев, германо-польское соглашение расценивалось как первый шаг к реализации этих планов. Впоследствии антисоветское острие германо-польского сближения выступило достаточно ярко в статьях «Фелькишер беобахтер» и газеты «Час» — органа князя Радзивилла [1].

Предлагая «сотрудничество» Германии для реализации польских великодержавных планов, гитлеровский официоз обещает Польше «полюбовный» раздел сфер влияния на территории Восточной Европы. Уступки, которых Германия требует в отношении своих восточных границ, Польша с лихвой могла бы компенсировать в Прибалтике. Но эти заверения нисколько не мешают национал-социалистам лихорадочно создавать в Прибалтике опорные пункты, которые могут пригодиться не только как плацдарм в антисоветской войне, но и в неменьшей степени для удара по самой Польше.Таким образом установившаяся «дружба» отнюдь не сняла ряда острых противоречий между обеими странами. Все же, судя по дальнейшему ходу событий, можно предположить, что помимо официального текста договора 26 января 1934 г. между Берлином и Варшавой существует значительно дальше идущий сговор.

По мере того как сгущалась политическая атмосфера в Европе, во Франции все больше укреплялось сознание, что нельзя пренебрегать таким фактором мира, каким является СССР. Уже накануне прихода Гитлера к власти (29 ноября 1932 г.) был заключен франко-советский пакт о ненападении. Это был первый шаг к сближению между двумя великими державами. Агрессивность «Третьей империи», написавшей на своем знамени разгром Франции, расчленение Советского союза и поглощение мелких государств Центральной Европы, естественно усилила потребность в более действенных мерах борьбы с военной опасностью. Идея пактов о взаимной помощи против агрессора, выдвинутая советским правительством, встретила поэтому активную поддержку во Франции и в странах Малой Антанты. Однако в процессе борьбы за ее осуществление (проекты восточноевропейского и дунайского пак-

[1] См. стр. 29 сборника.

тов) выявилось резко отрицательное отношение к ним Германии и Польши, ибо реализация идеи взаимной помощи затруднила бы осуществление их захватнических планов.

Параллельно с политикой Германии, направленной к разрыву связей между Францией и ее союзниками, германское правительство продолжает добиваться ревизии военных статей Версальского договора. Переговоры, которые велись во второй половине 1933 г., не дали никаких результатов. В Женеве в октябре 1933 г. Германии на основе англо-французского компромисса был предложен следующий проект: Германия создает 200-тысячную армию милиционного типа, но она не вправе ввозить запрещенные Версальским договором виды оружия — танки, самолеты, тяжелую артиллерию. Помимо того в течение 2—4-летнего «испытательного срока» над германскими вооружениями учреждается международный контроль.

Германское правительство ответило на это предложение протестом и заявило об уходе с конференции по разоружению и из Лиги наций.

Чем рисковало гитлеровское правительство? Оно убедилось, что Франция и Англия, зная о его нелегальных вооружениях, до сих пор не решались что-либо предпринять. Единый фронт, на который Германия натолкнулась в Женеве, не казался ей достаточно устойчивым, чтобы опасаться репрессии. Вот почему, уйдя из Лиги наций, Германия могла со всей энергией отдаться делу «довооружения». Под этим знаком проходит вся последующая полоса общей политики гитлеровского правительства.

Соотношение сил в Европе еще не позволяет Германии выступить открыто с территориальными требованиями. В Сааре в начале 1935 г. предстоял плебисцит, исход которого вряд ли возбуждал сомнения. В Данциге победили на выборах 1933 г. национал-социалисты, обеспечив за Берлином политическое руководство «вольным городом». Ряд признаков говорил за то, что и Австрия будет унифицирована этим же путем.

К середине 1934 г. сильный рост национал-социалистского движения в Австрии делает реальным захват власти гитлеровцами изнутри. К венскому путчу 25 июля, последовавшему месяц спустя после убийства Рема и его штаба, несомненно приложило руку берлинское руководство. Венская авантюра была чревата крупными опасностями, — это фашистские руководители знали. Но они решили итти напролом, повидимому боясь упустить благоприятную внутреннюю ситуацию, создавшуюся в Австрии.

События, связанные с венским путчем, показали, насколько выросла военная опасность в Европе с того момента, как в Германии воцарились фашистские клики. Поведение Малой Антанты и в особенности Италии (посылка моторизованного корпуса к австрийской границе) в дни путча не оставляло сомнения, что попытка захвата Австрии вызвала бы европейский взрыв.

Оно и понятно. Для Франции независимость Австрии является условием целости и безопасности ее союзников — стран Малой Антанты. Еще острее сталкиваются интересы Германии в австрий-

ском вопросе с Италией. Последняя стремится укрепить свои позиции в Австрии (и Венгрии), чтобы загородить дорогу на юго-восток и Балканы германскому империализму и одновременно создать противовес против Малой Антанты. Успех этой политики обеспечил бы Италии тыл и развязал бы ей руки для осуществления ее задач в бассейне Средиземного моря и Африке.

Венская авантюра национал-социалистов сблизила Францию и Италию. Линия французского министра иностранных дел Барту на сближение с Италией получает мощный импульс. Римское соглашение (январь 1935 г.) далеко не ликвидировало всей суммы франко-итальянских противоречий, но по ряду важных вопросов, в первую очередь по вопросу об Австрии и германских вооружениях, было достигнуто единство взглядов. Оно разрядило атмосферу между обеими странами и заложило фундамент для дальнейшего сближения между ними. Иллюзии наци относительно возможности итало-германского союза потерпели крах.

Бешеный темп германских вооружений не мог не обеспокоить и Англию. Под впечатлением роста воздушных вооружений Германии осенью 1934 г. Болдуин произносит речь, где фигурирует многозначительная формулировка об «английских границах на Рейне». Эта речь как будто свидетельствовала о повороте английской политики в сторону более тесного сотрудничества с Францией. В лондонских переговорах (начало февраля 1935 г.) между Лавалем и Фланденом и представителями английского правительства было достигнуто соглашение, которое было положено в основу нового предложения Германии.

Сжато содержание лондонского соглашения сводится к следующим пяти пунктам: 1) организация безопасности в Восточной Европе путем заключения регионального пакта о взаимной помощи; 2) заключение дунайского пакта; 3) заключение пакта о взаимной воздушной помощи между локарнскими державами (Германией, Англией, Францией, Италией и Бельгией); 4) признаются недопустимыми односторонние действия Германии в области довооружения; 5) должна быть заключена общая конвенция о вооружениях, которая заменит собой пятую часть Версальского договора. Наиболее существенно здесь включение в программу требований, предъявляемых Германии, советского предложения о создании системы региональных пактов взаимной помощи (восточный и дунайский пакты).

Как реагировала Германия на лондонское предложение?

В ответе, переданном 14 февраля, германское правительство из всей суммы лондонских предложений выхватывает проект западного воздушного пакта, выражая согласие немедленно начать переговоры по этому вопросу. Об остальных пунктах, в особенности о восточном пакте, Германия или вовсе молчит или говорит лишь вскользь и крайне неопределенно. Одновременно германское правительство выражает желание предварительно с глазу на глаз обменяться мнениями с британским правительством.

Эта тактика не без основания была рассчитана на лондонскую дипломатию: Англия непосредственно заинтересована в западном

воздушном пакте, но она не намерена ввязываться в дунайские, еще меньше в восточноевропейские дела. Зато в Париже этот маневр, рассчитанный на внесение раскола в англо-французский фронт, должен был встретить резкие возражения.

Действительно, несмотря на то, что в Лондоне германский ответ отнюдь не получил всеобщего одобрения, руководящие круги Англии настаивают на продолжении переговоров, надеясь на компромиссное решение спорных вопросов. Саймон, по приглашению германского правительства, готовится к отъезду в Берлин для личных переговоров с Гитлером. Но накануне отъезда Саймона английское правительство публикует «Белую книгу», которая содержит ряд выпадов против германской политики. Впервые английское правительство в обоснование увеличения британского военного бюджета официально делает ответственным за военную опасность в Европе германские вооружения и милитаристский дух, в котором наци воспитывают народ.

В ответ на опубликование «Белой книги» из Берлина поступает сообщение о том, что «болезнь» Гитлера делает визит Саймона в настоящий момент невозможным. Вслед затем 11 марта Геринг приглашает к себе военных атташе Англии, Франции и Италии, чтобы заявить им о том, что Германия уже создала воздушный флот. Убедившись, что и этот акт никаких опасных последствий не имел, Гитлер пять дней спустя публикует декрет о введении всеобщей воинской повинности. Важнейшая часть Версальского договора, а с ней и весь договор тем самым были ликвидированы.

На следующий день, 17 марта, французское министерство иностранных дел предлагает английскому правительству предъявить Германии совместный протест трех держав. 18 марта английское правительство, не отвечая на французскую ноту, торопливо шлет в Берлин свой сепаратный «протест», выдержанный в исключительно мягких тонах. В пику французскому требованию английская нота в косвенной форме запроса содержит предложение продолжать двухсторонние англо-германские переговоры о проблемах, выдвинутых в лондонском соглашении 3 февраля. Германское правительство тотчас же ухватилось за это предложение и пригласило Саймона в Берлин.

Англия своим самостоятельным выступлением пыталась сорвать коллективное выступление держав, нарушив взятое 3 февраля обязательство о сотрудничестве. Но контратака, предпринятая Францией и Италией, вынудила английское правительство к отступлению. 23 марта было опубликовано совместное коммюнике, формально подтверждавшее «единство целей» трех держав. Намечается созыв конференции в Стрезе «для консультации» об итогах поездки английских министров в европейские столицы; помимо того, по требованию Франции вопрос о германском акте выносится на обсуждение в Совете Лиги наций.

Движение за сближение с СССР, начавшееся во Франции с усилением агрессивных тенденций германского империализма, получило новый мощный импульс. В ответ на акт 16 марта фран-

цузская дипломатия стремилась к тому, чтобы, усиливая связь с Англией и Италией, одновременно укрепить свои отношения с СССР. Одновременно с подготовкой конференции в Стрезе и чрезвычайной сессии Совета Лиги наций ускоряется обсуждение вопросов, связанных с заключением франко-советского пакта о взаимной помощи.

Что дала конференция в Стрезе? Ее резолюция говорит, что при обсуждении на сессии Лиги наций германского акта выработана единая линия поведения трех держав; она далее одобряет усилия, направленные к укреплению «чувства безопасности в Восточной Европе», подтверждает прежние решения в отношении охраны «целостности и независимости Австрии», рекомендуя созыв в ближайшее время Дунайской конференции. В части же, касающейся воздушного пакта, конференция подтвердила лондонское решение 3 февраля. Осуждая германский шаг, который «нанес серьезный удар доверию общественного мнения к прочности порядка, основанного на мире», резолюция все же оставляет открытыми двери для переговоров с Германией, выражая готовность присоединиться «ко всякому практическому шагу, имеющему целью двинуть вперед международное урегулирование вопроса об ограничении вооружений».

Если эти решения во Франции и Италии толковались как показатель единства трех держав, то в Англии в первую очередь подчеркивалось, что Стреза не препятствует продолжению переговоров с Германией. И хотя на апрельской чрезвычайной сессии Совета Лиги наций английские делегаты еще принимали участие в единогласном осуждении Германии, было ясно, что «единство», достигнутое в Стрезе, более чем шатко. Первым реальным шагом в борьбе против военной опасности в Европе является франко-советский пакт о взаимной помощи, дополненный скоро таким же пактом между СССР и Чехословакией.

Предпосылки для франко-советского сближения, как мы видели, были созданы общей заинтересованностью обоих государств в защите мира. Каждый новый факт германской агрессии только усиливал это движение, и 2 мая 1935 г. оно завершается подписанием пакта о взаимной помощи. Это двустороннее соглашение не направлено против третьей стороны. Наоборот, франко-советский пакт заключен лишь после того, как выяснилось, что противодействие Германии и Польши срывает заключение многостороннего восточноевропейского пакта о взаимной помощи, которое гарантировало бы действенную поддержку любой стране, подвергнувшейся нападению.

Естественно, что германская печать встретила франко-советский и советско-чехословацкий пакты в штыки, пытаясь их опорочить как «несовместимые» с Лигой наций и Локарнским договором. Однако ни в Лондоне, ни в Риме эта аргументация не возымела действия.

В общем итоге акт 16 марта сильно ухудшил дипломатическую ситуацию Германии. Перед Берлином возникает задача выйти из обстановки новой изоляции, которая выявилась в Стрезе и в Же-

неве и в факте франко-советского соглашения, вопреки всем германским контрманеврам. Гитлеровское правительство начинает новую дипломатическую игру, имеющую целью расстроить фронт сторонников коллективной безопасности. Его усилия направлены по двум линиям: во-первых, ослабить эффект уже заключенных пактов и помешать заключению аналогичных соглашений на юго-востоке Европы, в первую очередь — Дунайского пакта. Решающее значение для успеха Дунайского пакта имеет франко-итальянское сближение перед лицом германской угрозы в Австрии и во всей Юго-восточной Европе. Национал-социалисты направляют поэтому свои усилия к тому, чтобы сорвать подготовляемый пакт, обостряя противоречия между Малой Антантой, с одной стороны, и Австрией и Венгрией — с другой. Этой цели посвящена дипломатическая поездка Геринга в столицы юго-восточных и балканских государств. Во-вторых, новый дипломатический маневр направлен на прорыв восстановленного в Стрезе англо-французского фронта. Этой задаче посвящена речь Гитлера 21 мая. В качестве орудия прорыва Гитлер пользуется лозунгом «воздушного Локарно», который особенно мил сердцу лондонских дипломатов. Но в Англии по ряду соображений предпочитают сначала обсудить с Германией ее морские планы. Морские переговоры, завязавшиеся вслед за гитлеровским выступлением, носили по официальному заявлению «технический» характер. Но 18 июня, вопреки протесту Франции, между Англией и Германией было подписано соглашение, имеющее крупнейшее политическое значение.

По этому соглашению Германия добилась одобрения со стороны Англии на строительство военно-морского флота с тоннажем в 35% от английского по всем категориям судов, за исключением подводных лодок, для которых Германия в принципе добилась паритета с Англией. Политическое значение этого соглашения заключается прежде всего в том, что Германия впервые достигла сепаратного двустороннего соглашения с Англией и вбила клин в англо-французский фронт. Важно далее то, что, идя на этот сговор, Англия довольно отчетливо выявила, что она не склонна активно препятствовать германским планам на Востоке, если получит гарантию безопасности в Западной Европе.

Смысл английской тактики нетрудно понять. Ставя Францию перед угрозой заключения вслед за морским соглашением и сепаратного воздушного пакта, Англия хочет вынудить французское правительство отойти от формулы лондонского соглашения и Стрезы. Иными словами, Англия добивается от Франции отказа от принципа «неделимости мира» в пользу лозунга «безопасности на Западе». Неприемлемость для Парижа подобного варианта «организации» Европы вытекает из того, что, не давая Франции действительной безопасности, он требует от нее отказа от тех реальных гарантий, которые заложены в ее системе союзных договоров и дружественных отношений с многочисленными европейскими государствами.

Этим объясняется острота дипломатической борьбы, которая

завязалась с конца июня между Парижем и Лондоном в связи с заключением морского соглашения. Это означает, что на данном участке дипломатического фронта Германия пока что добилась некоторого успеха. На долго ли — это выяснится в ближайшие недели.

Архивариус

КНЯЗЬ ЯНУШ В ПОХОД СОБИРАЕТСЯ

Ясновельможный князь Януш Радзивилл вместе с германским фашизмом собирается «устраивать» Восточную Европу. Народы Восточной Европы должны знать биографию этого кандидата в их правители милостью германских фашистов.

Прогерманские тенденции польского консерватизма имеют свои корни в довольно отдаленном прошлом. Особенно ярко эти тенденции проявились во время мировой войны на тех территориях Польши, которые очутились под германской и австро-венгерской оккупацией. Как известно, центральные державы, встретившись уже в первые месяцы мировой войны с неожиданно сильным отпором на западном фронте и уяснив себе, что война затянется на ряд долгих лет и что стало быть их армиям нехватит людских резервов, стали усиленно заботиться об изыскании новых источников пушечного мяса.

В поисках союзников в среде польской общественности германские и австро-венгерские оккупанты стали оказывать особенную поддержку польским консерваторам, усматривая в них элемент, особенно пригодный для своих целей. И они не ошиблись. Польские консерваторы охотно пошли на сотрудничество с Австро-Венгрией и Германией, и в особенности с этой последней. Во всех политических комбинациях, предпринятых германскими оккупантами во время мировой войны и имевших своей целью стимулировать поставку польского пушечного мяса армиям центральных держав, германские и австро-венгерские оккупанты пользовались лидерами польского консерватизма как своими креатурами и явными агентами.

Особенно позорную роль сыграли польские консерваторы в 1918 г. В конце 1917 г. центральные державы организовали в Польше так называемый регентский совет, в состав которого вошли архиепископ Каковский и консерваторы — князь Любомирский и граф Островский. О ненависти и презрении, которыми окружали институт регентского совета польские народные массы, свидетельствует хотя бы один только факт, что «глас народа» придал этому институту кличку «КЛО» (по инициалам регентов), что ассоциировалось с названием мало ароматного заведения.

В марте 1918 г. этим регентским советом было назначено «пра-

вительство», возглавлявшееся консерватором Стечновским. Членом этого правительства, ведавшим внешней политикой регентского совета, был назначен другой консерватор — князь Януш Радзивилл. Радзивилл в те времена имел мало общего с Польшей. Сын крупного прусского агрария Фердинанда Радзивилла, верного слуги династии Гогенцоллернов, Януш Радзивилл воспитывался в германском духе. Некоторое время он служил офицером в конной гвардии германского императора. Наследственные дела в России заставили Януша Радзивилла переменить подданство и принести присягу на верность дому Романовых, после чего в придворных кругах в Петербурге он стал играть роль не меньшую, чем в Германии. Октябрьская революция заставила Януша Радзивилла опять переориентироваться на Германию, и таким образом он в 1918 г. всплывает на поверхность политической жизни Варшавы в качестве директора внешнеполитического департамента регентского совета.

Первым дипломатическим актом новоявленного руководителя внешней политики регентского совета была нота, составленная Радзивиллом и направленная Стечновским правительствам центральных держав 29 апреля 1918 г. Мимоходом напомним, что это были времена, когда, с одной стороны, войскам Антанты приходилось выдерживать на западном фронте последний бешеный натиск германских войск и когда, с другой стороны, генералом Людендорфом при поддержке Гинденбурга был выдвинут известный план отторжения от Царства Польского территории в 20 тыс. *км*² и присоединения ее к Пруссии. В состав этой подлежавшей отторжению территории входили столь жизненные для Польши центры, как весь Домбровский угольный бассейн, а также ряд уездов на севере Царства Польского. И вот в такой момент Радзивилл предлагает центральным державам от имени регентского совета заключение союза и военной конвенции. В качестве компенсации Радзивилл потребовал для Польши от будущих союзников «урегулирования границы со стороны Украины, соответствующего стратегическим нуждам Польши, и территориальных компенсаций на этнографических польских землях на восток от линии Нарев — Бобр — Неман взамен за потерю четырех северных уездов Сувалкской губернии».

Мы видим таким образом, что концепция соглашения и уступок в пользу Германии на западной границе с одновременной собственной экспансией на Восток зрела в среде польских консерваторов уже на заре восстановления польской государственности.

●

С подобными концепциями, однако с уклоном в сторону Австро-Венгрии, мы встречаемся в кругах польского консерватизма уже в период переговоров в Брест-Литовске. Мы можем сослаться на авторитетное и беспристрастное свидетельство польского историка проф. Ашкенази, который рассказывает об усилиях графа Чернина,

тогдашнего министра иностранных дел двуединой монархии, направленных к установлению протектората Австро-Венгрии над Украиной. Ашкенази пишет:

> «Возможно, что он (граф Чернин), судя по некоторым данным, действовал с ведома некоторых крупных польских магнатов, имевших имения на Украине и желавших спасти от опасности большевизма свои земельные владения в будущем Украинском государстве, которое должно было, по их планам, очутиться под протекторатом Австрии».

Ашкенази тут же добавляет, что за эти комбинации Чернина, предпринимавшиеся им в согласии с польскими магнатами, Польша должна была заплатить отторжением Холмщины и кроме того выделением Восточной Галиции в качестве автономной провинции.

Разница между этими двумя концепциями заключается лишь в том, что в то время как часть польских консерваторов ориентировалась на Германию, другая их часть ставила ставку на Австро-Венгрию. Но все они в одинаковой степени связывали свою судьбу с центральными державами и с их помощью пытались захватить белорусские и украинские земли.

Эта ориентация на центральные державы выдерживала самые тяжелые испытания.

На конференции премьер-министров Франции, Англии и Италии, состоявшейся в Версале 3 июня 1918 г., было принято постановление по польскому вопросу, которое гласило:

> «Создание объединенной и независимой Польши с доступом к морю составляет одно из условий прочного и справедливого мира и восстановления законности в Европе».

Казалось бы, такое постановление, принятое государствами Антанты в момент, когда весеннее германское наступление на западном фронте уже фактически было приостановлено и когда несомненной стала приближающаяся катастрофа центральных держав, должно было подсказать польским политикам отход от союза с Германией. Между тем регентский совет опубликовал 13 июня 1918 года декларацию, составленную тем же Янушем Радзивиллом и направленную против Антанты, декларацию, высказывающуюся за сближение с центральными державами. В этой декларации говорилось между прочим следующее:

> «Вопреки всяким препятствиям и затруднениям, польское правительство будет неуклонно стремиться к удовлетворению основных нужд нации, дабы при условии сотрудничества с центральными державами получить возможность выполнения исторической миссии польской нации на Востоке Европы».

Эта тенденция к тесной связи с Германией для совместной реализации «миссии польской нации на Востоке» является лейтмотивом всех дальнейших переговоров, имевших место между регентским советом и центральными державами.

В середине августа 1918 г., уже после того как войска Антанты нанесли германской армии сокрушительный удар над Соммой,

состоялось в ставке Вильгельма в Спа совещание с участием Януша Радзивилла и графа Роникера — польского «дипломатического представителя» в Берлине. С германской стороны в совещании участвовали кроме Вильгельма и представителей военного командования канцлер Гертлинг, статссекретарь Гинтце и князь Гатцфельд. Темой переговоров был вопрос о германском или австро-венгерском решении «польского» вопроса. В то время как венская дипломатия мыслила себе решение этого вопроса в виде присоединения будущей Польши к Австро-Венгрии в форме персональной унии, германские милитаристы имели в виду создать буферное государство под своим протекторатом. Королем этого «польского государства» намечался немцами эрцгерцог Стефан Габсбург. К этой последней «концепции» склонялись «польские делегаты» Радзивилл и Роникер. Однако против этого плана энергично выступила австро-венгерская дипломатия, а также император Карл, прибывший в Спа на второй день после начала совещания [1].

После совещания в Спа Радзивилл и Роникер помчались в Вену, чтобы уговорить барона Буриана не ставить палки в колеса германской политики в польском вопросе. В Вене они встретили однако холодный прием не только со стороны австро-венгерских официальных кругов, недовольных прогерманскими тенденциями регентского совета, но и со стороны влиятельных венских поляков, мысливших себе Польшу только под скипетром «его императорского и апостольского величества» — австро-венгерского императора.

●

Переворот, совершенный Пилсудским в мае 1926 г., влил новые жизненные соки в разлагавшееся тело польского консерватизма. Надо признать, что консерваторы (может быть, благодаря тому, что у них все время была довольно тесная связь с Пилсудским) раньше других сумели оценить действительный смысл майского переворота и сделать для себя необходимые выводы. Вскоре после переворота состоялась поездка Пилсудского в Несвижский замок Радзивиллов, где собралось все феодальное воронье. В Несвиже, а потом в Дикове, где состоялся аналогичный съезд феодального дворянства при участии полковника Славека, было достигнуто соглашение, на основании которого польская помещичья аристократия обеспечила правительству майского переворота свою поддержку. Вполне понятно, что эта поддержка была обещана не даром и что принцип «даю — даешь» сыграл в данном случае решающую роль. С другой стороны, это соглашение дало польским консерваторам возможность выйти на широкую арену политической жизни Польши.

---

[1] Австро-венгерская политика имела в виду включение Польши в состав Габсбургской монархии с преобразованием последней в триалистическое государство (в составе Австрии, Венгрии, Польши). Этой концепции германская политика противопоставляла собственный план создания «независимого» польского государства под германским протекторатом. В качестве уступки Австро-Венгрии германские политики выдвинули кандидатуру эрцгерцога Стефана Габсбурга на польский трон.

Симпатия, с которой польские консерваторы относятся к Германии, отнюдь не является платонической. С Германией их связывают весьма конкретные экономические и политические интересы. Как известно, львиную долю польского экспорта поглощает Германия. В германском рынке сбыта в особенности заинтересованы польские помещики, поставляющие основную массу товаров, экспортируемых из Польши в Германию. Это есть экономическая база, на которой покоятся внешнеполитические устремления польских консерваторов.

Но не одни только чисто экономические интересы толкают польских консерваторов в объятия германского империализма. Как известно, вершителями судеб и политики польского консерватизма являются преимущественно крупные феодалы с восточных окраин польского государства. Это люди, владевшие до Октябрьской революции крупнейшими поместьями на Украине и в Белоруссии. Октябрьская революция передала их латифундии трудящимся массам деревни. Польские помещики не примирились с потерей своих латифундий.

Как и империалистические элементы польского промышленного и финансового капитала, заинтересованного в завоевании для себя колоний на Востоке за счет Советского союза, польские помещики мечтают о том, чтобы в союзе с германским империализмом двинуться против СССР.

Идея польско-германского союза для осуществления этой цели зародилась еще в период брестских переговоров. Уже тогда ген. Гофман в противоположность позиции, занятой Людендорфом и Гинденбургом, требовал политики компромисса с польскими феодалами, копромисса, который мог бы стать отправным моментом для германо-польского союза, направленного против советских республик. Людендорф и Гинденбург, поддержанные впоследствии Вильгельмом, считали излишним церемониться с поляками и вопреки генералу Гофману форсировали свое требование об отторжении от Царства Польского обширных территорий и об их присоединении к Пруссии. Но как уже указывалось выше, победа позиции Людендорфа и Гинденбурга отнюдь не помешала польским консерваторам почти до заключения перемирия на западном фронте продолжать переговоры о союзе с Германией.

●

Пышным букетом идея союза с Германией расцвела после майского переворота. С этого момента датируется известность на ниве внешнеполитических концепций Польши г. Цат-Мацкевича — этого трубадура польских помещиков из виленской газеты «Слово».

В 1927 г. Мацкевич издал брошюру, озаглавленную «Точки над i».

Эта брошюра, служившая раньше предметом насмешек, стала теперь евангелием польской дипломатии. И немудрено. В настоящий момент польская дипломатия осуществляет то, что тогда пропагандировал Мацкевич.

В этой брошюре на странице 22 Мацкевич писал:

«Я хотел бы, чтобы в польской общественности возникл реакция, направленная против убеждения, будто бы мы сда ны на милость или немилость нашего союзника, будто б мы не в состоянии найти в Европе иную систему союзо кроме союза с Францией».

Достаточно сравнить эти слова с теперешним положением в о ласти польско-французских и польско-германских отношений, чт бы понять, насколько прав Мацкевич, хвастаясь тем, что он ук зал путь польской дипломатии.

Но не один только Мацкевич ратовал за изменение внешнеп литического курса Польши. Другой польский консерватор и мона хист, апологет такой креатуры, как Наполеон III, и такого ничт жества, как Николай II Кровавый, — ректор Виленского универс тета Мариан Здзеховский в ответ на анкету, устроенную в 1933 редакцией журнала «Ведомости литерацке» писал:

«Гитлер взялся за истребление коммунистов в Германи Какой прекрасный и подходящий для наших традиций уде выпал бы на нашу долю, если бы мы вместе с Германие пошли против советов! Это — моя мечта с первого момент независимости Польши».

Подобные концепции выражают известный нашему читател польский писатель Студницкий и еще один видный консерват князь Сапега, б. министр иностранных дел Польши. В своем до ладе, прочитанном в Вильне и напечатанном в виленском «Слове в номерах от 1 и 2 сентября 1933 г. Сапега заявил:

«Германии больше, чем кому-либо другому в Европе ну на экспансия на восток, но не экспансия на польские земл не дающие ей возможности ни уменьшить перенаселение, н получить ценные рынки сбыта и сырья; ей нужна экспанси в крупном масштабе — на более отдаленный восток. За сч этой моральной неудовлетворенности — частичка немецк земли останется отделенной от своей родины — Германи может приобрести возможность существования, найти вых из нужды, вернуться к благосостоянию и к руководящ роли в Европе... Считаю, что соглашения с Германией мож достигнуть без жертв с нашей стороны и к обоюдной выгод Поэтому мне кажется вполне логичной позиция газе «Слово», которая считает, что наш пакт о неагрессии с СС является актом, противоречащим нашим основным политич ским задачам».

В этом же докладе Сапега советует Германии форсировать а шлюсс, ибо

«аншлюсс это есть объединение Германии и это — одновр менно открытие дороги через Балканы в Малую Азию и Восток с большими возможностями в будущем».

Идею аншлюсса поддерживает также председатель комисс иностранных дел князь Януш Радзивилл в своей речи, произнес ной им 19 февраля на обеде, устроенном газетой «Час».

Такова внешнеполитическая концепция польских консерваторов в настоящий момент. Резюмируя приведенный выше документальный материал, можно утверждать, что эта концепция сводится в основном к следующему: Польша заключает союз с Германией. Германия после присоединения Австрии пробивается в Южную и Юго-восточную Европу и реализует идею Срединной Европы под своим владычеством. Совместно с Польшей Германия устремляется на Восток, против СССР и Прибалтики, для осуществления совместных империалистических планов.

(«Известия» от 30 мая 1935 г.).

Я. Крумин

ГЕРМАНСКИЙ ИМПЕРИАЛИЗМ И ПРИБАЛТИКА [1]

...Призывая к разбойничьему нападению на Советский союз, Германия в то же время открыто угрожает захватом «карликовым государствам, не имеющим возможности опираться на какие-либо собственные государственные традиции» («Фелькишер беобахтер» от 3/II с. г.). Этими «карликовыми государствами», как известно, являются государства Прибалтики: Литва, Латвия, Эстония и Финляндия. Целый ряд признаков свидетельствует о том, что осуществление гитлеровских планов на Востоке может начаться именно с Прибалтики. Вместе с тем Прибалтика становится одним из узлов, где завязываются нити новой грабительской войны.

В настоящий момент атмосфера сгустилась вокруг Мемельской области Литвы, которую гитлеровцы не случайно наметили первой жертвой своего нападения. Литва вследствие своих противоречий с Польшей является наиболее слабым и уязвимым местом в Прибалтике. И этим пользуются немецкие гитлеровцы, которые уже ряд лет ведут усиленные интриги в Мемеле с целью раздела Литвы. Это особенно ярко показывает ковенский процесс национал-социалистов. Репрессии литовского фашистского правительства против гитлеровцев послужили только поводом для новых угроз и еще большего разжигания шовинистических страстей в Германии против Литвы. На границах Литвы сконцентрировано более 50 тыс. немецких штурмовиков. По всей Германии в настоящее время происходят шовинистические антилитовские демонстрации. Захват Мемельской области гитлеровской Германией ожидается со дня на день. Тем самым фактически поставлен вопрос о р а з д е л е Л и т в ы между германским и польским империализмом. Но это будет лишь началом гитлеровского похода на Прибалтику...

Огромная национал-социалистская литература в Германии изо дня в день популяризирует и конкретизирует эти открыто граби-

[1] Статья т. Крумина печатается с сокращениями. — Ред.

тельские планы «вождя». Выдвигая свои планы гитлеризованной Средней Европы, г-н Розенберг не преминул включить сюда Прибалтику, которая наравне со Скандинавией должна быть целиком подчинена Германии в качестве блока вассальных государств («Миф XX столетия»).

Еще более конкретно о грабительских планах гитлеровцев в Прибалтике высказывается один из «учеников» г-на Розенберга, кенигсбергский профессор Фридрих Лезиус, в своей книге «Германия и Восток».

> «Цель Германии,— говорит он, — будет достигнута тогда, когда ей удастся оттеснить русских от Балтийского моря и отодвинуть русско-германскую границу к Днепру. Тогда Финляндия оказалась бы под нашей опекой, порты Кронштадта и Либавы были бы к услугам наших военных кораблей, а Нарва, Пейпус, Великая Березина могли бы образовать вторую сильно укрепленную линию обороны».

Такого рода заявления в литературе германских национал-социалистов встречаются на каждом шагу. Они выражают действительную внешнеполитическую линию гитлеровской Германии. Эта линия однако не является изобретением господ Розенбергов и Гитлеров. Это — «старая», хорошо знакомая уже по опыту мировой войны линия германского монополистического капитала.

Захват прибалтийских провинций и образование из них германского Остланда (восточная земля) входили уже в программу германского империализма во время мировой войны. Эту программу германский империализм усиленно пытался осуществить в 1918 г., в частности во время брестлитовских переговоров, открыто обнаружив свои стремления к аннексии Прибалтики. Прибалтийские страны так же, как и Украина, пережили германскую оккупацию в 1917—1918 гг. Еще теперь население балтийских стран с ужасом и отвращением вспоминает о грабежах и насилиях германских оккупантов. Но оккупационные власти в 1918 г. занимались не только грабежом и разорением страны: они приложили немало усилий к тому, чтобы юридически оформить захват Прибалтики германским империализмом, организуя так называемое «самоопределение» балтийских народов. Под командой немецких фельдфебелей отбирались наиболее предательские элементы из рядов национальной латышской, эстонской и литовской буржуазии, которые, собравшись на «земский совет», должны были выражать «волю нации» и просить германского кайзера «присоединить Прибалтику на основах персональной унии с королем Пруссии к Германскому государству». Такие «прошения» были приняты на заседании «земского совета» 12 апреля 1918 г. в Риге, а несколько раньше также в Курляндии и Литве. Испугавшись революционного движения, эти круги латвийской, эстонской и литовской буржуазии, руководимые классовой ненавистью к Советской России, в 1918 г. открыто пожертвовали национальной независимостью народов Прибалтики.

Аннексия прибалтийских стран германским империализмом в 1918 г. была фактически осуществлена. Разразившаяся в Герма-

нии ноябрьская революция и последовавший разгром германской армии на западном фронте на время расстроили планы германского империализма в Прибалтике. Немецкие оккупанты, подстегиваемые почти повсеместным восстанием трудящихся, должны были поспешно оставить Прибалтику. На место оккупационного рабства в Латвии, Эстонии и Литве в 1919 г. на короткое время поднялось знамя советских социалистических республик. Аннексионистские планы германского империализма в Прибалтике на время были положены под сукно. Но германский империализм от них никогда не отказывался. Об этом свидетельствует поход против советских республик Прибалтики армии фон дер Гольца, снаряженной Носке, Эбертом и Шейдеманом. Получив приказ союзников «спасти Прибалтику от большевиков» и соответствующие приглашения со стороны национальной латвийской буржуазии, фон дер Гольц в 1919 году двинулся со своими полчищами против советской Латвии. Этот поход фон дер Гольца был новой попыткой Германии *под флагом борьбы с большевизмом захватить Прибалтику* или по крайней мере завоевать гегемонию в Прибалтике. Увы, сил германского империализма было уже недостаточно. Новые буржуазные государства Прибалтики, победив революцию с помощью «железных дивизий» Носке и Шейдемана, спрятались под крылышко англо-французского империализма.

Теперь мощь германского империализма возросла настолько, что он считает возможным начать новую борьбу за мировое господство. Он решительно поставил в порядок дня новую грабительскую войну за передел мира, войну против СССР. Неудивительно, что вместе с тем снова встает вопрос о захвате Прибалтики и подчинении ее германскому империализму.

●

Что же привлекает хищные взоры германских империалистов в Прибалтике? Это не природные богатства, которыми, кстати сказать, Прибалтика очень бедна, и даже не широкие колонизаторские возможности, о которых так много кричали немецкие бароны Прибалтики во время мировой войны. Прибалтика привлекает германских империалистов по преимуществу своим *исключительно выгодным географическим и стратегическим положением*. Обладать Прибалтикой — значит не только обладать рядом великолепных морских портов, через которые до войны проходило не менее 27% всего морского вывоза России, это значит прежде всего *завоевать такую военно-стратегическую базу*, которая фактически обеспечила бы господство Германии над Балтийским морем. Стремление к господству над Балтийским морем, превращение Балтийского моря во «внутреннее германское озеро» — вот что в конечном счете выражают «великолепные» планы г-на Розенберга о гитлеризации Средней Европы и присоединенного к ней «блока балтийских и скандинавских стран». Это — воскрешение старых мечтаний германского империализма о «мировом господстве»,

Для всякого должно быть ясным, что первая же попытка осуществления этих «старых» мечтаний должна неизбежно привести к воскрешению всего комплекса «старых» империалистических противоречий. Английский империализм все время поддерживал требования Германии о вооружениях. Влиятельнейшие круги английской буржуазии фактически вдохновляют фашистскую Германию на войну против СССР. Но английский империализм не может допустить, чтобы воскресла реальная угроза германского господства над Балтийским морем. Он не может отказаться от своих позиций в Прибалтике, которые за последнее десятилетие все более укреплялись и расширялись как в политическом, так и в экономическом отношениях. Эту заинтересованность Англии в Прибалтике гитлеровская Германия в данный момент обойти не может: она вынуждена с ней считаться.

С другой стороны, Германия должна учесть также интересы, которые имеет в Прибалтике фашистская Польша, и найти пути соглашения с ней. Без участия Польши начать серьезную войну с запада против СССР невозможно. О грабительских планах польского империализма в Прибалтике недавно совершенно открыто повествовал польский соратник г-на Розенберга проф. В. Студницкий в своей книге «Политическая карта Европы и Польша». «Эстония и Латвия, — говорит он, — могут быть клиентами Польши и ее военными союзниками». Но при этом «Литва должна быть признана сферой польского влияния», а Латвия должна «открыть доступ Польше к Либавскому и Виндавскому портам». Польский империализм таким образом совершенно открыто ставит в порядок дня вопрос о разделе Прибалтики в награду за старания латвийских, эстонских и литовских фашистов вовлечь прибалтийские государства в антисоветскую войну.

Эти «самостоятельные» интересы польского империализма в Прибалтике конечно прекрасно известны в Берлине. Там также известно, что вельможи Пилсудского (в частности последнее путешествие начальника польского штаба ген. Гонсиоровского), разъезжающие по странам Прибалтики, работают изо всех сил над *укреплением польских позиций и польского влияния в Прибалтике*. Но германские империалисты, учитывая превосходство своих сил, поддерживают (до поры до времени) захватнические тенденции пилсудчины. Гитлеровская Германия пошла по пути соглашения с Польшей, и это соглашение произошло не в последнюю очередь за счет Прибалтики. В то же время гитлеровцы вовсе не скрывают своих агрессивных намерений в отношении самой Польши. В новом выпуске (1934 г.) книги «Миф XX столетия» Альфред Розенберг откровенно заявляет, что

> «...в великой борьбе за существование, честь, свободу и хлеб, какую ныне ведет столь творческая нация, как германская, недопустимо считаться с поляками, чехами и тому подобными нациями, столь же импотентными и ничтожными, сколь требовательными и нахальными. Эти нации необходимо отбросить на восток, чтобы освободить земли, которые будут обрабатывать немецкие руки» (стр. 148).

Германский империализм попытается осуществить свои грабительские намерения в Прибалтике в порядке выполнения общего плана организации контрреволюционной войны против СССР. С грубой откровенностью гитлеровцы кладут на стол свою антисоветскую карту и добиваются «дружной» работы германского и польского империализма в Прибалтике, чтобы включить ее в германо-польский антисоветский блок и превратить в плацдарм грабительской контрреволюционной войны против СССР. На этом пути они не только достигли соглашения с Польшей, но встречают поддержку также со стороны английского империализма.

Воинственная политика германского и польского империализма поставила ребром вопрос о независимости прибалтийских государств. Не может быть никаких сомнений в том, что гегемония Германии и Польши ликвидирует эту независимость, превратит Прибалтику в плацдарм войны, приведет к разделу Прибалтики и неслыханному социальному и национальному порабощению ее народов: народные массы Прибалтики снова испытают ужасы немецкой оккупации 1918 г. Крестьянству, в особенности латвийскому и эстонскому, гегемония Германии и Польши угрожает восстановлением господства немецких баронов (в Литве — польских) и лишением земель, полученных в результате аграрной реформы. Перед народами Прибалтики встает перспектива насильственного подавления их национальной культуры, языка, литературы, школ представителями «национал-социалистского империализма».

Антисоветские планы германского и польского империализма несомненно встречают не только сочувствие, но и активную поддержку определенных кругов фашистской буржуазии Литвы, Латвии, Эстонии и Финляндии. Во всех этих странах имеются немецкие меньшинства, составляющие, правда, не более 3—4% населения, но зато занимающие весьма солидные позиции в экономике стран Прибалтики. Эти меньшинства во главе с бывшими немецкими баронами и крупной немецкой буржуазией городов составляют ядро, вокруг которого собираются силы германского влияния в Прибалтике.

Во всех прибалтийских странах определенные круги национальной буржуазии — прежде всего финансовой и аграрной, которая или особенно тесно связана с германским финансовым капиталом, или находится в зависимости от германского рынка, — ориентируются на Германию.

В Литве существует крупная фашистская буржуазная партия, возглавляемая открытым агентом Германии Вальдемарасом, который еще весной 1934 г. пытался совершить государственный переворот под руководством Германии с целью включения Литвы в антисоветский фронт.

В Латвии носителями гитлеровской ориентации являются связанные с немецким капиталом круги крупной городской буржуазии, возглавляемые фашистом А. Бергом. Но германскую ориентацию здесь отстаивает также часть аграрной буржуазии, которая связана с германским рынком. Недаром Ульманис совершил

свой фашистский переворот 15 мая 1934 г. с помощью и при активной поддержке гитлеровской Германии.

В Эстонии гитлеровскую ориентацию проповедуют фашистские «ветераны освободительной войны», которые сумели добиться большинства при голосовании своего фашистского проекта конституции (1934 г.). Несмотря на свою «нелегальность» они развивают широкую агитацию в Эстонии и весьма существенно влияют на англофильское фашистское правительство Пятса — Лайдснера.

В Финляндии как раз наиболее воинственные элементы буржуазии, борцы за так называемую «Великую Финляндию», проповедующие войну против СССР для завоевания Карелии и Ингерманландии, являются также сторонниками германской ориентации. Сторонники этой ориентации находятся в руководстве лапуасского движения.

Таким образом весьма солидные группировки национальной буржуазии стран Прибалтики не только сочувствуют, но определенно поддерживают грабительские планы гитлеровцев, активно работая над созданием в Прибалтике плацдарма контрреволюционной войны против СССР.

Чтобы понять корни германофильства известных кругов национальной буржуазии стран Прибалтики, необходимо учесть следующие обстоятельства.

Во-первых, огромную роль, которую играет в экономике Прибалтики иностранный капитал, в частности германский. Германия контролирует до одной трети внешней торговли стран Прибалтики (вместе с Англией — 60—70%)..

Во-вторых, близость Советского союза, исторические связи пролетариата Прибалтики с русским пролетариатом, глубина и острота кризиса капитализма в Прибалтике — все это не может не способствовать тому, что в Прибалтике, больше чем где бы то ни было, сказывается революционизирующее влияние на трудящиеся массы победоносного строительства социализма в СССР. В своеобразных и очень тяжелых для революционного авангарда условиях, но тем не менее неуклонно в Прибалтике нарастают предпосылки революционного кризиса. Не может быть ни одного более или менее серьезного революционного потрясения капитализма в Европе, которое в то же время не потрясло бы капиталистическую систему в Прибалтике...

В-третьих, увлекающий пример Советской России послужил сигналом для героической борьбы финского, латышского, эстонского и литовского пролетариата за установление советской власти в 1918—1919 гг. В результате осуществления права на самоопределение во всех странах Прибалтики (в Финляндии в 1918 г., в Латвии, Эстонии, Литве в 1919 г.) на время победила пролетарская революция и установилась советская власть. Тогда буржуазия Прибалтики обратилась за помощью к германскому и англо-французскому империализму. Руками германских империалистов (армия фон дер Гольца) буржуазии удалось потопить в крови советские республики Финляндии, Эстонии, Латвии и

Литвы. Эта непосредственная военная помощь Германии (тогда еще Германии Носке, Эберта и Шейдемана) не могла не способствовать поднятию «авторитета» германского империализма среди контрреволюционной буржуазии стран Прибалтики.

Ориентация на Гитлера определенных кругов латвийской, литовской, эстонской и финской буржуазии, вытекающая из контрреволюционных устремлений последней, из экономической связи и взаимной заинтересованности, не говоря уже о «традициях» совместной борьбы против революции в 1917—1919 гг., является весьма существенной поддержкой для фашистской Германии в Прибалтике. Но буржуазия Прибалтики ориентируется не только на гитлеровскую Германию. В разных странах Прибалтики в различной степени, но все более решительно сказывается влияние английского империализма. Это выражается в ориентации Эстонии и Финляндии, а также большинства господствующего в Латвии фашистского крестьянского союза на Англию. Эти разные внешнеполитические ориентации вызывают немало трений в рядах буржуазии ..

Советский союз первый из великих держав признал независимость прибалтийских государств и заключил с ними мирные договоры. За прошедшие с того времени 17 лет Советский союз был и остался единственным защитником малых народов Прибалтики. Ведя неизменно мирную политику в Прибалтике, Советский союз заключил торговые договоры с прибалтийскими странами, учитывая их своеобразие и широко идя навстречу экономическим потребностям каждой из этих стран. Советский союз заключил пакты о ненападении и дружбе со всеми прибалтийскими государствами. Когда обозначалась линия германо-польской агрессии в Прибалтике, Советский союз, руководствуясь своей политикой мира и защиты малых народов, немедленно выступил с предложением о заключении восточного регионального пакта, гарантирующего неприкосновенность маленьких государств Прибалтики.

На почве этой мирной политики Советский союз завоевал горячие симпатии широчайших народных масс Прибалтики, в первую очередь симпатии пролетариата прибалтийских стран...

(Журн. «Коммунистический интернационал» № 12 за 1935 г.).

Г. Анбор

КОЛОНИАЛЬНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ ГЕРМАНИИ

Когда английские империалисты били в 1914 г. Германию, они хотели сокрушить в ее лице не только гегемона в Европе, могучего соперника на море, но и назойливого претендента на роль колониальной державы. Правда, колониальные владения Германии были ничтожны по сравнению с британскими заморскими землями, но экспансионистские аппетиты германского империализма в ту пору нарастали быстрыми темпами и пугали британского льва.

Война 1914—1918 гг. была в основном войной между двумя смертельными врагами — германским и английским империализмом — за новый передел уже поделенного мира, за захват территорий, колоний.

Германский империализм выходит на арену колониальных завоеваний позднее многих других европейских держав. Первые и главные свои колонии Германия завоевывает только в 1884 г. в Африке: Того (87,2 тыс. *км*²), Камерун (790,0 тыс. *км*²), так называемую германскую Юго-западную Африку (835,1 тыс. *км*²) и германскую Восточную Африку, охватывающую территорию в 994,2 тыс. *км*² (Танганайка). Одновременно с этим Германия захватывает Землю имени Вильгельма (у северных берегов Канады), архипелаг Бисмарка и Соломоновы острова (недалеко от Австралии). После некоторого перерыва, в 1898 г., германский империализм захватывает у Китая в провинции Шандунь небольшую территорию, на которой построил военную крепость Киао-Чао (Циндао). Наконец в 1899 г. к Германии отходят острова в Тихом океане: Палау, Каролинские, Маршальские, Марианские, остров Самоа (1900 г.) и часть острова Новой Гвинеи, находящегося неподалеку от Австралии.

К началу империалистической войны Германия владела колониями, охватывающими территорию в 2,9 млн. *км*² с населением в 12,3 млн. чел. [1].

Одновременно германский империализм распространял свое влияние в целом ряде полуколониальных стран (Сиам, Либерия, Египет, Марокко) и в особенности в Турции. После получения от турецкого правительства концессии на постройку Багдадской железной дороги (дорога должна была итти непосредственно от Берлина до порта Ковейт, Персидский залив) германский империализм протягивал свои щупальцы к месопотамской нефти и угрожал английскому господству в Индии.

Внешняя торговля Германии с ее колониями росла с каждым годом и накануне войны (в 1912 г.) достигала полумиллиарда франков, что превысило почти в два с половиной раза размеры торговли в 1905 г. [2]. Однако германские колонии в отношении германского ввоза и вывоза играли роль в 50—60 раз меньшую, чем британские колонии для Англии.

Германский империализм питал серьезные вожделения к расширению своих колониальных владений в качестве рынков сбыта для своих промышленных товаров и источника сырья.

По Версальскому договору, Германия потеряла все свои колонии, которые в форме мандатов [3] были перераспределены между

---

[1] По данным книги «Новые материалы к работе В. И. Ленина «Империализм как высшая стадия капитализма». Партиздат ЦК ВКП(б)—1935 г.

[2] Camille Fidel. L'Allemagne d'outre-mer, grandeur et décadence.

[3] После империалистической войны области и колонии, отторженные от побежденных стран — Германии и Турции, — перешли во владение Лиги наций, которая уже от себя выдавала «мандат» на управление ими какой-либо державе-победительнице.

странами-победительницами. Англия получила мандаты на управление Танганайкой, частью Камеруна и Того. Южноафриканский союз получил мандат на управление германской Юго-западной Африкой, которая таким образом вошла в состав Британской империи. Новая Зеландия получила мандат на остров Самоа, Австралия — на Новую Гвинею. Острова Каролинские, Маршальские и Марианские были отданы Японии, часть Камеруна и Того получила Франция, Руанду и Урунди — Бельгия, Кионгу — Португалия.

Германия прекратила свое существование как колониальная держава, и с тех пор вопрос о возвращении колоний превратился в жгучую проблему германского империализма. Однако только с приходом национал-социалистов к власти проблема эта из области платонических вожделений становится темой политических дискуссий и дипломатических торгов.

В сущности германский империализм, лишенный колоний, не прекращал бороться за сохранение своих экономических позиций в этих странах. Подобно тому как германский империализм проводил нелегально вооружение, он так же подпольно вел работу в своих бывших колониях.

Английские газеты не прекращают жаловаться на трудности освоения таких рынков, как Танганайка, Камерун, Того, где гибкие торговые аппараты германских колонизаторов еще попрежнему очень сильны и нередко побивают английские. Характерны данные, чрезвычайно скупо проникающие в печать. Например (в 1932 г.) в Камеруне имеется 10 английских плантаций размером в 17 962 акра с 4 306 рабочими. В то же время в этой бывшей германской колонии германские капиталисты попрежнему хозяйничают на 13 плантациях размером в 31 025 акров с 4 504 рабочими.

В Юго-западной Африке и после Версальского договора германские капиталисты в основном сохранили свое имущество и свои экономические позиции. В этой бывшей колонии германский капитал попрежнему довольно значителен в промышленности (медная, убой скота), торговле и транспорте. В 1933 г. из этой колонии было вывезено в Германию сырья на 11 млн. золотых марок. В этой колонии между прочим особенно энергично работают сейчас германские национал-социалисты. Еще недавно «Таймс» писала, что в сентябре прошлого года британские власти в Юго-западной Африке запретили германскую фашистскую организацию молодежи «Германское движение молодежи», тесно связанную с германскими национал-социалистами.

«Морнинг пост» указывает на усиленные попытки установить контакт между Германией и германскими резидентами в бывших германских колониях. Люди призывного возраста посылаются из колоний обратно в Германию для прохождения военного обучения и создания из них специального «отборного корпуса для будущей колониальной войны».

По Версальскому договору, немцы были выселены из Танганайки и лишились своего имущества, однако за последнее десятилетие в страну прибыло примерно 2,5 тыс. немцев, каждый с капи-

талом примерно в несколько тысяч фунтов в среднем. Германские акционерные компании, немецкие фирмы попрежнему участвуют в торговле, в сельском хозяйстве и отчасти в горной промышленности.

В бывших германских колониях национал-социалисты ведут энергичную агитацию за возвращение этих колоний метрополии.

> «Когда я в 1926 г. приехал в Даресалам (Восточная Африка), — пишет в своем докладе пастор Карл Рель [1], — цветное население охватило сильнейшее возбуждение. Туземцы решили, что «немцы возвращаются к нам». Их постоянно уверяли, что немцы никогда больше не вернутся, и теперь они были в большом восторге. Когда я в сопровождении крупного английского чиновника подошел к группе туземцев, они приветствовали меня словами: «Здравствуй, великий господин», в то время как англичанину они сказали: «Здравствуй, малый господин». Даже туземная молодежь стоит на стороне Германии. Восточная Африка не может обойтись без немцев, и ее жители рады каждому немцу, который туда приезжает».

За последнее время германская фашистская печать все откровеннее выступает с требованием возврата колоний. На эту же тему имеется ряд недвусмысленных заявлений официальных руководителей национал-социализма, в первую голову Гитлера, Шахта и др. Напомним хотя бы, что германско-имперский колониальный союз в опубликованном 17 марта 1934 г. (в «Дейче тагесцейтунг») воззвании приводит следующее высказывание Гитлера о колониях:

> «Вождь выставил следующие программные требования в п. 3 партийной программы: «Мы требуем земель и территорий (колоний) для прокормления нашего народа и для размещения нашего избыточного населения».

Английские империалисты, ведя политику поддержки фашистской Германии, способствуя вооружению Германии, становятся туги на ухо, когда вопрос касается возвращения колоний. Любой намек в этом направлении раздражает Лондон, который болезненно реагирует на колониальные претензии Берлина. Между тем национал-социалистские руководители начинают все чаще эксплоатировать этот момент в своих дипломатических переговорах с Англией и Францией. После 16 марта (объявление всеобщей воинской повинности) «неприятные намеки» стали принимать все более конкретную форму. Итальянская газета «Мессаджеро» сообщала во время переговоров в Стрезе, что требования Германии на получение колоний, изложенные Гитлером в переговорах с Саймоном, касались Восточной Африки, в частности Танганайки, а также Конго. Германия требует кроме того возвращения ее прежних владений на Желтом море, перешедших, как известно, к Японии.

Английская печать, сообщая о берлинских переговорах (между Гитлером и Саймоном), явно избегала «деликатной темы». Однако даже из скупых слов, сказанных по этому поводу, видно, как недоволен был английский министр, услышавший из уст Гитлера

---

[1] «Гамбургер фремденблатт», 22 января 1935 г.

о колониальных претензиях Германии. Впрочем только в недавних прениях в палате общин по вопросу о германских вооружениях этот «щекотливый» момент беседы получил некоторую гласность. На заявление Гитлера по поводу колоний Саймон дал понять, что «передача мандата (на управление колонией) не является вопросом, который может быть обсужден».

Вопрос о рынках стоит перед империалистической Германией со всей решительностью. Отсюда — вся острота колониального вопроса, чреватого серьезнейшими противоречиями для отношений Германии с Англией и Японией.

(«Правда» от 12 мая 1935 г.).

II. ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ „ТРЕТЬЕЙ ИМПЕРИИ“

ПОДГОТОВКА ГЕРМАНИИ К ВОЙНЕ

Германия односторонним актом освободилась от установленных частью V Версальского договора ограничений ее свободы вооружений. Она объявила о введении всеобщей воинской повинности.

Советский союз не подписывал Версальского договора, и поэтому не наше дело подходить к этому крупному событию с точки зрения дипломатической и юридической. Нас интересует исключительно вопрос о политическом значении этого акта. Надо себя спросить, во-первых, какую цель преследует Германия этим своим заявлением. Было бы абсолютно неправильно считать, что раз налицо германские вооружения, то разрыв Версальского договора имеет только формальное демонстративное значение. Это неверно, ибо введением всеобщей воинской повинности и выявлением своих вооружений Германия преследует глубоко практические цели. Германия имеет наверное уже около 400 тыс. солдат рейхсвера, если не считать вооруженной до зубов полиции (около 300 тыс. чел.), новобранцев, обучающихся в так называемых трудовых лагерях, а также если не считать штурмовых и защитных отрядов. Но так как Германии приходилось скрывать свои стремительные вооружения, то она не могла эти свои кадры достаточно обучить. Она должна была избегать крупных маневров, на которых большие воинские соединения обучаются взаимодействию разных видов оружия.

Германская авиация вообще не обучалась еще действовать в составе больших эскадрилий. Германия теперь отбрасывает все условности и объявляет о своей свободе вооружений для того, чтобы в быстрых темпах уничтожить организационную чересполосицу и освоить созданную в последние два года военную технику. Таким образом мы имеем на деле ускорение германской военной подготовки.

Во-вторых, предстояли переговоры Германии с сэром Джоном Саймоном, за которыми должны были последовать переговоры с Францией. В решениях, принятых Францией и Италией в Риме 7 января, предусматривалось, что одно государство не может изменить односторонним актом своих обязательств в области вооружений; если случай подобного рода будет иметь место, то обе державы должны будут прибегнуть к взаимной консультации.

Англо-французское коммюнике от 3 февраля гласит, что «Германия, как и любое другое государство, вооружения которого были определены мирными договорами, не имеет права изменить свое обязательство односторонним актом». Односторонний акт об освобождении Германии от версальских обязательств, предпринятый за неделю до начала англо-германских переговоров, является очевидным вызовом, брошенным великим державам, которые заявили о своей готовности признать германское равноправие в рамках общей системы безопасности. Такой шаг преследует определенные политические цели. Франция, Англия и Италия были готовы ликвидировать обязательства, ограничивающие германские вооружения, в обмен за политические обязательства, ограничивающие возможность агрессивной политики Германии. Они одновременно хотели договориться с Германией и насчет размеров ее вооружений. Своим заявлением о введении всеобщей воинской повинности Германия отвечает, что размеры своих вооружений она устанавливает сама и поэтому ей незачем в обмен за уступки, сделанные ей в области вооружений, принимать на себя обязательства в области безопасности. Таким образом германский шаг является мероприятием, имеющим целью сохранить за Германией свободу от всяких обязательств в области безопасности. Бронированный кулак Германии должен иметь неограниченную возможность опуститься на ту жертву, которую выберет германский империализм. Мы имеем таким образом дело с политической подготовкой к войне.

Вместо того чтобы метать громы и молнии, надо себя спросить, что окрылило германскую дипломатию на такую политику? Ответ на это напрашивается сам собой. Подобная политика Германии стала возможной только благодаря политике тех великих держав — в первую очередь Великобритании, — которые поддакивали Германии и вызывали у руководителей ее политики уверенность, что достаточно дерзать, чтобы все было дозволено. Когда в ответ на франко-английские предложения от 3 февраля Германия ответила ударом по франко-английскому фронту — предложением сепаратных переговоров с Англией, — ее предложение было принято. Когда Германия на требование, чтобы она участвовала в системе, обеспечивающей мир всей Европе, ответила отказом от укрепления мира на востоке Европы, то в ответ на это она услышала утешения, что какой-нибудь компромисс найдется, словно возможен какой-нибудь компромисс между войной и миром! В результате этого германская дипломатия пришла к убеждению, что победа у нее уже в кармане. Для проверки этого своего убеждения она потребовала, чтобы визит сэра Джона Саймона был отложен, что понятно было актом, вряд ли имевшим когда-либо место в истории дипломатии. Когда и на это ответили умиленными заявлениями, Германия сделала предпоследнюю попытку, заявив, что с первого апреля у нее будет

воздушный флот вопреки запрещению Версальского договора. И этот номер прошел. Так чего же Германии стесняться, какие она может иметь причины стесняться своей политики? Она не только выбивает из рук другой стороны все козыри, но выигрывает внутриполитически, еще выше поднимая волну национализма, которая должна укрепить положение фашистского правительства, подготовляющего войну.

Было бы детской иллюзией думать, что Германия, создав вооружения, превосходящие французские, после этого оденет парадный мундир и пойдет гулять, упиваясь возможностью побрякивать саблей, устраивать военные парады и кричать «хейль!». Германия переживает тягчайший экономический кризис. Ее внешняя торговля катится вниз. Ее золотой запас исчерпан. Она вооружается с помощью финансовых манипуляций, которые при росте экономических затруднений могут привести к банковской панике и к панике среди вкладчиков сберегательных касс. Поэтому она спешит, и не подлежит никакому сомнению, что темпы германских вооружений, решительность, с которой Берлин отбрасывает все дипломатические условности, являются симптомом того, что Германия готовится к действиям. Будет ли дело итти об Австрии, которой господин Гитлер недавно предсказывал, что она пойдет по пути Саара, будет ли дело итти о Данциге, председатель сената которого заканчивает государственные документы словами: «Хейль Гитлер!», хотя Данциг и не является частью германской государственной территории, будет ли дело итти о Мемеле, — этого никто сказать не может. Но не подлежит сомнению, что последним шагом Германии предрешаются акты политической агрессии.

В этом положении все зависит от того, сумеют ли державы, против которых направлена эта политика, в скорых темпах выработать систему взаимной помощи на случай германской агрессии. Если Берлин будет знать, что эта система вступит в жизнь при участии Германии, если она этого захочет, и без нее, если она откажется, то — мы убеждены в этом — Германия поймет, что она слабее совокупности держав, желающих сохранения мира.

Время требует скорой консультации держав, заинтересованных в сохранении мира. Время требует скорых решений. Дело идет о том, чтобы после того как Германия создала полную ясность насчет своих целей, другие державы создали полную ясность насчет своих оборонных средств и насчет своей способности защитить мир для Европы и человечества.

(Передовая «Известий» от 18 марта 1935 г.).

АКТ 16 МАРТА

Почему Германия могла порвать часть V Версальского договора?

Через 15 лет после подписания Версальского договора германский империализм снова стал настолько мощным военно-политическим фактором, что ему оказалось под силу открыто порвать с военными ограничениями Версальского договора, не опасаясь военных санкций. Германский империализм опирался при этом на фактически уже существующий уровень своей военной силы.

Различные причины привели к тому, что германский империализм, несмотря на версальские ограничения, смог возродить свою военную мощь. Закон неравномерного развития капитализма в эпоху общего кризиса приводит к лихорадочной перегруппировке империалистических сил, к напряженной подготовке борьбы за новый передел мира. Под ударами мирового экономического кризиса быстро расшаталось неустойчивое здание версальской системы. Это внесло глубочайшие изменения в соотношение военно-политических сил империалистических держав и в европейское равновесие. Резкое обострение внутренних противоречий и антагонизмов в империалистическом лагере было использовано германской буржуазией.

Необходимо иметь в виду, что страх держав-победительниц перед опасностью победы революции в Германии заставлял их итти на целый ряд уступок по отношению к германской буржуазии, что не могло не облегчить маневрирование последней и в вопросе о разоружении.

Но германская буржуазия использовала не только борьбу внутри империалистического лагеря, но и обострившуюся борьбу двух систем. Стремление мировой буржуазии создать единый фронт для контрреволюционной войны против Советского союза было использовано правящими классами Германии для того, чтобы повысить свою ценность в качестве возможного союзника в антисоветских комбинациях. В частности фашистский режим мотивировал необходимость усиления германской военной мощи указанием на необходимость «борьбы европейской цивилизации против наступления мирового большевизма». Еще в секретном меморандуме Гренера по вопросу о флоте (в 1929 г.) эти доводы играли видную роль. Гренер, бывший в то время военным министром, обосновывал постройку четырех броненосцев водоизмещением в 10 тыс. *т* указанием на возможное участие Германии в будущей антисоветской войне. Как известно, у английской буржуазии эти соображения сыграли видную роль в решающий момент легализации германских вооружений. Страх перед пролетарской революцией в сердце Евро-

[1] В статье т. Немо опущены 1-я и 2-я главы. В оригинале статья озаглавлена: «Конец военных постановлений Версальского договора». — Ред.

пы, равно как стремление разрешить все империалистические противоречия за счет Советского союза побудили антисоветские элементы в Англии занять в отношении вооружения Германии явно благожелательную позицию.

Германская буржуазия широко использовала быстрое развитие современной военной техники, для того чтобы свести на-нет военные ограничения Версаля, для того чтобы подвести новую мощную техническую базу под свои вооружения. Развитие военной техники подвергло весь комплекс современной подготовки и ведения войны поистине революционным изменениям. Для иллюстрации приведем несколько примеров. Версальский договор ограничил тоннаж германских линкоров 10 тыс. *т*. А Германия, опираясь на развитие современной военно-морской техники, превратила эти «карманные линкоры», 10 000-тонные броненосцы, в один из наиболее современных типов военного корабля.

Равным образом развитие военной химии сыграло большую роль в деле восстановления германской военной мощи, ибо Германия обладает самой мощной химической промышленностью, и ни в какой другой области границы между мирным и военным производством так не стираются, как в области химической промышленности.

В такой же мере недействительной оказалась часть V Версальского договора и в отношении воздушных вооружений Германии. Разрешение Германии оставить у себя «чисто гражданскую» авиацию позволило ей построить на глазах у всего мира мощный воздушный флот. В условиях современной авиотехники развитие авиопромышленности, наличие летных кадров, гражданское аэродромное строительство и т. д. сыграли огромную роль в деле создания (и маскировки) военной авиации. Тот тип самолетов, который используется сейчас в германской гражданской авиации в качестве «самолета-молнии», может завтра в случае войны служить отличным истребителем. То же следует сказать о многомоторных самолетах германской авиации, которые предназначаются для роли бомбовозов в случае войны.

В течение 15 лет германская буржуазия имела достаточно времени для того, чтобы созданием выдающегося по своим качествам гражданского воздушного флота обеспечить себе переход к легализации военной авиации и к открытому массовому изготовлению военных самолетов. За несколько недель до 13 марта Германия заявила, что у нее нет военных самолетов, а 13 марта официально было объявлено об учреждении военной авиации, и начались большие военно-воздушные парады и учения. В беседе с Саймоном было заявлено, что Германия уже обладает таким же воздушным флотом, как Англия. Как раз в отношении одного из решающих факторов современной войны — авиации и химии — часть V Версальского договора оказалась явно недействительной.

Наконец принудительное установление для Германии контингента армии в 100 тыс. чел. с долгосрочной службой имело последствия, в известной мере противоположные тем, которые предусматривались при составлении части V договора. Эта небольшая армия

с долголетним сроком службы солдата-профессионала, насыщенная лучшим офицерским составом, стала кузницей первоклассных военных кадров и базой для развертывания большой массовой армии. Вековые традиции прусского милитаризма создали благоприятные субъективные предпосылки для разрешения сложных военных проблем, возникших для германской буржуазии в связи с военными постановлениями части V договора.

Наконец и то обстоятельство, что в течение всего военного и послевоенного периода германская буржуазия имела своей главной социальной опорой социал-демократию, также оказалось чрезвычайно выгодным для германских правящих классов при проведении политики нелегальных вооружений. Германская социал-демократия использовала все свое влияние на массы в период Веймарской республики, для того чтобы облегчить буржуазии ее политику нелегального вооружения. Разоружение рабочих и вооружение реакционных элементов, возвращение на службу в армию кайзеровских офицеров и воссоздание всей прежней организации германской армии проходило под руководством первого социал-демократического президента Германии — Эберта. Первая после войны крупная программа морского строительства была выработана и утверждена социал-демократическим правительством Германа Мюллера. На Кильском партейтаге Гильфердинг выдвинул положение о том, что социал-демократия ведет борьбу уже не против рейхсвера, а за рейхсвер. В рейхстаге социал-демократия устами своего представителя Штюклейна заявила, что она скорее десять раз пойдет заодно с рейхсвером, чем один раз с коммунистами. В то самое время, когда вооруженным фашистским военным союзам давалась возможность превратиться в организации массового характера, союз красных фронтовиков, эта боевая революционная организация пролетарской самозащиты, был запрещен Зеверингом. Даже при Гогенцоллернах борьба с антимилитаристическим движением не велась так ожесточенно, как при Веймарской республике германской социал-демократией. Социал-демократия в течение 14 лет оказывала германскому правящему классу неоценимые услуги в деле идеологической подготовки войны и в частности войны против Советского союза.

Подготовленное социал-демократами установление открытой фашистской диктатуры явилось последней решающей фазой политики вооружений и войны. Сейчас фашизм наиболее полно обеспечивает правящему классу ускоренную и всестороннюю подготовку войны. Фашизм сам по себе является неотъемлемой составной частью проводимой германским империализмом политики вооружения и войны. Фашизм невероятно ускорил темпы вооружений германской буржуазии. Фашисты ставят своей целью в кратчайший срок накопить силы и создать благоприятную обстановку для реализации своих империалистических планов путем войны. Используя указанные выше международные и внутренние предпосылки и лихорадочный темп своих собственных вооружений, фашизм уже на втором году своего пребывания у власти мог открыто легализовать германскую военную мощь.

Скрытое вооружение германской буржуазии началось еще во время Веймарской республики. В первые годы после войны в Германии, как грибы после дождя, стали быстро расти вооруженные реакционные союзы. Эти союзы находились в самой тесной связи с рейхсвером: в них объединялись уволенные офицеры и контрреволюционные националистические элементы старой армии; возглавляли эти союзы те же самые лица, которые позже сделались вождями национал-социалистского движения и затем хозяевами «Третьей империи», как например Киллингер, Шульц, Гайнес, Россбах и Эрхардт. Еще до того как вооруженные фашистские союзы первого послевоенного периода объединились в массовые организации национал-социализма, они играли крупную роль в деле сохранения связи между демобилизованными военными, сокрытия оружия, нелегальной военной подготовки своих членов и создания основы для будущих фашистских массовых военных союзов. Они поддерживали самый тесный контакт с союзами «черного рейхсвера» и сплошь и рядом прямо сливались с ними. Для того чтобы дать представление о численности черного рейхсвера, достаточно будет сказать, что одни только берлинские союзы майора Бухрукера насчитывали 18 тыс. чел., т. е. почти 20% всего состава легального рейхсвера. В 1929 г. во время прений в рейхстаге было установлено, что уже начиная с 1923 г. существовали организованные рейхсвером нелегальные фельдъегерские корпуса, из которых постепенно создавались саперно-технические вспомогательные войска.

Проводившаяся Геслером авантюристическая, быстро скомпрометировавшая себя политика открытого нелегального вооружения сменилась при его преемнике военном министре ген. Гренере и новом начальнике рейхсвера ген. фон Сект невидимым для заграницы, но зато еще более усиленным, нелегальным восстановлением вооружений. В своей книге «Die Reichswehr» Сект следующим образом рисовал поставленные им перед собою задачи:

«Первой моей задачей было по возможности использовать навязанное нам положение для дальнейшего развития. Это надо было сделать не в том смысле, какой имели в виду предписания Версальского договора, но так, чтобы, соблюдая его постановления, стараться насколько возможно обезвредить содержащийся в них яд. Другими словами, надо было создать, разумеется, не нечто идеальное, не нечто соответствующее нашим собственным желаниям и потребностям, но все же нечто жизнеспособное. При строительстве армии нужно было таким образом иметь в виду два момента: прежде всего необходимо было возможно быстрее создать замкнутую в себе организацию, которая жила бы своей собственной жизнью и могла бы в поставленных ей пределах выполнять свою роль в государстве. Но кроме того эта организация должна была нести в себе *зародыши нового развития*. При всем стремлении к внутреннему совершенству новой армии, внешние формы которой были предписаны нам извне, мы не должны были становить-

ся на ту точку зрения, будто бы эта армия является последним словом германской мудрости. Она должна была быть острым орудием, всегда готовым к применению в дело, и в то же время должна была сознавать, что она представляет собою временное явление, ступень на пути к дальнейшему усовершенствованию. Она должна была быть строением, приспособленным для жилья... но основа ее должна была давать возможность и почву для дальнейшей перестройки развития, расширения и пополнения».

Командный состав 100-тысячной германской армии насчитывал 32 генерала и генерал-лейтенанта, 49 генерал-майоров, 162 полковника, 175 подполковников, 850 майоров, 1 044 капитана и свыше 2 тыс. лейтенантов. Наряду с 4 291 офицером и 20 880 унтер-офицерами весь остальной состав армии (74 020 чел.) почти на две трети тоже фактически состоял из ефрейторов, старших ефрейторов и т. п. Такое соотношение резко подчеркивало характер рейхсвера как базы для развертывания будущей большой армии. Еще сильнее обнаруживался этот характер у германского флота. Довоенный германский флот имел 1,4 млн. *т* водоизмещения и 73 115 чел. экипажа. Между тем послевоенный флот имел 108 тыс. *т* водоизмещения и 15 тыс. чел. экипажа. Если до войны 1 офицер приходился на 33,3 солдата, то в послевоенное время 1 офицер уже приходился на каждые 10 солдат.

Руководство рейхсвера ни на один момент не ограничивалось военной подготовкой утвержденного ему 100-тысячного контингента. Что установленный Версальским договором 12-летний срок действительной военной службы фактически не соблюдался, это между прочим доказывается неуклонным ростом из года в год числа пенсионеров по службе в рейхсвере. К этому прибавлялась еще милитаризация других формирований, как-то: полиции, железнодорожной охраны и охраны водных путей. В особенности ярко выраженный военный характер имеет полиция. В 1913 г. штат полиции состоял из 80 тыс. чел. и был вооружен лишь саблями и револьверами, при республике же численность полиции возросла до 150 тыс. чел., из которых 35 тыс. были непосредственно подчинены рейхсверу. Эта новая полиция была снабжена ружьями, пулеметами, бронированными автомобилями, минометами, ручными гранатами и самолетами. Бюджет полиции возрос с 218 млн. марок в 1913 г. до 800 млн. марок в 1929 г. Совершенно по-военному была организована и железнодорожная охрана, имевшая в 1929 г. в своем составе около 30 тыс. чел. и несколько бронепоездов.

Германская буржуазия создала за время Веймарской республики многочисленные массовые организации, предназначавшиеся для пополнения кадров рейхсвера и получавшие соответствующую военную подготовку. В монархическом «кифгейзерском союзе» оставались объединенными не менее 3 млн. участников войны; сейчас они образуют запас ополчения новой германской массовой армии под названием «штурмовые отряды — резерв II». Гитлеровские фашистские военные союзы уже при Веймарской республике имели почти миллион членов. Около 250 тыс. бывших фронтовиков объединялись организацией «стального шлема», в настоящее время при-

надлежащей к «штурмовикам резерв I». В этом «резерве I» собраны в качестве ландвера лица в возрасте от 35 до 45 лет. Кроме того десятки тысяч людей входили в различные фашистские организации, как-то: младогерманский орден, бригада Эрхардта, «молодой стальной шлем», «бисмарковская молодежь», «вервольф», а также в социал-демократический союз республиканского флага. Все эти организации находились в прямой или косвенной связи с рейхсвером, в большей или меньшей степени возглавлялись бывшими офицерами; они имели чисто военную структуру, в большинстве случаев располагали оружием и получали довоенную подготовку.

Рост вооружений германской республики нашел яркое отражение в систематическом росте военного бюджета. Официальный военный бюджет возрос с 457,7 млн. марок в 1924 г. до 703,9 млн. марок в 1929 г. и до 769 млн. марок в 1930 г. В частности бюджет военного флота увеличился с 104,3 млн. марок в 1924 г. до 200,5 млн. марок в 1929 г.; таким образом за пять лет бюджет этот возрос вдвое.

Но военный бюджет Германии всегда являлся лишь маскировкой, служившей для вуалирования действительных вооружений и расходуемых на них средств. В военный бюджет Германии не включались не только такие статьи, как пенсии, которые обычно принято помещать в военной части бюджетов, но и такие бесспорно военные расходы, как мероприятия по подготовке военного хозяйства, развитие авиации и т. д. Расходы на чисто военную железнодорожную охрану, составлявшие например в 1929 г. около 20 млн. марок, помещались в бюджете имперских железных дорог, а расходы на военизированную полицию все время проходили по бюджету министерства внутренних дел.

Веймарская республика уделяла особенное внимание экономической подготовке войны, подготовке, необходимость которой Сект неоднократно подчеркивал. Так, германское правительство в течение ряда лет финансировало мансфельдские медные рудники, а также судостроительные заводы в Шихау, несмотря на их нерентабельность: оно делало это исключительно по причине большого военно-хозяйственного значения этих предприятий. Одновременно представители рейхсвера появлялись в нейтральных странах, где они старались вступать участниками в существующие военные фирмы или же создавать собственные новые военные предприятия. Таким образом в нейтральных странах создавались германские военно-промышленные предприятия, где производилось для Германии запрещенное оружие, накоплялись военные запасы, обучались кадры и т. д.

В вопросе торговли оружием Германия также уже в течение ряда лет нарушала рамки Версальского договора и в частности постановления о запрещении торговли оружием. Начиная с 1925 г., участие Германии в международной торговле оружием было относительно выше, чем участие Франции. В 1925 г. половина всего импортированного в Китай оружия была ввезена из Германии. Так Веймарская республика создала прочные основы для форсирова-

ния темпа германских вооружений пришедшим ей на смену фашизмом.

Конец части V Версальского договора

С приходом Гитлера к власти Германия начала безудержно вооружаться. Германия давно уже потихоньку расшатывала оковы части V Версальского договора; теперь она принялась за уничтожение их так же открыто, как германский финансовый капитал открыто взял курс на войну и реванш. Наряду с яростной шовинистической кампанией, т. е. с идеологической подготовкой войны, фашистская власть проводила мероприятия, которые ставили на службу интересам войны всю общественную жизнь страны вплоть до мельчайших ее проявлений. Германия оставила Лигу наций и пыталась сколотить блок главных поджигателей антисоветской войны.

Брутально разорвав военные постановления Версальского договора, фашистская Германия открыла для себя возможность неограниченных вооружений, бешеной подготовки к агрессивной наступательной войне. Фашизм форсированными темпами создает мощную военную машину, восполняет отдельные пробелы в своей военной организации, обеспечивает себя достаточным количеством тяжелой артиллерии и танков, усиленно строит военно-морские корабли, сооружает крепости, аэродромы, автострады, массовые военно-технические кадры и т. д. Он ставит перед собой задачу добиться военного превосходства Германии над ее противниками.

Как уже упомянуто выше, закон 16 марта предусматривает сформирование 12 армейских корпусов и 36 дивизий. В 1914 г. Германия имела 25 армейских корпусов и 50 дивизий.

Факт незыблемого сохранения трудовой повинности и после введения всеобщей воинской повинности показывает, что военная подготовка молодежи будет продолжаться на самой широкой основе и вне рамок армии. Достигаемая путем трудовой повинности допризывная подготовка молодежи практически означает удлинение срока военной службы (который по имеющимся предположениям будет установлен в полтора года) по крайней мере еще на один год.

Общие размеры германских вооружений, приведенные т. Тухачевским в его статье («Правда», 31 марта 1935 г.), исчисляются следующим образом.

В области авиации Германия произведет в 1935 г. свыше 4 500 самолетов. В 12 авиосоединениях при аэропортах состоит на вооружении 2 100 бомбардировщиков. В 16 авиосоединениях, организованных Герингом, числится 1 600 самолетов. Итого 3 700 самолетов с личным составом в 60 тыс. чел. Кроме того готовятся еще 60 тыс. человек.

36 пехотных дивизий будут иметь в своем составе 546 тыс. чел. В случае войны Германия может развернуть 108 пехотных дивизий.

В 5 кавалерийских дивизиях и 10 мотополках — 51 тыс. чел.

В артиллерии (12 полков артиллерии резерва главного командо-

вания, 12 полков зенитной артиллерии, 12 тяжелых дивизионов береговой обороны) — 54 тыс. чел.

В мотомехчастях (1 моторизованная дивизия, 4 механизированных бригады, 12 танковых батальонов резерва главного командования) — 33 тыс. чел.

В войсках связи, инженерных и химических — 22 тыс. чел.

В военно-учебных заведениях и военных учреждениях — 60 тыс. чел.

В морском флоте — 22 600 чел.

Германская армия к лету 1935 г. должна достигнуть 849 тыс. чел. Значительная часть этой армии, превышающей на 40% вооруженные силы Франции, выделена для «армии вторжения». Завершения организационной подготовки Германии, как указал т. Тухачевский, надо ожидать в 1936 г.

К регулярным вооруженным силам надо еще добавить военные резервы — штурмовые отряды, охранные отряды, полицию, пограничную стражу и т. д. — общей численностью в 900 тыс. чел.

Еще до введения всеобщей воинской повинности заведующий бюро печати военного министерства майор Ферч в изданной им брошюре «Die Wehrmacht im Dritten Reich» высказал такие мысли:

«1. Вооруженные силы Третьей империи будут отличаться от вооруженных сил довоенного времени и послевоенного десятилетия, так как теперь условия коренным образом изменились. 2. Вооруженные силы Третьей империи должны быть построены на основе той армии, которая в течение послевоенных лет оправдала себя в качестве охранительницы великих традиций и сберегла нашу военную дееспособность. 3. Вооруженные силы Германии могут быть только национал-социалистскими. Основному принципу национал-социалистского миросозерцания — принципу руководства вождей («фюрерства») — отвечает необходимость четкой организации руководства армией. Это значит, что никакой парламент, никакой военный совет не должен вмешиваться в дело управления армией. Только политический вождь несет всю ответственность за руководство государством и только военный вождь несет всю ответственность в своей военной области. Будущее требует всеобщей военной повинности в самом широком смысле слова, т. е. обязательной военной службы всего народа. Вооруженные силы Третьей империи не должны быть профессиональной армией, но и не должны быть массовой армией в старом смысле слова».

Не подлежит сомнению, что все конкретные вопросы, связанные с введением воинской повинности, уже разрешены германским правительством. Иначе обстоит дело с разрешением той политической задачи, которая связана с установлением всеобщей воинской повинности. Совершенно ясно, что всеобщая воинская повинность является политической угрозой для фашистского режима, что массовая армия для войны таит в себе величайшие опасности для диктатуры Гитлера. Рассуждения майора Ферча о сочетании принципа массовости и принципа профессиональности отражает это глубокое внутреннее противоречие, которое заложено в массовой военной машине германского фашизма.

Прокламированная во всеуслышание фашистской печатью задача «восстановления германской чести», т. е. установления военно-политической гегемонии германского империализма в Европе, означает, что германский фашизм открыто требует ликвидации базирующихся на Версале status quo, ликвидации нынешних европейских границ, т. е. войны. Дата 16 марта 1935 г. открыла новую главу обострившейся опасности империалистической войны.

Германский фашизм — этот главный поджигатель войны в Европе — открыто поднял знамя войны и реванша.

Лихорадочные вооружеия германского фашизма опрокидывают послевоенные соотношения вооруженных сил в капиталистической Европе и являются исходным пунктом новой небывалой по своему размаху гонки империалистических вооружений.

Напряженная подготовка германского фашизма к войне в первую очередь направлена лицом против СССР. Германский фашизм предлагает свои услуги в качестве авангарда в контрреволюционной войне против СССР.

В то же время бешеные германские вооружения являются орудием для выполнения тех широких захватнических и реваншистских планов агрессии, которые направлены против целого ряда капиталистических государств Европы: Франции, Чехословакии, Бельгии, Австрии, прибалтийских стран и т. д. В этом смысле неизменное подчеркивание германскими фашистами антисоветского острия германских вооружений не только отражает истинные их намерения и наиболее желательное для них направление удара, но и является удобной маскировкой, призванной скрыть другие возможные направления подготовляемой фашистской агрессии. Никто еще не выдумал таких пушек, которые стреляли бы только на восток, но не на запад, или таких бомбовозов, которые сбрасывали бы бомбы обязательно над советской территорией, а не, скажем, над Парижем или Лондоном. Германские вооружения угрожают миру во всем мире.

Германский фашизм, не выполнивший ни одного из тех обещаний, которые он давал массам, идя к власти, запутавшийся во внутренних противоречиях, ищет выхода на пути внешнеполитических авантюр, на пути войны. По отношению к нему всего уместнее вспомнить слова т. Сталина на XVII съезде партии:

> «Как видите, дело идет к новой империалистской войне, как к выходу из нынешнего положения.
>
> Конечно, нет оснований предполагать, что война может дать действительный выход. Наоборот, она должна еще больше запутать положение. Более того, она наверняка развяжет революцию и поставит под вопрос само существование капитализма в ряде стран, как это имело место в ходе первой империалистской войны. И если, несмотря на опыт первой империалистской войны, буржуазные политики все же хватаются за войну, как утопающий за соломинку, то это значит, что они окончательно запутались, попали в тупик и готовы лететь стремглав в пропасть».

(Журн. «Мировое хозяйство и мировая политика» № 4 за 1935 г.).

ВОЕННЫЕ ПЛАНЫ НЫНЕШНЕЙ ГЕРМАНИИ

Придя в январе 1933 г. к власти, Гитлер заявил, что ему потребуются четыре года для уничтожения кризиса и безработицы в Германии. Эта национал-социалистская демагогия так и осталась пустой демагогией. Зато, как теперь становится ясным, за этим демагогическим планом скрывался другой, гораздо более реальный, четырехлетний план создания гигантских вооруженных сил.

В самом деле, уже на второй год власти национал-социалистов число дивизий, разрешенных Германии Версальским договором, было утроено, достигнув 21.

Была создана запрещенная Версальским договором военная авиация.

Германская военная промышленность практически вступила на путь все прогрессирующей мобилизации. Возможная продукция мобилизованной германской промышленности общеизвестна. В один-два года она может вооружить армию, какая была у кайзера к концу империалистической войны.

Практическим завершением этой программы является объявленный национал-социалистским правительством закон о всеобщей воинской повинности и о сформировании 36 дивизий мирного времени.

Таким образом уже на третий год власти Гитлера вооруженные силы Германии, только сухопутные, достигают мощности довоенной Германии, если учесть, что мобилизационное развертывание в Германии теперь производят утроением, а не удвоением (из семи дивизий развернута 21). Наличие сильной военной авиации делает эту армию еще более сильной. К этому вопросу мы возвратимся еще несколько дальше.

Германские взгляды на ведение современной войны

Фон Сект первым в германской военной литературе поставил вопрос о том, что «целью современной стратегии будет добиться решения при помощи подвижных, высококачественных, способных к ведению операций сил — без того или до того, как массы придут в движение»[1]. В связи с этим Сект требует иметь в мирное время вполне готовые к бою дивизии, с тем чтобы по мобилизации в них не вливалось никаких пополнений, т. е. чтобы в мирное время они содержались по штатам военного времени. Наряду с этим генерал Сект считает необходимым введение в Германии всеобщей воинской повинности для развертывания мощной обороноспособности страны.

---

[1] Фон Сект, Оборона страны, ГВИЗ, 1931 г., стр. 43.

Людендорф, который, как известно, ныне привлекается к работе в германском генеральном штабе, считая необходимой всеобщую воинскую повинность и максимальное использование для войны людских ресурсов Германии, точно так же считает необходимым иметь армию вторжения для дезорганизации обороны противника на его территории и нанесения ему внезапных молниеносных ударов.

Людендорф недоволен темпами первого периода войны в 1914 г.

«Мобилизация и сосредоточение войск затягивались до 16-го — 17-го дня мобилизации...»

«Только спустя четыре недели после объявления мобилизации, разыгралось сражение под Таненбергом»[1].

Поэтому, говорит Людендорф:

«В ведении войны крупных военных держав против слабо вооруженных государств быстрая мобилизация, как и быстрое наступательное продвижение войск будут играть исключительную роль. Крупные военные державы кроме авиации для срыва мобилизации противника применят быстроподвижные войска, состоящие из моторизованной пехоты и кавалерийских дивизий, усиленных бронетанковыми соединениями и вспомогательными войсками, перевозимыми на автомобилях.

Все это указывает на то, что при подготовке к войне следует руководиться другими масштабами во времени и пространстве, чем те, которым учила нас военная история до сих пор»[2].

Подполковник Неринг в только что вышедшей его книге говорит:

«При мобилизации подвижные и моторизованные войска совместно с авиацией имеют задачей прикрыть собственные границы и обеспечить наступление собственной армии, а также короткими ударами нарушить мобилизацию и концентрацию противника»[3].

Те же мысли высказывает и ген. Мецш в книге «Современная военная наука», изданной в 1934 г. под редакцией известного германского военного писателя Кохенгаузена. Ген. Мецш утверждает, что стратегическая цель сильно вооруженного государства заключается в перенесении военных действий на территорию противника, чтобы с самого начала войны расстроить его военную организацию. Для этой цели должны быть прежде всего применены воздушные, затем быстроподвижные, т. е. в первую очередь моторизованные силы. Вслед за этими подвижными силами должны следовать крупные войсковые массы для создания прочной базы для операций.

Высказываний в этом духе мы находим в германской военной литературе сколько угодно. Новая германская военная доктрина кристаллизуется, а теперь обеспечивается и материально.

Маршал Петен в статье, помещенной в журнале «Revue des

---

[1] General Ludendorf. Weltkrieg droht auf Deutschem Boden, München 1930, S. 37.

[2] Там же, стр. 38.

[3] W. Nehring, Heere von morgen, Potsdam, S. 39.

deux Mondes» от 1 марта 1935 г., характеризуют германскую военную доктрину теми же чертами. Он говорит, что «появление нового вооружения может придать борьбе совершенно иной оборот. В настоящее время можно представить себе войну, внезапно начинающуюся приемами, способными уничтожить первый эшелон военных сил противника, дезорганизующими его мобилизацию и разрушающими жизненные центры его мощи».

«Орудия такой войны уже существуют», — добавляет маршал Петен и указывает, что этот метод пользуется в Германии особой популярностью.

Итак, Германия организует громадные вооруженные силы и в первую очередь готовит те из них, которые могут составить могучую армию вторжения.

Попробуем охарактеризовать это развитие в том виде, как оно представляется на основании данных прессы и официальных данных, опубликованных германским правительством.

Общие размеры германских вооружений

Авиация. Особые усилия прилагает германское правительство к развитию военной авиации.

Авиационная промышленность работает полным ходом. По заявлению французского военного министра Морена, германские авиационные заводы производят по 15 самолетов в день. Следовательно в течение 1935 г. будет произведено свыше четырех с половиной тысяч самолетов.

Организация и численность развертываемых на сегодняшний день сухопутных и морских авиационных соединений рисуются в следующем виде:

12 авиосоединений при крупнейших аэропортах, где имелись районные авиационные группы и до настоящего времени. На вооружении их состоит до 2 100 бомбардировщиков и разведчиков.

16 авиосоединений, организованных Герингом, при воздушных отделах в крупнейших стратегических пунктах. На вооружении этих частей состоит истребительная и вспомогательная авиация, всего 1 600 самолетов.

Итого на вооружении сухопутной и морской авиации Германии, как это можно заключить на основании публикующихся данных, должно состоять до 3 700 самолетов в строю.

Личный состав этих воздушных сил достигает 8 тыс. офицеров и 52 тыс. унтер-офицеров и рядовых. Помимо того в 16 группах спортивной авиации и на курсах гражданского воздушного флота германское командование готовит до 60 тыс. чел. летного состава, что поднимет общую численность авиации до 120 тыс. чел.

В Германии много говорят о планах Геринга по доведению авиации до 16 тыс. самолетов.

Пехота. Германия объявила о создании 12 корпусов и 36 пехотных дивизий. Штат этих соединений должен быть очень большим, так как, во-первых, из этих частей очевидно будут составляться армии вторжения, а во-вторых, в них должны быть вклю-

чены кадры для тройного развертывания. Этот штат видимо будет достигать 15 тыс. чел., на что и имеются указания прессы. Большой штат дивизии мирного времени необходим и потому, что требуется наверстать потерянное за прошедшие 15 лет, т. е. быстро накопить обученный запас.

В состав дивизии помимо пехотных полков видимо войдут два артиллерийских полка (легкий и тяжелый), танковый батальон, батальон связи, инженерный батальон и химическая рота.

Всего армейские корпуса и пехотные дивизии будут иметь в своем составе до 546 тыс. чел.

В случае войны Германия может сразу же развернуть до 108 пехотных дивизий. Маршал Петен называет цифру до 100 дивизий.

Конница. Состав: 5 кавалерийских дивизий и 10 мотополков, всего 51 тыс. чел.

Конница штурмовых и охранных отрядов позволяет дальнейшее формирование кавалерийских дивизий.

Артиллерия. Помимо артиллерии, входящей в состав пехотных и кавалерийских соединений, германский рейхсвер по всей вероятности развертывает не менее 12 полков резерва главного командования, 12 полков зенитной артиллерии и 12 тяжелых дивизионов береговой обороны, в общем составе до 54 тыс. чел.

Броневые и мотомехчасти. 1 моторизованная дивизия — 15 тыс. чел., 4 механизированных бригады —12 тыс. чел., 12 танковых батальонов резерва главного командования — 6 тыс. чел., всего 33 тыс. чел., не считая танковых частей в пехоте и коннице.

Танковые части находятся в процессе все растущего оснащения танками последних типов.

Войска связи, инженерные и химические, не входящие в состав общевойсковых соединений, должны содержать до 22 тыс. чел.

Военно-учебные заведения и различные учреждения министерства обороны составят до 60 тыс. человек.

Военно-морской флот
(учитывая резерв и строящийся)

	Колич. караблей	Колич. людей
Линкоров	9	9 000
Крейсеров	8	4 000
Эминцев	12	2 000
Миноносцев	20	2 000
Подлодок	26	2 600
Базы и управления	26	3 000
Итого	—	22 600

Итоговая численность германских вооруженных сил к лету 1935 г. должна достигнуть таким образом 909 тыс. чел., а если не считать 60 тыс. учеников в гражданских авиоучреждениях, то 849 тыс. чел.

Завершения организационной военной программы Германии надо ожидать в 1936 г.

Помимо этих регулярных вооруженных сил Германия имеет значительное количество скрытых вооруженных частей, могущих служить делу мобилизации и новых формирований, а именно:

	Колич. частей	Колич. людей
Штурмовые отряды . .	21	400 000
Охранные отряды . . .	7	40 000
Трудовая повинность .	30	300 000
Пограничная охрана . .	21	50 000
Полиция	—	110 000
Итого . .	—	900 000

Армия вторжения

В состав армии вторжения из общего числа вооруженных сил могут войти соединения, способные к самостоятельным оперативным действиям и состоящие в штатах, близких к штатам военного времени.

Авиация. Не считая войсковой авиации, в самостоятельных действиях на сегодняшний день сможет принять участие не менее 1 500 самолетов.

Мотомехчасти. Моторизованная дивизия и 4 механизированных бригады.

Конница. 5 кавалерийских дивизий.

Пехота. 1-й эшелон, на автомобилях, — не менее 15 пехотных дивизий.

Германия имеет 661 тыс. легковых автомобилей, 12 500 автобусов, 191 тыс. грузовых машин и 983 тыс. мотоциклов. Из этого числа около 150 тыс. машин входит в состав Автокорпуса национал-социалистов (НСКК).

В текущем году личный состав этого корпуса прошел медицинское переосвидетельствование на предмет годности к военной службе.

Корпус подчиняется министерству обороны.

Для переброски пехотной германской дивизии требуется автотранспортная группа в составе около 650 легковых машин, 6 700 грузовиков и 1 200 мотоциклов.

Совершенно очевидно, что даже с учетом автотранспорта для организации тылов германское командование сможет дивизий пятнадцать перебрасывать для оперативных нужд на значительные расстояния. В этом направлении производится большая работа. В 1932 г. средствами автокорпуса в течение 17 часов было подвезено из всех частей Германии в район Темпельгофа 200 тыс. чел., на что потребовалось около 20 тыс. легковых и грузовых машин

Остальные дивизии мирного времени составят 2-й эшелон армии вторжения.

Морской флот и морская авиация будут наносить удары по коммуникациям и торговым путям противника.

Эта армия вторжения, особенно авиация, мотомехчасти, конница и подводные лодки, несомненно будет усиленно развиваться национал-социалистами в ближайшие годы. Но вместе с тем эта армия вторжения уже и в этом виде сильнее всей французской армии мирного времени.

Антисоветские и реваншистские планы Гитлера

В своем докладе на VII съезде советов т. Молотов привел из книги Гитлера «Моя борьба» следующее место:

> «Мы, национал-социалисты, сознательно подводим черту под внешней политикой Германии довоенного времени. Мы начинаем там, где Германия кончила шестьсот лет назад. Мы кладем предел вечному движению германцев на юг и на запад Европы и обращаем взор к землям на востоке. Мы прекращаем наконец колониальную и торговую политику довоенного времени и переходим к политике будущего — к политике территориального завоевания. Но когда мы в настоящее время говорим о новых землях в Европе, то мы можем в первую очередь иметь в виду лишь Россию и подвластные ей окраинные государства.
>
> Сама судьба как бы указывает этот путь».

Тов. Молотов задал вопрос: остается ли это устремление Гитлера в силе?

Ответ на это мы находим в тех сведениях, которые проникли в печать из разговоров Гитлера с Саймоном. По сообщению агентства «Радио», Гитлер заявил о том, что по отношению к СССР обстановка «заставляет Германию сохранить за собой свободу действий в будущем». При этом, по данным печати, Гитлер требует ослабления западных границ СССР. Гитлер требует также, чтобы Франция отказалась от сотрудничества с СССР.

Эту ярко выраженную антисоветскую установку Гитлера признает даже вся буржуазная печать.

Маршал Петен в цитируемой выше статье говорит, что французская военная система, «принятая в 1927—1928 гг., целиком основывалась на гипотезе, что наш возможный противник не способен в короткий срок выставить мощную армию, и на надежде, что при его приближении мы найдем время для подготовки. Гипотеза эта не соответствует нынешним обстоятельствам». И действительно, французская армия с ее 20 дивизиями и большими сроками мобилизационного развертывания и сколачивания частей уже не сможет активно действовать против Германии. Наоборот, прежде чем начать такое столкновение, ей придется потерять много времени на развертывание своих сил.

Эта изменившаяся обстановка на западе активизирует антисоветскую политику Гитлера. Гитлер стремится успокоить Францию и, как сообщала печать из Берлина от 25 марта, заявляет, что «Германия готова дать обещания, что она не имеет никаких притязаний к Франции и не имеет никаких агрессивных намерений в отношении своих западных соседей». Гитлер усыпляет Францию, ибо он не хочет давать повода к росту французских вооружений.

Само собой понятно, что империалистские планы Гитлера имеют не только антисоветское острие. Это острие является удобной ширмой для прикрытия реваншистских планов на западе (Бельгия, Франция) и на юге (Познань, Чехословакия, аншлюс). Помимо всего прочего нельзя отрицать того, что Германии нужна французская руда. Ей необходимо и расширение ее морской базы. Опыт войны 1914—1918 гг. показал со всей очевидностью, что без прочного обладания портами Бельгии и северными портами Франции морское могущество Германии невозможно построить.

Таким образом для осуществления своих реваншистских и захватнических планов Германия будет иметь к лету 1935 г. армию минимум в 849 тыс. чел., т. е. армию, большую на 40%, чем Франция, и почти такую же по численности, как СССР (у СССР 940 тыс чел., считая все роды войск). И это несмотря на то, что СССР имеет в 2½ раза больше населения и в десятки раз больше территории, чем Германия.

Так выглядит на деле так называемое равноправие в вооружениях.

(«Правда» от 31 марта 1935 г.).

Наблюдатель

КАК КОМПЛЕКТУЕТСЯ ГЕРМАНСКАЯ АРМИЯ

Вслед за опубликованием закона о военной службе в германских газетах было объявлено правительственное распоряжение о призыве на военную службу в 1935 г. Закон о военной службе и это постановление позволяют до некоторой степени судить о качестве вооруженных сил, достигнуть которого стремится германский империализм.

Согласно правительственному постановлению на действительную военную службу во всей Германии призываются лица, родившиеся в 1914 г., а в Восточной Пруссии также и лица 1910 г. рождения. В лагери трудовой повинности для предварительной военной подготовки призываются родившиеся в 1915 г.

Это правительственное постановление дает возможность установить, что к военнообязанным для зачисления их в специальные части, авиацию и морской флот предъявляются особые требования. Уже из текста закона о военной службе было видно, что при комплектовании этих частей будет произведен тщательный отбор. Было ясно, что отбор не ограничится только физическим состоянием призываемого и его специальной квалификацией, но прежде всего коснется политической «благонадежности». Опубликованное постановление о призыве подтверждает это предположение.

Распоряжение гласит, что на призыв должны явиться все лица, подлежащие в этом году зачислению в армию, за исключением

явно негодных. Больные с видимыми признаками негодности (т. е. калеки) и душевнобольные освобождаются от явки распоряжением полицейских учреждений, ведающих учетом военнообязанных. Все остальные должны явиться, имея на руках кроме обычных документов свидетельство о состоянии и пребывании в различных фашистских организациях, если они в этих организациях состоят или состояли.

В опубликованном полицейпрезидентом Берлина приказе перечислены те документы, которые должны иметь на руках являющиеся в призывные учреждения. Между прочим к этим документам относятся удостоверения или членские билеты о принадлежности к следующим организациям: «гитлеровская молодежь», штурмовые отряды (или морские штурмовые отряды), защитные отряды, автомобильный корпус национал-социалистов, германский воздушный союз, германский автомобильный клуб и т. п.

Удостоверения, которые характеризуют только квалификацию призывника, тоже перечислены в приказе полицейпрезидента, но они отнесены на второй план. К ним например относятся: удостоверение о посещении школы мотористов или мореплавания, свидетельство на право управления автомобилем или самолетом и т. д.

•

Законом о военной службе предусмотрено комплектование авиации и военно-морского флота исключительно сверхсрочнослужащими. Срок службы в этих частях вооруженных сил 4 года. Нет никакого сомнения, что колоссальная безработица, существующая в Германии, толкнет большое количество «добровольцев» как в военно-морской, так и в военно-воздушный флот. Множество членов «реорганизуемых» военизированных фашистских организаций (штурмовые отряды), численность которых в связи с введением всеобщей воинской повинности будет уменьшена, тоже кинется в армию, чтобы не умереть с голода на улице. В этих условиях фашистское правительство Германии может питать надежду, что возвещенная им в законе воинская повинность, названная «службой чести», населением будет выполнена.

Германское военное командование благодаря таким условиям будет повидимому иметь возможность производить тщательный отбор рядового состава для комплектования не только авиации и морского флота, но и некоторых специальных частей наземных войск. Вероятно в некоторых армейских специальных частях предпочтение будет также отдано «добровольцам».

Ведь даже при 12-летнем сроке службы безработица гнала в рейхсвер огромное количество населения. Сокращенный срок службы смягчает жуткую перспективу закабаления в фашистской казарме на весь период молодости. В то же время краткосрочная служба обеспечивает на некоторое время существование и дает надежду на получение какого-либо заработка после военной службы. В законе написано например, что каждый может дослужиться до чиновника и даже до офицера!

Следовательно авиация и морской флот полностью, а специальные части наземных войск частично будут комплектоваться бывшими членами фашистских организаций, «арийцами», имеющими соответствующую техническую подготовку и обязующимися служить сверх установленного для всей армии срока.

●

Что комплектование армии Германии строится на основе приема на действительную военную службу «избранного» состава, подтверждается тем фактом, что контроль установлен двойной. Первый раз этот контроль осуществляется при приеме в лагери трудовой повинности, второй раз — при приеме на действительную службу.

Прием в лагери трудовой повинности, судя по смыслу опубликованных постановлений, производится таким же примерно порядком, как и на действительную службу. Поступающие в лагери представляют те же документы. Но здесь повидимому значение будет иметь прежде всего медицинский отбор, ибо решительно все, являющиеся к призыву на действительную службу, должны предварительно отбыть 26-недельную трудовую повинность. Какую роль играет эта предварительная подготовка, видно например из того, что даже в 1935 г. лица, не отбывшие трудовой повинности, в армию приниматься не будут, а будут отправлены в лагери трудовой повинности.

Стремление брать на действительную службу только «избранных» подтверждается и тем, что в § 48 правительственного постановления указаны особые права начальника района комплектования. Параграф этот гласит, что после постановления полицейского учреждения о призыве данного лица и после освидетельствования его в медицинской комиссии окончательное решение о приеме на военную службу принадлежит начальнику района. Следовательно последний имеет право принять на действительную службу или освободить от нее по собственному усмотрению, независимо от того, признано или нет данное лицо годным.

Что касается возможности комплектования определенного количества германских воинских частей тщательно отобранным составом, то наличие ее подтверждается тем, что в 1935 г. в военно-морской флот военнообязанные приниматься не будут, ибо флот уже полностью укомплектован «добровольцами». Все лица, принадлежащие к «морякам» или «полуморякам» (так именует правительственное постановление лиц, годных для службы в морском флоте), прямо зачисляются в резерв. Без сомнения положение многих резервистов будет хуже, чем принятых на действительную службу. Перед ними новых «перспектив» не открывается, кроме пожалуй голодной смерти.

Конечно все ухищрения фашистского правительства и военного командования Германии не избавят германскую буржуазию от уг-

розы, которую таит в себе массовая капиталистическая армия. Попытка укомплектовать часть вооруженных сил проверенными фашистскими кадрами лишь в некоторой степени может быть осуществлена, да и то главным образом в условиях мирного времени. Но построение массовой, технически отлично оснащенной армии, чего добивается и отчасти уже добился германский империализм, невозможно без мобилизации враждебных буржуазии рабочих и крестьянских масс.

Относительно численности германских вооруженных сил ни новый закон, ни последующие постановления не дают никаких определенных указаний. Правительственное постановление о призыве содержит указания относительно состава германской армии по родам войск и оружия. Эти указания подтверждают, что германская армия должна представлять собою большую, технически отлично оснащенную силу. Сухопутная армия согласно этому постановлению состоит из следующих частей:

пехоты и конницы,

легкой конной, легкой моторизированной и тяжелой моторизированной артиллерии,

мотомехвойск и автомобильных (автотранспортных) частей,

саперных войск, войск связи и санитарных частей.

К морскому флоту причислены войска береговой обороны, а к воздушному — зенитная артиллерия и части «воздушной связи».

Но все эти указания не определяют ни общей численности вооруженных сил, ни численности армии. Тем не менее они несомненно подтверждают правильность цифр, данных т. Тухачевским в статье «Военные планы нынешней Германии». На сегодняшний день численность личного состава вооруженных сил т. Тухачевским указана в 909 тыс. чел. Она исчислена как раз с учетом всех тех родов войск, о существовании которых ныне официально объявляется германским правительством.

По мнению французской печати, германская армия не будет однако иметь стабильной численности. «Франс милитэр» пишет, что фактически германская армия имеет в своем составе 900 тыс. чел. Из них 350 тыс. проходят обучение в лагерях трудовой повинности.

Но главное дело, по мнению «Франс милитэр», в том, что отличительной чертою нового германского закона о военной службе является его неопределенность в смысле установления продолжительности действительной службы. По закону, это всецело зависит от решения верховного главнокомандующего, рейхсканцлера Гитлера. Последний может в любой момент увеличить срок действительной службы и тем самым численность армии.

Таким образом опубликованный закон не только не определяет количественных размеров германских вооруженных сил, но наоборот открывает возможность по мере надобности увеличивать их численность. При вдвое увеличенном сроке

службы, к которому Германия может перейти в любой момент, в два раза увеличивается и численность армии. Именно этой необходимостью и руководствовались составители нового германского закона о военной службе.

(«Красная звезда» от 10 июня 1935 г.).

Р. Гаус

ГЕРМАНСКИЙ ВОЕННЫЙ ВОЗДУШНЫЙ ФЛОТ

Таинственная атмосфера, которая окружает германские вооружения вообще и авиационные в первую очередь, в общем редко проясняется. Поэтому приходится слышать и читать самые различные, иногда диаметрально противоположные высказывания о мощи и боевой готовности германского воздушного флота. То слышишь, что речь идет о маленьком воздушном флоте, который соседние государства не должны принимать сколько-нибудь всерьез, то слышишь, напротив, что фашистская Германия обладает мощным флотом, в который входят десятки тысяч самолетов, и что этот флот во много раз превосходит военную авиацию соседних стран.

В это смятение умов вносит ясность книга Дороти Вудман, только что вышедшая в Париже под заглавием «Воздушный флот Гитлера в боевой готовности»[1]. Эта книга представляет собой дополнение и продолжение ценного сборника документов, выпущенного тем же автором под названием «Гитлер подготовляет войну» (эта книга недавно выпущена на русском языке издательством Соцэкгиз). Новая книга Вудман имеет дело только с одной областью германских вооружений, поэтому в этой области она является еще более полной, чем предыдущая. Ошибки, которые еще встречались в первой книге, исправлены, так что последняя книга дает полную картину германского воздушного флота. Ясно подчеркивается, что воздушные военные силы отнюдь не делают излишними крупные массовые армии, как это утверждали некоторые военные теоретики (Дуэ). Однако воздушные силы во всяком случае имеют решающее значение. Мнение германских специалистов иллюстрируется следующей цитатой из писаний генерал-лейтенанта фон Шварте. В своей книге «Военная техника современности» он пишет: «Воздушные средства борьбы завоевали полное равноправие наряду с сухопутными и морскими военными средствами и являются по праву, если не решающим фактором, то все же одним из факторов во всех будущих военных действиях».

---

[1] Дороти Вудман, Воздушный флот Гитлера в боевой готовности. Разоблачения о фактическом состоянии гитлеровских воздушных вооружений. Выпущена на немецком языке издательством «Editions du Carrefour», Paris 1935.

Организация германских воздушных путей

Фашистские авторитеты в области авиации в течение ряда лет энергично оспаривали наличие тесной связи между военной авиацией и воздушным транспортом. На это Дороти Вудман дает такой исчерпывающий ответ:

> «Усиление воздушного транспорта приводит к развитию промышленности, производящей самолеты, авиомоторы и авиочасти. Расширение и далеко идущее использование ее производственной способности увеличивают знания о метеорологических и атмосферных условиях, а также о качестве материалов, и не в последнюю очередь это позволяет создать первоклассные авиационные сооружения на суше» (стр. 34).

В догитлеровские времена были сделаны все приготовления для организации военного воздушного флота. Под маской транспортной и спортивной авиации скрывались многочисленные попытки этого рода.

Транспортная авиация Германии может существовать только благодаря правительственным субсидиям, проводимым в масштабах, не поддающихся контролю. Как сообщают, Люфтганза получала в 1934 г. 17 310 тыс. марок из государственных средств. При этом речь идет только об ассигнованиях на службу пути. Помимо того Люфтганза получает от правительства бесплатно самолеты якобы для испытания.

Также за рамки нужд транспорта выходят форсирование ночного воздушного сообщения и использование самолетов, обладающих особенно большой скоростью. Приводится сообщение «Франкфуртер цейтунг» от января 1935 г., в котором указывается, что ординарные транспортные самолеты «показали скорость полета в 320 километров в час и высшую в 380». Газета подчеркивает при этом: «От Шпрее (Берлин) до Майна (Франкфурт) 80 минут не на рекордной гонке, но во время ежедневного планомерного сообщения». Само собой разумеется, речь при этом идет исключительно о самолетах, которые должны быть превращены во время будущей войны в военные самолеты.

Сообщения Дороти Вудман о соперничестве между руководителем министерства авиации Герингом и военным министром Бломбергом, а также о победе Геринга уже опровергнуты действительностью. В Германии принят новый закон, по которому весь военный воздушный флот подчинен реорганизованному военному министерству, во главе которого стоит Бломберг.

Индустриальная база воздушных вооружений

Ввиду того, что Версальский договор запретил производство военных самолетов в Германии, германская промышленность вырабатывала эти детали своего производства за границей. Заводы Дорнье перебрались на швейцарскую территорию, заводы Юнкерса

перенесли часть своего производства туда же, но кроме того стали работать также в Швеции и Турции. Гейнкель организовал свои отделения в Дании, авиозаводы Рааба водворились в Эстляндии, заводы Фоккера— в Голландии и т. д. С приходом к власти Гитлера подобного рода меры предосторожности стали ненужными. В кратчайший срок на германской территории возникли военные заводы, причем это отнюдь не привело к снижению темпов работы на заграничных германских заводах.

О расположении авиационных предприятий мы читаем у Вудман следующее:

> «Центры германской авиопромышленности не только хорошо выбраны со стратегической точки зрения, но и обладают, помимо этого, сильной военной защитой благодаря концентрации аэродромов и созданию укрепленных оборонных пунктов в месторасположении самих предприятий. В самом благоприятном состоянии находится эта промышленность в Средней и Северной Германии, где и помещаются важнейшие предприятия».

В связи с воздушными вооружениями нужно указать и на горючие материалы. Германия обладает весьма немногочисленными и бедными нефтяными источниками. Посредством крупных государственных пособий форсируют их развитие. Однако их все же недостаточно, а потому здесь занялись добычей бензола путем коксования, занялись приспособлением сырой нефти для дизельных моторов и наконец укрупнено производства синтетического бензина из бурого и каменного угля. Производство горючих материалов в настоящий момент значительно выше потребления. Это является свидетельством о планомерном образовании запасов, что является одним из важных программных пунктов германской мобилизации хозяйства.

Германская авиопромышленность еще не отвечает желаниям правительства. Поэтому моторы и аппаратура в спешном порядке привозятся из-за границы, а также добываются лицензии, чтобы систематически приобретать лучшие модели. О поставках только одной фирмы «Юнайтед эркрефт энд транспорт» у Вудман приводятся следующие данные:

Годы	В Германию поставлено на сумму
1929 — 1932	59 тыс. долл.
1933	272 „ „
Январь—август 1934 г.	1445 „ „

Изобретения, которые могут быть использованы для военной авиации, так многочисленны, что только часть их становится известной. Проводятся опыты с автожирами, самолетами, которые помимо двигательного пропеллера имеют также в верхней части самолета построенный наподобие воздушной мельницы пропеллер

высоты, испытывают моторы, работающие на сырой нефти, изобретают защищенные от пуль бензиновые баки, вырабатывают проекты самолетов, приводимых в движение паром, и т. п. Дороти Вудман подробно сообщает об этих опытах, которые позволяют бросить взгляд на лихорадочные усилия германских инженеров и техников.

Силы германского воздушного флота

Близкая к Герингу эссенская «Националь цейтунг» требует, чтобы германский воздушный флот имел 8 720 самолетов, и при этом указывает, что это требование является минимальным.

Великой заслугой данной книги является то, что в ней подробно рассматривается вопрос о размерах германского воздушного флота. Вопрос этот расследован с исключительной осторожностью и с учетом всех возможных случайностей. Таким образом цифра, полученная в результате этих вычислений, по всей вероятности отстает от действительности. Итак, Дороти Вудман приходит к следующему выводу:

> «Так как для сооружения крупного самолета требуется максимум 3 тыс. рабочих дней, то ежемесячная продукция должна составить 416 тяжелых самолетов. Что же касается легких самолетов, то мы опять-таки исходим из максимального количества времени, необходимого для их сооружения, т. е. 2 тыс. рабочих дней. Это составляет ежемесячную продукцию в 416 легких самолетов... Списав с общей ежемесячной продукции пассажирские, спортивные и учебные самолеты и учитывая количество погибших самолетов в результате несчастных случаев, мы должны притти к заключению, что в Германии количество военных самолетов увеличивается ежемесячно на 416. Форсированное серийное производство военных самолетов началось в гитлеровской Германии в начале 1934 г. Если допустить, что до 1 июля 1934 г. Германия не имела ни одного военного самолета, то при ежемесячном росте воздушного флота на 416 единиц этот воздушный флот должен был за период от 1 июля 1934 г. до конца апреля 1935 г. достигнуть численности в 4 160 единиц. Даже если мы значительно снизим эту цифру и будем считать, что в период от 1 июля 1934 г. до 31 декабря 1934 г. ежемесячный рост военно-воздушного флота выражался вдвое меньшей цифрой, то и тогда общая численность германского воздушного флота к 1 мая 1935 г. составит 2 912. Эта цифра вдвое превышает ту, которую назвал в беседе с Саймоном Гитлер, проявляющий особую «правдивость» в вопросах о вооружениях. Мы считаем наиболее вероятным, что гитлеровский воздушный флот сейчас имеет примерно 4 тыс. самолетов. Но это не окончательная цифра, и не столь важно нынешнее состояние германского воздушного флота, сколько факт его непрерывного роста из месяца в месяц на базе производственной мощности германской авиостроительной промышленности».

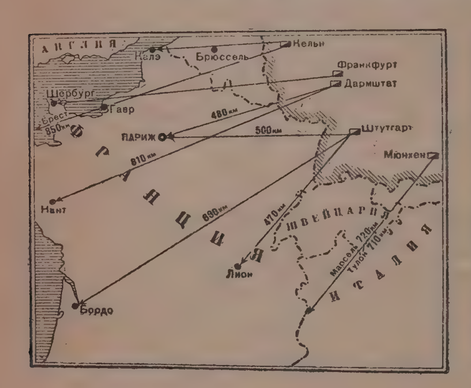
Второй, не менее крупной заслугой этой книги является подробное описание германских авиационных сооружений на суше. В книге имеется перечень аэродромов, который содержит следующие данные:

1. Аэродромы общества Люфтганза 127
2. Новые военные аэродромы или реконструированные старые 107
3. Спортплощадки 27

Итого 261

Здесь речь идет только о крупных, оборудованных современными методами аэродромах, из которых часть имеет подземные сооружения, защищенные от бомб, — аэродромах, располагающих вращающимися площадками и другими техническими новшествами.

Схема расположения важнейших аэродромов Германии

ми. Присмотримся например к описанию воздушного порта в Тутове. Тутов является маленькой безвестной деревней в Померании, и в ее окрестностях сооружен крупный аэродром. По поводу этого аэродрома в книге говорится:

> «Его ангары частично находятся под землей. Из них 12 уже готовы, причем каждый из них вмещает 7 аппаратов. 12 других ангаров вскоре будут закончены. Земельный участок, над оборудованием которого частично работали 1 500 лиц, отбывающих трудовую повинность (проживание в бараках и строжайший надзор), был отчужден в принудительном порядке. Вокруг аэродрома имеются бетонные укрепления с зенитными орудиями, кроме того наблюдательные башни и звукоуловители. Сооружена также специальная силовая электростанция».

Бросается в глаза, что многие аэродромы расположены вблизи границ. Их стратегическое назначение совершенно очевидно. О расположении этих аэродромов можно получить сведения по точной карте. На чертеже помечено, какие возможности имеет Германия в смысле нападения на своих соседей. Мы печатаем чертежи, показывающие эти возможности в отношении западно- и восточноевропейских стран.

На вопрос, готова ли уже Германия к воздушной войне, Дороти Вудман отвечает утвердительно. Германские вооружения проводятся в атмосфере широкой шовинистической пропаганды.

(«Известия» от 28 мая 1935 г.).

Е. Шведе

МОРСКИЕ СИЛЫ ГЕРМАНИИ[1]

...Империалистические планы Гитлера, имея ярко выраженное антисоветское острие, направлены также и против ряда других государств, что особенно заметно при выяснении характера германской подготовки к войне на море.

Версальский договор оставил в составе германского флота 6 устаревших линкоров, 6 устаревших легких крейсеров, 12 эсминцев и 12 миноносцев, которые по истечении предельных сроков службы (20 лет для линкора и крейсера и 15 лет для эсминца и миноносца) разрешалось заменить таким же числом вновь построенных кораблей, отвечающих специальным версальским нормам (10 тыс. *т* для линкора, 6 тыс. *т* для крейсера, 800 *т* для эсминца и 200 *т* для миноносца). Содержать подводные и воздушные силы Германии вовсе запрещалось...

После заключения Версальского договора Германия стремилась возможно полнее использовать предоставленные ей нормы для создания ядра современных кораблей, чтобы в подходящий момент развернуть более мощные морские силы и подготовить основные кадры личного состава для такого развертывания.

Современный состав германского флота приведен в следующей таблице (см. табл. на стр. 74).

Броненосные и линейные корабли. Вплоть до 1933 г. в составе германского флота находились лишь устаревшие линкоры типов «Брауншвейг» и «Шлезиен», которые с 1933 г. постепенно стали заменяться вступающими в строй новыми броненосными кораблями типа «Дейтшлянд». Германия имела право содержать в составе своего флота 6 действующих и 2 резервных линкора, но фактически ввиду их значительной устарелости и необходимости больших средств для введения в строй резервных в строю в последние годы находилось не свыше 4 старых линкоров...

...Боевое значение этих линкоров невелико, и наличие их в составе флота объясняется главным образом задачами подготовки кадров. По мере готовности новых броненосных кораблей старые линкоры постепенно выводятся из строя, причем их команды це-

---

[1] Статья т. Шведе сильно сокращена. В соответствии с общим характером сборника пришлось опустить все технические детали. — Ред.

ликом укомплектовывают вновь вступающие в строй корабли. В 1935 г. в строю оставалось лишь 2 линкора.

При постройке новых броненосных кораблей германским корабельным инженерам пришлось столкнуться с значительными трудностями умещения в сравнительно малые нормы

Численный состав германского флота [1]

Классы кораблей	В строю		В постройке		Итого		Удельный вес в %
	число	суммарное водоизмещение в *т*	число	суммарное водоизмещение в *т*	число	суммарное водоизмещение в *т*	
Броненосные корабли	2	26 000	3	39 000	5	65 000	36
Устаревшие линкоры	4	52 800	—	—	4	52 800	
Легкие крейсеры	5	39 000	1	8 000	6	47 000	16
Устаревшие легкие крейсеры	2	7 300	—	—	2	7 300	
Эсминцы	27	22 800	16 (?)	1 500	43	46 800	14
Тральщики	29	15 200	?	?	29	15 200	5
Мелкосидящие тральщики-заградители	29	2 500	4	180	33	2 680	1
Торпедные катеры	13	260 (?)	?	?	13	260 (?)	—
Противолодочные катеры	5	270	?	?	5	270	—
Подводные лодки	?	?	?	?	36 (?)	57 000 (?)	18
Корабли особого назначения	4	9 500	?	?	4	9 500	3
Вспомогательные корабли	20	22 000	?	?	20	22 000	7
Гидросамолеты	около 200 (?)	—	?	—	около 200 (?)	—	—
	—	—	—	—	—	около 326 000	100

водоизмещения (10 тыс. *т*) тактико-технических качеств мощного артиллерийского корабля, способного вести бой с современными ему линкорами значительно больших размерений. Подготовительные научно-исследовательские работы продолжались несколько лет. Имея право заменить свои устаревшие линкоры уже с 1923 г., Германия заложила первый из своих броненосных кораблей лишь в сентябре 1928 г...

Постройка первого броненосного корабля «Дейтшлянд» продолжалась чрезвычайно долго — 5 лет. Следующий однотипный ко-

[1] Водоизмещение указано при полной нагрузке; число подводных лодок — по польским, английским и французским данным; проектируемые линкоры, крейсеры и тральщики не учтены.

рабль «Адм. Шеер» был заложен в июне 1932 г., спущен на воду в апреле 1933 г. и вступил в строй в ноябре 1934 г., т. е. вся его постройка заняла 2 года 5 месяцев; весьма вероятно, что в дальнейшем скорость постройки кораблей этого типа будет доведена до 1½ лет.

...Впервые на столь крупном корабле применена в широких размерах электросварка (чем достигнута экономия в весе в 550 *т*) и установлен весьма легкий тип дизельмоторов; броня использована не только в качестве защиты, но и как конструктивное крепление и наружная обшивка, и наконец широкое применение нашли легкие сплавы и металлы. Сравнительно тонкая броня обладает высокой сопротивляемостью пробиванию, а наклонное расположение поясной брони увеличивает ее непробиваемость. В результате получились весьма сильные корабли, способные по дальности своей артиллерии вести бой на предельных дистанциях с новейшими и крупнейшими линкорами других держав и в то же время по скорости хода значительно их превосходящие.

Дальность плавания кораблей типа «Дейтшлянд» громадна. благодаря чему они с успехом могут действовать на океанских морских коммуникациях против крейсеров, обороняющих эти коммуникации, и обеспечить германские легкие крейсеры. С другой стороны, большая дальность плавания имеет крупное значение и на балтийском морском театре, что видно из опыта империалистической войны, во время которой германские линейные силы неоднократно принуждены были отходить из устья Финского залива и из Рижского залива вследствие недостатка топлива.

Таким образом при проектировании этих кораблей учитывались в качестве вероятных противников и капиталистические государства и СССР. Последнее обстоятельство подтверждается положениями знаменитого «меморандума Гренера» 1929 г., в котором говорится, что «после замены старых линкоров новыми броненосными кораблями германский флот будет в состоянии нейтрализовать даже превосходство мощных русских линкоров-дредноутов, имея в виду более высокую степень своей боевой подготовки». К этому же времени относится и теоретическое исследование боя двух броненосных кораблей типа «Дейтшлянд» совместно с четырьмя устаревшими линкорами против четырех линкоров-дредноутов старого типа, под которыми конечно подразумевались линкоры типа «Марат».

В настоящее время из кораблей этого типа «Дейтшлянд» и «Адм. Шеер» находятся в строю, «Адм. граф Шпее» спущен на воду и достраивается (начат постройкой в октябре 1932 г., спущен на воду 30/VI 1934 г.; вступление в строй вероятно летом 1935 г., хотя по официальным данным — в 1936 г.); весною 1934 г. были заложены два корабля несколько видоизмененного типа — «Эрзатц-Ганновер» и «Эрзатц-Эльзас», причем закладка первого из них была проведена секретно...

В течение 1935 г. в составе флота будут находиться уже 3 корабля типа «Дейтшлянд», к которым в 1936 г. очевидно присоединятся еще два.

Легкие крейсеры. После заключения Версальского договора Германия имела в составе флота 6 легких крейсеров и 2 в резерве. Все это были крейсеры, построенные в 1899—1904 гг...

Уже в 1921 г. был заложен первый из новых легких крейсеров «Эмден», постройка которого заняла 5 лет; затем в 1925—1926 гг. были заложены 3 крейсера типа «Кельн», в 1928 г. — крейсер «Лейпциг» и наконец секретным образом — «Нюренберг» осенью 1933 г. О постройке последнего крейсера иностранные государства узнали лишь в момент его спуска, осенью 1934 г... В течение 1935 г. вступает в строй «Нюренберг», после чего в составе флота будет 6 вполне современных легких крейсеров...

Кроме новых легких крейсеров в резерве числятся до сих пор «Берлин» и «Гамбург»...

Эскадренные миноносцы. В первые годы после заключения Версальского договора в составе флота числилось (вместе с резервными) 32 эсминца и миноносца постройки 1907—1913 гг. К постройке новых эсминцев было приступлено в 1924 г., и до 1926 г. было заложено 12 эсминцев типов «Альбатрос» и «Ильтис», отличающихся друг от друга лишь в деталях[1]... Эсминцы эти имеют значительный запас топлива[2] и дальность плавания, что позволяет им в условиях балтийского морского театра длительно находиться в удалении от своих баз.

По английским данным, в настоящее время в постройке находятся 16 эсминцев значительно более мощных, со стандартным водоизмещением до 1 400 *т*.

Из эсминцев старых типов в строю находятся 15.

Подводные лодки. Версальский договор вовсе лишил Германию подводных сил, однако фашистское правительство стало на путь воссоздания своего подводного флота. Уже в течение последних двух лет иностранная печать сообщает конкретные данные о постройке Германией лодок на иностранных верфях по частям и о доставке этих частей в германские базы. Особенно много заказов на отдельные части лодок выполнялось голландской фирмой «Инкавос» в Амстердаме, являющейся в сущности филиалом германской фирмы подводного судостроения, и фирмой «Нединско». Последняя фирма изготовляла перископы и приборы управления артиллерийским огнем. Кроме того несколько германских фирм в Гамбурге и Киле строили корпуса подлодок, а механизмы для них изготовлялись в Аугсбурге известною фирмою «Ман» и заводами Юнкерса, Дейча и др.

Вся программа подводного кораблестроения рассчитана на 3 года, и часть лодок уже строится. Сведения о постройке 12 ло-

---

[1] Стандартное водоизмещение — 800 *т*; скорость хода — 34 узла. — Прим. ред.

[2] Запас топлива такой же, как на крупных английских эсминцах типов А, В и С.

док по 250 *т* германское правительство сообщило английскому морскому атташе в Берлине в конце апреля 1935 г., и это известие возбудило большую тревогу в Великобритании. Английская печать по этому поводу пишет, что хотя лодки в 250 *т* в основном предназначаются для обучения команд для службы на будущих океанских подводных крейсерах, но они также могут быть использованы в широких размерах против английского судоходства: «подводные лодки в 250 *т* не будут ограничиваться плаванием в береговых водах, ибо во время мировой войны германские подводные лодки в 260 *т* имели дальность плавания в 5 700 миль; массовое производство подводных лодок в Германии возможно».

Опыт империалистической войны 1914—1918 гг. показывает, что германские верфи в весьма короткие сроки развернули чрезвычайно интенсивное кораблестроение: за все время войны вступило в строй 345 лодок и 224 лодки находились в постройке к моменту заключения перемирия. Поэтому необходимо учитывать возможность весьма быстрого развертывания строительства подводных лодок фашистской Германией, тем более что германские корабельные инженеры имели постоянную практику на иностранных (голландских, шведских, испанских, японских) верфях.

...В состав программы подводного кораблестроения Германии входят лодки всех существующих классов, и кроме лодок прибрежного действия, предназначенных для операций на сравнительно стесненных морских театрах, она намерена строить большое число лодок большой автономности для длительного пребывания в океане на морских коммуникациях.

Особый интерес представляют элементы подводного авианосца, впервые разработанного германскими конструкторами (ранее имелись в составе флотов Англии, США и Японии единичные опытные типы лодок, в настоящее время в строю находится французский подводный крейсер «Сюркуф», снабженный 1 гидросамолетом).

Эти подводные авианосцы несомненно явятся грозным оружием против торгового судоходства крупных капиталистических государств. Итак программа подводного судостроения направлена в первую очередь против государств, для которых главную опасность в морской войне представляет угроза морским коммуникациям.

«Английские друзья» германского фашизма должны весьма серьезно учесть это обстоятельство...

Торговый флот. В качестве резерва военного флота Германия обладает значительным числом быстроходных торговых судов. По своему тоннажу германский торговый флот стоит на 5-м месте в мире и в 1934 г. насчитывал 2 032 паротеплохода с общей вместимостью в 3 680 353 брутто рег. *т*; среди перечисленных судов для военных целей особенно применимы быстроходные (со скоростью свыше 12 узлов)...

Новая программа увеличения морских вооружений. В 1931 г. была принята следующая кораблестроительная программа:

Кораблестроительная программа 1931 г.

	Год закладки	Год вступления в строй
1 броненосный корабль „Эрзац-Лотарингeн“ . .	1931	1934
1 „ „ „Эрзатц-Брауншвейг“ .	1932	1936
1 „ „ „Эрзатц-Эльзас“	1934	1937
4 эсминца	1934	1936
5 миноносцев	1936	1938
5 торпедных катеров	1931	1932
1 артиллерийский учебный корабль	1935	1937
7 мелкосидящих тральщиков-заградителей . .	1931	1932

Фактически эта программа была расширена Гитлером, и в 1934 г. состоялась дополнительная закладка 2-го броненосного корабля и 2-го легкого крейсера, в связи с чем и морской бюджет 1934—1935 гг. был значительно увеличен.

Морские бюджеты Германии

Годы	Млн. марок	Процент от общегосударственного бюджета
1931/1932	183,5	1,7
1932/1933	183,5	2,2
1933/1934	183,0	3,1
1934/1935	233,0	—

В 1935 г. Германия выступила с предварительной наметкой требований по увеличению своего флота сверх норм, предусмотренных Версальским договором. Конкретные данные о запросах Гитлера огласил в палате общин в начале апреля 1935 г. английский министр иностранных дел Саймон, указавший, что Германия претендует на флот, составляющий по тоннажу 35% британского флота. По мнению английской печати, «германский флот, который, находясь в Северном и Балтийском морях, составит одну треть британского флота, разбросанного по всем морям, будет фактически равен, а возможно и превзойдет английский флот в отечественных водах, если иметь в виду, что все германские корабли являются новыми».

Свои программы Германия обосновывает необходимостью «защиты от угрозы», которую якобы представляют морские силы Советского союза на Балтийском море.

По последним данным иностранной печати, Германия фактически уже выполняет программу 1935—1936 гг., состоящую из кораблей, указанных в приводимой ниже таблице (см. стр. 79).

Эта программа значительно превышает программу Англии на 1935—1936 гг. в отношении подводных лодок и линкоров. Одновременно проводится весьма энергично и торговое судостроение, несмотря на экономический кризис и застой в морском транспорте: на 1 апреля на германских верфях находилось в постройке 93 парохода общей вместимостью в

Кораблестроительная программа 1935—1936 гг.

Классы кораблей	Число	Водоизмещение в m
Линкоры[1]	2	20 000
Крейсеры[2]	2	9 000—10 000
Легкие крейсеры	1	6 000
Эсминцы	16[3]	1 400
Подлодки		
а) авианосец	1	3 200
б) крейсерские	7	3 200
в) дальнего действия	16	1 650
г) прибрежного действия	12 (?)[4]	500 250
Тральщики-заградители	10	800

319 254 брутто рег. $т$ и несколько десятков рыболовных судов, очевидно предназначенных для военного использования.

Личный состав. Численность личного состава германского флота установлена Версальским договором в 15 тыс. чел., в том числе 1 500 офицеров. Большие сроки службы (для офицеров 25 лет, для прочих 12 лет) позволили отобрать надежный национал-фашистский личный состав, обладающий высокими техническими и морскими качествами, при наличии весьма значительного процента кондукторов и унтер-офицеров.

По заявлению фашистского правительства, Германия одновременно с объявлением о введении всеобщей воинской повинности отказалась от версальских норм личного состава и для флота...

Военное кораблестроение. Германия обладает значительным числом верфей, пригодных для военного кораблестроения...

●

Развертывание морских сил фашистской Германии и их боевая подготовка направлены своим фронтом к балтийскому морскому театру. Обосновывая свое стремление к освобождению от версальских норм, Гитлер открыто ссылался на «угрозу» со стороны морских сил Советского союза на Балтийском море, а «национал-социалистское содружество для борьбы за свободу вооружений Германии» выступило с прокламацией, в которой указывалось, что германский флот должен быть по меньшей мере равным соединенным флотам — советскому, прибалтийских государств и части французского. Германские фашисты пытаются убедить Англию, что морские вооружения Германии направлены против СССР, и в этом отношении их уверения спра-

---

[1] Вооружение — 9—280 *мм*, скорость хода — 32 узла, срок готовности — 1938 г.

[2] Срок готовности 1937 г., закладка в июне 1935 г.

[3] В это число повидимому включены 4 эсминца программы 1931 г.

[4] 6 лодок спущены на воду к маю 1935 г. Срок постройки лодки в 250 m — 5 месяцев.

ведливы. Однако «само собой понятно, что империалистские планы Гитлера имеют не только антисоветское острие» [1]. Действительно широкое строительство укреплений на Северном море, в частности грандиозные береговые батареи и подземные аэродромы на острове Сильт, создание на этом же острове военно-морской базы, постройка надводных и подводных кораблей с рекордными дальностями плавания — все это «является зловещим» и по отношению к Великобритании, как недавно заявил в парламенте английский премьер Макдональд.

Программа морских вооружений фашистской Германии показывает, что она вполне соответствует программе ее внешней политики, состоящей «в политике не только реванша, но и безграничного завоевания чужих территорий и уничтожения независимости целых государств» [2].

(«Морской сборник» № 6 за 1935 г.).

А. Виленчук

ИЗ ВАРИАНТОВ ВОЕННЫХ ПЛАНОВ ФАШИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ

Король буржуазного репортажа Никербокер, который относится не без симпатии к национал-социалистской Германии, год назад опубликовал содержание беседы, которую имел с военным губернатором Страсбурга, членом верховного военного совета, ген. Вальш [3]. Американский журналист пытался выяснить, у французского генерала, насколько система подземных укреплений Франции на ее восточных границах является непреодолимым препятствием для германского наступления на западном фронте.

> «Наши укрепления, — заявил генерал, — достаточны, чтобы заставить противника призадуматься, прежде чем маршировать... Наши укрепления прекрасны. Они как будто достаточны, чтобы отбить всякое наступление с суши. Но в какой мере они окажутся пригодными против воздушного наступления? На мой взгляд, у Германии наличность бомбовозов уже достаточно велика, чтобы с ней приходилось считаться как с весьма заметным фактором.
>
> — А ваши фланги? — спросил Никербокер. — Нельзя ли обойти ваши укрепления? Нейтральные военные эксперты

---

[1] М. Тухачевский, Военные планы Германии, М., Сборник № 6 1935 г.).

[2] Речь т. Литвинова на чрезвычайной сессии совета Лиги наций 17 апреля 1935 г.

[3] H. R. Knickerbocker, The boiling point.

сказали мне, что наступление немцев через Швейцарию исключается.

Ответ гласил «Почему? Нет, оно вполне мыслимо».

За год, истекший со времени этой беседы, военно-воздушный флот фашистской Германии сильно вырос. Вместе с тем «Третья империя» прилагает определенные усилия для всесторонней подготовки обхода восточных укреплений Франции сухопутной армией как на севере, так и на юге.

В сборнике Дороти Вудман приводятся следующие три варианта планов наступления на западном фронте:

1. Правое крыло германской армии наступает через Голландию — Бельгию; левое — через Швейцарию; в то же время центр ведет защиту против возможного наступления со стороны Франции.

2. Концентрация сил на правом фланге и наступление через Бельгию — Голландию.

3. Концентрация сил на левом фланге и наступление через Швейцарию.

Каждый из трех вариантов рассчитан на определенную международную группировку сил. О наличии первого плана говорит следующая выдержка из книги Банзе («Народ и территория»):

> «Война против Франции будет протекать в благоприятных условиях лишь в том случае, если мы получим возможность или разрешение маршировать на севере через Бельгию и Голландию и на юге через Швейцарию. Такая операция даст возможность обойти повидимому непреодолимые укрепления Франции между бельгийским Маасом и крепостью Бельфор».

Этот вариант предполагает, что ко времени наступления «Третьей империи» на западном фронте Англия и Италия по меньшей мере будут соблюдать дружественный нейтралитет. Предпосылка эта для обозримого времени кажется настолько мало вероятной, что на первом варианте мы останавливаться не будем.

Бельгийско-голландский вариант

Еще Энгельс указывал («По и Рейн») на ту исключительную роль, которую Бельгия играла в течение столетий в военных столкновениях между немецкой и французской армиями.

В начале 1914 г. в Германии появилась книжка Фробениуса «Роковой час Германской империи». Пангерманистский автор в своей брошюре открыто требовал оккупации в кратчайший срок бельгийской территории. Когда стало известным, что германский кронпринц послал автору свои горячие поздравления по поводу опубликования брошюры, то в мировой печати того времени это рассматривалось как сигнал к близкой войне.

Сейчас фашистские реваншисты оккупацией одной Бельгии не намерены ограничиваться. Объясняя провал в 1914 г. плана молниеносной победы кайзеровской армии на западном фронте, фашистские теоретики немало упреков бросают по адресу Мольтке

„Желательная западная граница" Германии по Банзе

(младшего) за излишнюю мягкотелость, проявленную им в отношении Голландии. Голландию, на их взгляд, необходимо было оккупировать немедленно. «Почему же это не было сделано во время мировой войны?» — спрашивает Банзе и тут же отвечает:

— «Нам кажется, что мы допустили психологическую ошибку. Мы думали, что оккупацией Бельгии мы поставили себя в тяжелое положение и опасались нарушения голландского нейтралитета. На деле возмущение во всем мире в случае оккупации Голландии было бы не больше; зато мы добились бы значительных преимуществ: меньших потерь при взятии Льежа, ускорения продвижения правого фланга, немедленной оккупации голландской территории в районе Утрехт — Амстердам — Роттердам, более раннего падения Антверпена, более энергичного наступления в Бельгии, взятия в плен бельгийской армии и так далее.

Надо открыто сказать, что голландская проблема до мировой войны и во время ее не была достаточно остро продумана с точки зрения военной науки».

То, чего не додумала, по мнению Банзе, кайзеровская Германия, додумал генеральный штаб «Третьей империи». Основная мысль второго из перечисленных выше вариантов представляется грубо в следующем виде: вторжение в Голландию должно носить внезапный характер и проведено с помощью быстроподвижных сил при активнейшем участии воздушного флота. Вторжение имеет целью быстрое форсирование линии северо-восточных укреплений Бельгии и переход в течение нескольких дней северной французской границы, которая со стороны, обращенной к Бельгии, менее защищена. Весь этот план вместе с тем рассчитан на то, чтобы молниеносной оккупацией Голландии и угрозой нападения воздушного флота держать под ударом Англию и заставить ее соблюдать нейтралитет.

Мы не будем здесь касаться вопроса, насколько этот вариант обладает шансами на успех. Но то, что он занимает серьезное место в военных планах «Третьей империи», показывает исключи-

тельное внимание, уделяемое Голландии в заграничной национал-социалистской пропаганде.

В составе заграничной организации германских наци имеется голландский сектор.

Опорную базу деятельности гитлеровской агентуры в Голландии составляют голландские национал-социалистские организации. Ряд изданий голландских фашистов печатается в Германии. Лозунги голландских наци совпадают с лозунгами германских. Голландские наци обладают связями с военной группировкой генерала Вестермана. Характерно, что основную свою деятельность они сосредоточили в Лимбургской и Гронингенской провинциях, которые представляют наибольший экономический и военный интерес с точки зрения германских военных операций. Лимбург, находящийся между Бельгией и Германией, является ключевой позицией ко всей Голландии, ибо здесь сосредоточены угольные богатства этой страны. Гронинген же является железнодорожным узлом густой сети каналов.

Тесная связь между голландскими и германскими фашистами не подлежит никакому сомнению, несмотря на опровержения, которые делались обеими сторонами. Голландские наци распространяли например напечатанную в Бельгии брошюру, в которой они призывали «не верить тому, что евреев в Германии преследуют». При этом указывалось, что если в Голландии и в дальнейшем будут распространяться «неправильные» сведения о Германии, то на это они ответят усилением антисемитизма в Голландии. Было также обнаружено, что голландские наци оказывали содействие пущенной Геббельсом в кругосветное плавание пропагандистской яхте, снабженной национал-социалистской литературой и мощным радиоаппаратом.

В Германии также находится руководящий центр бельгийской организации так называемых «фламандских солидаристов». Возглавляет последних некий темный субъект Вард Германс, автор фальшивок, составленных в Германии и направленных против Голландии и Бельгии. Германсу удалось подчинить фашистскому влиянию старую организацию фламандских националистов, добивавшуюся самостоятельности Фландрии.

Бельгийские агенты гитлеровцев носят знак свастики, поют фашистский гимн «Хорст Вессель» [1], требуют разгрома коммунистической и социал-демократической партий, ведут антисемитскую пропаганду и обладают военными организациями типа германских штурмовиков.

В «Паризер тагеблатт» 28 декабря 1933 г. была опубликована корреспонденция, характеризующая организацию бельгийских наци.

> «Благодаря моим друзьям, — писал корреспондент газеты, — мне удалось пробраться в так называемый зеленый дом брюссельского центра бельгийской национал-социалистской партии («Динасо»). Дом этот находится в центре города на Рю дю Пон-Неф. При входе в дом вы наталкиваетесь на

[1] Сутенер-штурмовик, объявленный святым в «Третьей империи».

контрольный пост, снабженный армейскими пистолетами, с карабинами через плечо, хотя ношение того и другого оружия запрещено. Вид помещения точно такой же, как в большой казарме германских штурмовиков... В комнате «вождя», в которую мне удалось заглянуть, висят портреты германского министра пропаганды Геббельса и Адольфа Гитлера. Между обоими портретами висит фото бельгийского «вождя» ван-Северн в фашистской форме. Руководство брюссельской организацией находится у Даниэля ван Дамм. Господин этот занимает официальный пост в Брюсселе... Наци ведут здесь свою агитацию втихомолку. На их собрания, которые носят клубный характер, допускаются только лица, обладающие партийным билетом. Получить такой билет чрезвычайно легко. Мне удалось установить, что национал-социалистский клуб в Бельгии охватывает около 60 тыс. чел. В агитации бельгийских наци особую роль играет фламандский вопрос. Борьба между фламандцами и валлонами никогда еще не достигала такой остроты, как сейчас».

Надо ли доказывать, что из этих банд, основная деятельность которых протекает полулегально и нелегально, в случае осуществления «бельгийско-голландского варианта» будут вербоваться верные помощники армии вторжения «Третьей империи».

Швейцария—Лион—Париж

Когда в мировой печати появились сообщения о швейцарском варианте вторжения во Францию, германские официальные круги опровергли их «самым категорическим образом». Но, как заметил английский журналист Р. Делл, опровержения из этого источника можно всегда безошибочно считать ложными, если не доказано обратное. «Обратное» же в данном случае доказать трудно.

В книге проф. Банзе «Народ и территория в мировой войне» мы читаем на странице 361:

«Военно-географическое значение Швейцарии основывается на юрской горной системе и женевской котловине.

Юра представляет собой горную цепь с продольными долинами и небольшими поперечными перевалами; лишь в районе Базеля мы имеем дело с плоскогорьем Столовой Юры. Последнюю в отличие от первой нетрудно преодолеть. Но если даже оккупировать лишь северную часть до Парантрюи, то окажется безнадежным положение французской крепости Бельфор, занимающей ключевую позицию между Вазгенвальдовским склоном и нейтральной швейцарской границей. Мы тогда добьемся того, чего мы никак не могли добиться в мировой войне. Мы прорвем французский восточный фронт в весьма важном пункте.

Удачное форсирование Юры и построенных французами преград откроет конечно перед нами низину Дуб-Сона; от-

туда через Лянгр рукой подать к парижской низменности; помимо этого открывается также дорога к Юго-восточной Франции в направлении к Лиону».

Банзе придает не меньшее значение продвижению германской армии по направлению к женевской котловине. К ней от Боденского озера, находящегося на границе Германии, ведет путь по швейцарскому плоскогорью, расположенному между Альпами и Юрой. Женевская котловина открывает Юго-восточную Францию; отсюда представляется возможность двинуться через Южную Юру, по долине Нижней Соны, вдоль Роны к Лиону, который занимает ключевую позицию в связях между Юго-восточной Францией и всей страной. Лион — всего в 50 *км* от важнейшего центра тяжелой и военной промышленности Франции в Сент-Этьене. Помимо этого из женевской долины представляется возможным двинуться прямо на юго-восток через Западные Альпы в тыл главных перевалов, овладение которыми, по мнению Банзе, в случае совместных действий германской и итальянской армий было бы чрезвычайно важным для последней.

Изложенный план, особенно в части, касающейся прорыва через женевскую котловину, возник в тот период, когда в Италии ревизионистские тенденции демонстративно подчеркивались и когда уверенность гитлеровских дипломатов в параллелизме внешнеполитических интересов двух фашистских держав — по крайней мере в отношении Франции — не омрачалась еще никакими сомнениями.

В своих официальных «опровержениях» фашистская Германия пыталась представить швейцарский рейд армии «Третьей империи» как сплошную фантастику. При этом нарочито преувеличивались трудности горной войны в современных условиях.

Мы уже приводили мнение такого видного французского специалиста, как генерал Вальш, который считает вполне мыслимым прорыв со стороны германской армии через Швейцарию. Небезынтересно и мнение швейцарских специалистов. Полковник швейцарской службы Отто Бруннер, склонный скорее к преувеличению, чем преуменьшению возможной силы сопротивления, писал в «Нейе цюрхер цейтунг»:

> «Германский военный министр счел нужным особенно подчеркнуть, что ввиду отличных боевых качеств швейцарской армии, топографических трудностей и особенностей нашей страны прохождение германской армии через Швейцарию является чрезвычайно рискованным, безнадежным предприятием... Конечно придется с ним согласиться. Но весь вопрос получит совершенно иной аспект, если вторжение германской армии в Швейцарию будет сопровождаться одновременным вторжением итальянской армии. А это вполне возможно в случае совместной войны Германии и Италии против Франции. При этом условии такая стратегическая акция отнюдь не является абсурдной» [1].

---

[1] Сборник Дороти Вудман, стр. 86.

В руководящих кругах наци идея «дружбы» с Италией, играющей наряду с Англией такую важную роль во внешнеполитической концепции Гитлера, еще не похоронена окончательно. Разрыв наци с Италией, наступивший после прошлогоднего путча гитлеровского филиала в Вене, кое-кто в Берлине еще склонен рассматривать как явление преходящего порядка. Эти национал-социалистские круги почему-то полагают, что итало-германские противоречия в борьбе за австрийский плацдарм при известной международной конфигурации не являются непреодолимыми. В самой Австрии наци сейчас ведут сложную игру. И дубьем и рублем они добиваются временной сделки между отечественным фашизмом «истинно-австрийского» толка и импортным гитлеровским фашизмом.

Но при наметившемся сдвиге во франко-итальянских отношениях шансы итало-германского сотрудничества для ближайшего времени ничтожны.

Не подлежит сомнению, что нейтралитет Италии, а тем более совместные операции французской и итальянской армий ухудшили бы для армии «Третьей империи» шансы реализации швейцарского рейда. Нейтралитет Италии осложняет охват восточного фланга французской армии, а военное выступление Италии против Германии — через Австрию — ставит под удар Баварию, где господство наци не ослабило, а скорее усилило сепаратистские тенденции.

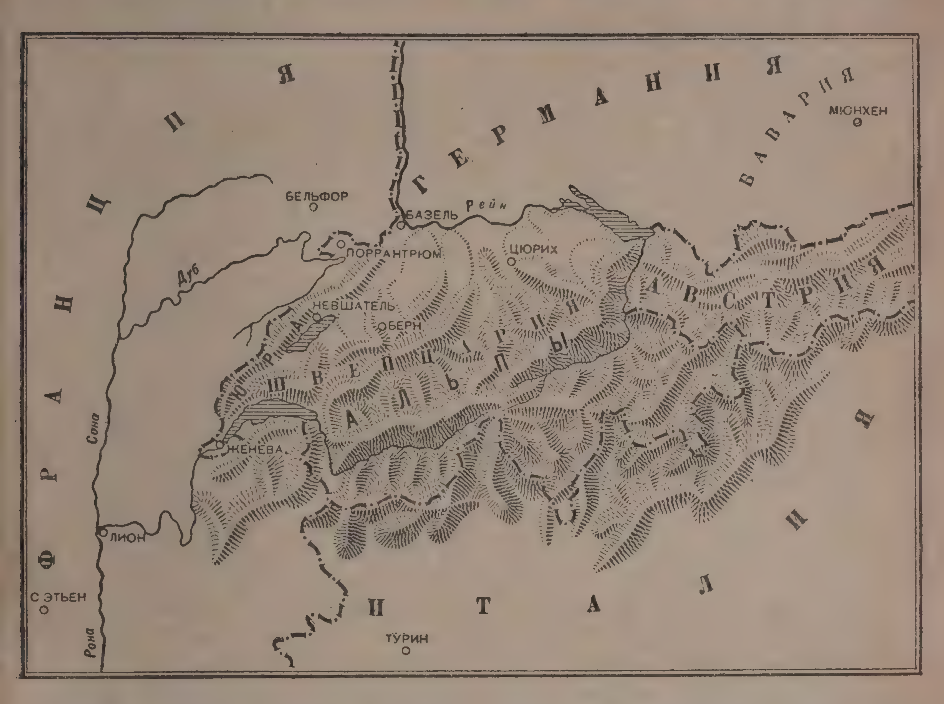
Тем не менее швейцарский вариант отнюдь не снимается с порядка дня. Отступлению левого фланга и превращению германской территории в театр военных действий национал-социалистская верхушка предпочтет самые рискованные операции на чужой территории. Швейцарский вариант продолжает разрабатываться в генеральном штабе «Третьей империи». Одновременно с этим ведется и психологическая подготовка к этой операции как внутри Германии, так и на швейцарской территории.

В книге Эрнста Генри («Гитлер над Европой») дается схематическое описание швейцарского варианта и без участия Италии [1]. В качестве цели операции намечается Лион. Воздушная армада Германии с молниеносной быстротой внезапно перерезает Швейцарию, сокрушает плодородные юго-восточные районы Франции, уничтожает при помощи газовых, осколочных и зажигательных бомб Ронскую долину и Дофинэ, разрушает заводы Шнейдера — Крезо и распространяет панику по всей стране. В то же время германская сухопутная армия форсирует отрезок Рейна на швейцарско-германской границе. Моторизованные части штурмуют при сильной поддержке воздушного флота долину Аары и продвигаются вдоль Юрских цепей между Невшателем и Женевой; оттуда они поворачивают к Южной Франции. Атака проводится с таким бешенством, что она не только парализует небольшую швейцарскую армию, но связывает военные силы Италии.

---

[1] «Hitler over Europe», стр. 243

О том, что германские военные круги работают над швейцарским вариантом, говорит особое внимание, которое уделяется проблеме «альпийской территории» (Alpenraum) в национал-социалистской печати. Так например в ежемесячнике «Ди Тат» (март 1935 г.), главный редактор которого (Вирзинг) близок к рейхсве-

ровским кругам, некий Зеверус пишет в передовой статье под названием «Гроза над Альпами»:

> «Решения завтрашнего дня никогда не происходят с той стороны, с которой они происходили вчера... Исход мировой войны был решен на Западе. Поэтому у нас приходят к выводу, что и в будущем решение состоится там. Надо конечно избежать ошибок прошлого. Но ошибки завтрашнего дня — не ошибки вчерашнего... Сейчас существует проблема *германской безопасности на юге... Юг нынешней Германии, Австрии и Швейцарии, т. е. области, колонизованные баварским и аллеманским племенем, попадают в центр европейской политики*».

Проблема здесь как будто трактуется под углом зрения опасности, которой подвергается южная граница Германии со стороны Франции и Италии. Делаются длиннейшие исторические выкладки о военно-стратегической роли Швейцарии чуть ли не от Адама. Но смысл этих писаний все же ясен. Когда Германия накануне войны 1914—1918 гг. готовилась к оккупации Бельгии, пангер-

манистские литераторы не менее обстоятельно распространялись о неминуемом захвате Бельгии Францией и Англией.

В органе германского трестовского капитала «Дейтше альгемейне цейтунг» (13 апреля 1935 г.) была помещена статья заведующего военным отделом этой газеты Отто Мосдорфа. Статья носит название «Франция укрепляет швейцарскую границу».

Карта к статье Мосдорфа в «ДАЦ»

Автор сообщает о том, что у Габсгейма в Верхнем Эльзасе, вблизи Мюльгаузена, неподалеку от франко-швейцарской границы, за последнее время якобы начали возводиться новые укрепления. Мосдорф передает соображения швейцарских военных кругов об этих укреплениях.

«В Швейцарии, — пишет Мосдорф, — исходят примерно из следующих соображений. Предполагают, что после вторжения германской армии через Базель и к востоку от него германская армия повернет на запад по направлению к французской границе. Германская армия будет стремиться перерезать пути, ведущие от Бельфора к Рейну. Для того чтобы воспрепятствовать этому плану, следовало бы провести заграждения на путях, прилегающих в долине Верхнего Илля. Французские укрепления идут навстречу этим пожеланиям швейцарцев... Если Швейцария не оказала бы сопротивления, германская армия конечно могла бы добраться до швейцарско-французской границы. Но удар в спину французскому фронту на Рейне был бы отбит и во всяком случае не мог бы носить молниеносного характера, если французы возведут новые укрепления».

Мосдорф высказывает свое крайнее удивление по поводу того, что в Швейцарии разделяют опасения французских военных кругов в части германского вторжения. Он склонен объяснить это лишь тем, что в Швейцарии не понимают де мирного характера германской прокламации 16 марта 1935 г. о введении всеобщей воинской повинности...

«Нейе цюрхер цейтунг», орган швейцарской крупной буржуазии (12 апреля 1935 г.), занимается вопросом о национал-социалистской пропаганде в обстоятельной статье, носящей название «Опасная пропаганда». Автор статьи Артур Фрей обращает внимание на усиление пангерманистской пропаганды после саарского голосования и в дальнейшем пишет:

«Создается впечатление, что особое внимание уделяется не только Австрии и Эйпен-Мальмеди, но и Швейцарии. Пропаганда в пользу присоединения Швейцарии начинается с обычного трюка: доводится до сведе-

ния озабоченного немецкого народа, что Швейцарии угрожает де опасность лишиться самостоятельности со стороны Франции и Италии».

Отмечая, что в известных кругах Швейцарии пропаганда наци пользуется известным успехом, Фрей подчеркивает, что реальна угроза для Швейцарии лишь со стороны Германии, и потому не следует придавать значения национал-социалистским фразам о том, что Германия де стоит настраже швейцарского нейтралитета:

> «Тому, кто наблюдал методы национал-социалистской пропаганды в Австрии, — пишет Фрей, — бросается в глаза сходство... Наци в данный момент ограничиваются соображениями о том, что Швейцария де попала в «романские лапы» и что в силу этого возникла «проблема германской безопасности на юге». Но скоро Берлин почувствует себя обязанным «оказать помощь» своим швейцарским «братьям по крови». По мнению Альфреда Розенберга, целью внешней политики «Третьей империи» является создание «Европы северной расы и германской средней Европы». Германия «в качестве государства, базирующегося на национальном и расовом принципе», должна пролегать от Страсбурга через Мемель и от Эйпена через Прагу и Лайбах. Не трудно догадаться, какое место уготовано Швейцарии в розенберговском плане».

Несмотря на всю сложность рассмотренных нами вариантов вторжения, в случае молниеносного выполнения операции, они все же открывают перед фашистской Германией определенные виды на быстрый и решительный успех на западном фронте. Не говоря уже об огромной всесокрушающей мощи нашей Красной армии, даже чисто географический фактор — самые размеры нашей территории — совершенно исключает для армии «Третьей империи» возможность расчетов на такие же успехи при вторжении на Восток.

Это обстоятельство следовало бы учесть тем буржуазным кругам, которые были бы непрочь дать свободу действий национал-социалистским поджигателям войны.

(«За индустриализацию» от 6, 14 и 18 апреля 1935 г.).

К. Радек

ГОЛОВА В ПАСТИ ЛЬВА

Оповещение мира о создании германской армии на основе всеобщей воинской повинности является крупным историческим фактом. Но значение этого факта не представляется столь односторонним, как это твердит общественное мнение мировой буржуазии.

Да, это решение означает подготовку нового этапа империалистической борьбы за передел мира. Это — револьвер, направленный в грудь старого империалистического мира, как и нового социалистического мира. Это решение означает перспективу величайших бедствий для всего мира. Но оно одновременно означает прыжок капиталистического мира в целом в неизвестное.

Империализм не может обойтись без массовых армий. Признав это, он отдает решение об исходе войны в руки народных масс, в первую очередь в руки пролетариата. Империализм вкладывает голову в пасть льва.

Взвесить, продумать эти перспективы не менее необходимо, чем показать миру военную угрозу со стороны германского империализма.

Временные попытки уменьшения вооружений путем создания «малых» моторизированных армий были вызваны страхом перед перспективой взрыва милитаризма и с ним вместе постоянных армий изнутри, перспективой, о которой писал Энгельс в «Анти-Дюринге».

●

Теории «малых» армий не выдуманы генерал-майором Фуллером, английским капитаном Лидль Гардом, ген. Сектом и другими военными теоретиками. Они возникли в результате исхода мировой войны 1914—1918 гг. и созданных ею условий.

В мировой войне сражались грандиозные массы; ни одна война в истории человечества не знала подобных сплошных фронтов. На войну были мобилизованы такие грандиозные технические средства, каких никогда не видел мир.

Но война застряла в окопах. Все современное военное искусство остановилось перед неподвижностью тех участков военного фронта, где соприкасались капиталистические страны, стоящие на сравнительно равных высотах технического и культурного развития. Все мечты о прорывах фронтов оказались такими же несбыточными, как и мечты о фланговых охватах.

Военная мысль уцепилась за авиацию, развившуюся в бомбардировочную к концу войны, за химическую войну и за танки. Казалось, что найдены те средства, которые, развитые и приведенные в систему, дают шансы на преодоление всякой массовой армии и поэтому делают последнюю ненужной.

Вследствие сложившейся после мировой войны социальной обстановки все государства переживали тягчайший финансовый кризис. Генералы великолепно понимали, что лозунг о «последней войне» являлся легендой, и не верили в способность Лиги наций разрешить империалистические противоречия мирным путем. Они очутились перед фактом, что бомбардировщик стоит столько же, сколько снаряжение винтовками и пулеметами целого полка, что танковый отряд из 12 танков стоит столько же, сколько нормальное вооружение пехотной дивизии (Сикорский). Они пришли к

убеждению, что невозможно вооружить массовые армии современными средствами боя, и поэтому выдвинули идею «малых» армий, стоящих на высоте современной техники.

Решающую роль в популяризации этой идеи сыграл страх перед пролетарской революцией.

Работы генерал-майора Фуллера, в которых он развивает свои идеи, наполнены звериным страхом перед «толпой», т. е. пролетарским восстанием. Его книга «Зубы дракона» была посвящена обоснованию того тезиса, что если дела будут и в дальнейшем развиваться так, как до этого времени, то «следующая мировая война кончится всеобщей большевизацией Европы».

Из всего этого военные теоретики империализма делали вывод о необходимости «малых» моторизированных армий, обслуживаемых только «благородными» господами, сиречь сынками буржуазии и помещиков. «Мы видели, что современная война требует ставки на лучших людей страны и передает ведение войны в руки благородных элементов нации, ее передовой гвардии. Мы выбираем это слово нарочно, как символ тех элементов, на которые можно положиться», — пишет Георг Зольдан.

Эти идеи имели недавно хождение даже в кругах II Интернационала. Достаточно сослаться на книгу Павла Керри «Газ, танки и авиация», в которой сей венгерский социал-демократ, пережевывающий фуллеристско-сектовские аргументы, приходит к выводу, что рабочая масса потеряла значение для ведения войны и поэтому не сможет сыграть в ней никакой революционной роли.

Что же привело эти теории к крушению? Они не соответствовали не только общим историческим тенденциям, но и действительности современного боя.

Простой анализ обстановки современного боя свидетельствует о нереальности планов всех желавших изъять решение исхода войны из рук массовых армий, т. е. из рук пролетариата. Эта идея представляется смехотворной, если учесть общие условия создания современной военной техники и ее обслуживания. Для ее создания нужна громадная современная промышленность с миллионами рабочих. Для ее обслуживания также нужны миллионы людей.

В новой мировой войне каждая великая держава выдвинет не тысячи, а десятки тысяч самолетов и пулеметов. Некоторые военные писатели считаются с ежемесячной убылью до 80% всего состава воздушных сил. Это означает, что нужны будут сотни тысяч обученных пилотов, бортмехаников, механиков; их можно будет найти, только мобилизуя квалифицированных пролетариев. Применение современной техники не уменьшит людского состава армий, а вооружит их более сильными средствами боя.

Теперь, когда самая крупная держава Западной Европы, опирающаяся на самую крупную в Западной Европе промышленность, решилась создать массовую армию, вообще не о чем больше дискутировать. Вопрос решен историей. Германия великолепно знает

весь риск, которому подвергается, делая ставку на массовую армию, но у нее нет выбора. Германия собирается противопоставить противникам не только всю силу германской промышленности, но и всю свою людскую силу. Это очень опасно, но ведь и сам фашизм имеет источником испытываемое буржуазией чувство смертельной опасности. Выбора нет. Надо жить опасно — как любит говаривать господин Муссолини. Недаром германские фашисты обоготворяют Фридриха Великого за то, что он отправлялся на поле брани с ядом в кармане.

Но было бы неверным, устанавливая крах фуллеровской концепции, выплескивать из ванны с водою ребенка, не видя того реального зерна или тех зерен, которые можно обнаружить в идеях этой школы.

Первое, что следует отметить в теории ген. Фуллера, это понимание громадного значения современной техники для будущей войны. Было бы величайшим легкомыслием и ухарством пытаться уменьшить значение техники в будущей войне. Никакая наиболее воодушевленная народная масса не устоит против современной военной техники, если не будет ею вооружена сама.

Наша партия и руководители Красной армии никогда не разделяли взглядов Фуллера и фуллерианцев. Наша военная литература является единственной, подвергавшей систематической критике эти взгляды. Но наша партия, товарищ Сталин и руководство Красной армией, отклоняя фуллерианские взгляды, ни на один момент не упускали из виду тех громадных изменений, которые произвела современная техника в условиях будущего боя.

Внедрение современной военной техники в Красную армию было предметом величайших усилий нашей партии. Она не боялась учиться, чему можно было научиться и у Фуллера и у Дуэ, являющихся крупнейшими специалистами танкового и авиационного дела. Мы встретим врага не только воодушевленными, политически сознательными массами бойцов, но и армией, ставившей себе задачей в области военной техники, как и во всех других областях, догнать и перегнать врага.

Другой не подлежащий сомнению факт — это громадная дороговизна современных средств боя, которая будет в значительной мере лимитировать их применение в империалистических армиях. Этот факт, как и боязнь вооружения пролетариата, является основой для очень диференцированного строительства империалистических армий. Идея «малой» технической армии перевоплощается в идею создания штурмовых ударных армий, часто стыдливо называемых «армиями прикрытия», и армий всеобщей воинской повинности, состоящих в первую очередь из пехоты.

Книга французского полковника Шарля де Голль «На пути к профессиональной армии» предлагает выделить особое специальное ядро в 100 тыс. добровольцев и специалистов, которое будет призвано, во-первых, прикрыть мобилизацию наступательным движением против противника, а в дальнейшем будет играть роль

лобовой штурмовой части армии всеобщей воинской повинности. Эта армия в составе 6 дивизий должна иметь трехкратную огневую силу по сравнению с армией 1914 г. и удесятеренную скорость передвижения.

Не подлежит сомнению, что и *новая германская армия ставит себе задачей создание подобного штурмового ядра*. Еще выдвигая идею «малой» армии в 200 тыс. бойцов, ген. Сект в своей книге «Национальная оборона» не отказывался от всеобщей воинской повинности. Но он считал, что армия всеобщей воинской повинности будет только служить для занятия территорий, захваченных его «малой» моторизированной и механизированной армией. Он представлял себе первую вероятно вроде старого прусского ополчения последних возрастов резерва, плохо вооруженного, не представляющего наступательной силы.

Теперь эта мысль резкого деления на великолепно вооруженную, обученную, механизированную, моторизированную армию и на ополченцев уже принадлежит истории. Ударные части будут подвергаться сильнейшим опасностям и будут быстро изнашиваться, их надо будет не только пополнять, но и постоянно воссоздавать в ходе войны. Армия всеобщей воинской повинности будет служить постоянным источником их воссоздания. Мало того, одни ударные части не в состоянии сами добиться решения борьбы. Всякая армия будет, во-первых, пытаться увеличить количество ударных частей, а во-вторых, будет принуждена посылать в бой на их поддержку армию всеобщей воинской повинности. Поэтому недостаточно будет вооружить последнюю только винтовкой и пулеметом.

Той грани между отборной, «избранной» армией и армией всеобщей воинской повинности, о которой мечтали империалисты, не получится. Армию всеобщей повинности и ее представителя, этого «презренного» пехотинца, придется великолепно вооружить, обучить. Эта армия будет иметь большую наступательную и защитительную силу, будет представлять первоклассную военную единицу. Рассеялась мечта о том, что она будет представлять собой, так сказать, военный обоз, покорную массу, над которой будут господствовать благодаря своему обучению и вооружению отряды штурмовиков из сыновей буржуазии и помещиков.

Это означает, что солдатские массы не проведешь через горнило войны застращиванием, угрозами, маханием фашистской дубинки.

Бойцами, от которых будет зависеть решение войны, будут не сыновья буржуазии и помещиков, господа в ботфортах с арапниками в руках. Будущая война будет войной промышленной, требующей уменья обращаться с сложнейшими машинами. *Решающую роль в ней будут играть рабочие*. В своей книге о будущей войне ген. Сикорский выступает против предложения оставлять квалифицированных рабочих в промышленности: «Такого рода мобилизация, — пишет он, — была бы убийственной для эффективности государственной обороны, она лишила бы фронт

лучших солдат, она привела бы к удовлетворению потребностей страны за счет боевой ценности идущих в бой частей».

Империалистические правительства, и в первую очередь фашистские заправилы, будут пытаться устранить коммунистов из армии, запрятывая их в тюрьмы и концентрационные лагери. Они будут пытаться создавать особые ударные части из абсолютно верных им людей. Но будущая война покажет мелкому буржуа несбыточность последней мечты о спасении своего положения мелкого собственника. Война не только разорит его экономически, но и обрушит на него такие страдания, о которых он теперь не имеет понятия. Основной же массой, которая будет решать судьбы войны, будут во всех развитых капиталистических странах промышленные рабочие.

«Масса — это выражение теперь уже умирающей эры марксизма. Когда-то ее возносили, теперь она поставлена в состояние обвинения», — пишет фашист Висконти-Праска в своей книге, в которой он вынужден признать, что от совести массы будет зависеть исход затеянной империализмом войны. Как бы не получилось, что обвинители окажутся на скамье обвиняемых!

Все без исключения военные торетики указывают, что в будущей войне **сотрется грань между фронтом и тылом**. Газовая и воздушная война будет в значительной мере направлена против тыла.

«Механизированная армия, — пишет генерал-майор Фуллер, — которая не встретит сопротивления, сможет в течение трех или четырех дней пройти Францию или Германию, и не только **терроризировать гражданское население**, но и занять крупные политические и индустриальные центры». Мы не будем дискутировать здесь идей Фуллера о проходе в три-четыре дня большой страны малой технической, моторизированной армией без встречи сопротивления. Мы считаем эту идею фантазией. Важно то, что эта армия должна будет, по Фуллеру, терроризировать население. Коллега Фуллера Дуэ пишет: «По необходимости должно произойти глубокое разложение всего организма страны. Может быстро наступить момент, когда **терроризированные народные массы**, побуждаемые исключительно инстинктом самосохранения, **потребуют прекращения борьбы на любых условиях**. Это сможет произойти еще до того, как закончится мобилизация армии и как сможет выйти из портов флот».

Ген. Гровс в своей книге «За дымовой завесой» усматривает основную цель авиационных атак в создании такого настроения в тылу, когда **терроризированное население схватит за горло собственное правительство и заставит его пойти на капитуляцию при любых условиях**. Эта политика применения террора против мирного населения есть **ставка на революцию**. Того, чего непосредственно не сможет добиться армия, ломая сопротивление противника, она попытается добиться, поднимая в стане противника народные массы против правительства.

Этой теории придерживаются все руководители империалистических армий. Но игра в революцию в другой стране может окончиться очень плачевно для них самих не только потому, что революция есть заразительная вещь, но и потому, что подобной политики будут придерживаться немцы по отношению к Франции и Англии, а французы и англичане — по отношению к Германии. Эта параллельность действий может иметь параллельные, т. е. международные результаты.

Нечего говорить, и тут великолепно проявляется диалектика истории. Господа послевоенные империалисты начали с мечтаний о войне, в которой народные массы не будут играть никакой роли, и пришли к политике террора, задачей которой ставится мобилизация народных масс для низвержения империалистических правительств.

Понятно, что те из империалистических правительств, политика которых направлена теперь в первую очередь против СССР, лелеют надежду, что их политика терроризирования тылов будет действовать и на население СССР. Мы не будем здесь, в этой статье, не ставящей себе целью выяснение соотношения сил между мировым империализмом и первой страной социализма, разбирать вздорность этих надежд. Мы скажем только, что Красная армия имеет не меньше, а больше шансов перенесения в случае навязанной войны своих действий на территорию наших врагов.

Мы скажем также, что, в то время как все империалистические державы представляют собою опрокинутую основанием вверх пирамиду, СССР представляет собою пирамиду на широчайшей базе единства рабочего класса и трудового крестьянства, уверенного, что советское правительство борется всеми силами за мир и поведет народные массы на войну только тогда, когда эта война будет навязана.

Ген. Фуллер писал в своей книге «Реформация войны»: «Если неприятель не потерпит поражения, война затянется. Обе стороны прибегнут к воздушным налетам, к рейдам быстроходных танков, предпринимаемым с целью деморализации гражданского населения. Какая сторона проявит большую выдержку? Вот основной вопрос всякой войны».

Социалистический характер нашей страны, классовая сознательность ее масс, тесная связь с ними правительства не позволяют усомниться в ответе истории.

Что же касается империалистических держав, то надо сказать, что всякая из них, ставя вопрос о войне, ускоряет созревание социалистической революции. Залогом этого служит не только характер будущей войны и массовый характер армий, создаваемых империализмом для этой войны, — залогом этого служит и то, что 17 лет послевоенной истории были блестящим доказательством неуменья капитализма решить поставленные ему историей вопросы.

(«Правда» от 1 мая 1935 г.).

Э. Гернле

ВОЕННЫЕ ПРИГОТОВЛЕНИЯ ГЕРМАНСКОГО ФАШИЗМА В ОБЛАСТИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА [1]

Экономическая подготовка германского фашизма к империалистической войне наталкивается прежде всего на два препятствия: на слишком незначительную сырьевую базу для промышленности и на недостаточную продовольственную базу для фронта и тыла. На опыте минувшей мировой войны германская буржуазия убедилась в том, что эти недостатки могут сыграть роковую роль в случае затяжного характера войны. Поэтому германский фашизм в настоящее время вооружается не только в военном и дипломатическом, но и в экономическом отношении...

Германский фашизм делает большие усилия, чтобы подчинить экономику своим военным планам раньше, чем началась война. Наталкиваясь при этом на капиталистическую анархию и конкуренцию, он тем не менее пытается создать с помощью государственного монопольного хозяйства, регулирования рынка и производства, с помощью принудительных синдикатов и картелей хотя бы временную организацию, которая обеспечила бы, когда это потребуется, армию всем необходимым на долгое время.

Фашизм «рекомендует» трудящимся массам города и деревни эти меры экономической подготовки войны под демагогическими лозунгами «преодоления капитализма», «национального планового хозяйства», «социалистической экономики», «удовлетворения потребностей», или, короче, «германского социализма». Фашисты здесь следуют примеру лидеров социал-демократии, которые также восхваляли военные мероприятия империалистической буржуазии в мировой войне 1914—1918 гг. как «социалистические мероприятия». Лидеры социал-демократии стало быть и в этом отношении оказываются предшественниками и пособниками национал-фашистов...

---

[1] Под этим заглавием в нашем сборнике объединены две статьи т. Э. Гернле, появившиеся в 1934 и 1935 гг. в журнале «Аграрные проблемы». В соответствии с характером сборника редакция вынуждена была подвергнуть обе статьи значительным сокращениям. — Ред.

Война и аграрная политика фашизма

Когда германский фашизм говорит о «свободе пропитания», об «обращении лицом к земле», об «обновлении крестьянства», о крестьянстве как «национальном резерве» или «гарантии будущего», то под этими лицемерными агитационными фразами он скрывает не только намерение вербовать в крестьянстве массовую опору для фашизма внутри страны, но и военно-политические соображения. Фашистская газета «Штальгельм» 28 мая 1933 г. писала: «Крестьянское сословие является первой боевой силой нации». А государственный советник Майнберг заявил 5 декабря 1933 г.: «Крестьянские поселения лучше бетонированных укреплений».

Фашизму нужно пушечное мясо. Он надеется с помощью крестьянских армий одержать победу в подготавливаемой им войне. С этой целью фашизм стремится прежде всего идеологически «подготовить» крестьянские массы к войне, привить им «воинственный дух», «добродетель солдата», «верность вождю» и в первую очередь — сословное высокомерие, шовинистическую ограниченность и расовые предрассудки. Империалистическая завоевательная политика восхваляется как дело спасения крестьянства, так как Германия мол нация без достаточной территории, а немецкий крестьянин имеет право на «восточные территории».

Еще в своей книге «Моя борьба» Гитлер заявил: «...но если мы говорим о новых землях, то мы должны думать в первую очередь о России и о подчиненных ей лимитрофных государствах».

Но при всех попытках «влить воинский дух» в крестьянские массы фашизм наталкивается на сильное классовое расслоение деревни.

Чем дальше, тем труднее становится поддержать в деревенском пролетарии и полупролетарии иллюзию «о всенародной общности и общей судьбе» пролетария с его поработителями. Экономические мероприятия по приспособлению сельского хозяйства к войне усиливают разорение трудящихся масс деревни и поэтому еще сильней обостряют классовые противоречия и ослабляют политическую подготовку крестьян к войне.

Специальная военная целеустремленность фашистской аграрной политики обнаруживается особенно там, где ее мероприятия явно выходят за рамки чисто хозяйственных мероприятий по борьбе с аграрным кризисом и по стабилизации господства финансового капитала в деревне. Подобными мероприятиями являются например все те начинания, которые имеют своей целью обеспечить любой ценой так называемую «свободу пропитания» Германии и расширить внутригерманскую сырьевую базу даже в том случае, когда производство данного продукта внутри страны может быть достигнуто лишь путем постоянных премий за посевы, гарантий цены и высоких государственных дотаций. Это в особенности относится к масличным культурам, разным сортам леса, льна и шерсти.

Производство с.-х. машин также приспособляется к военным целям.

Фашистская пресса гордо возвещает, будто Гитлеру удалось в первый же год поднять сбыт с.-х. машин до 117 млн. марок, после того как в промежутке между 1929 и 1932 гг. он пал с 400 млн. марок до 97 млн. марок.

В этих сообщениях нет указаний на то, в какой мере здесь речь идет о рабочих машинах и в какой мере о тяговых. Более ясно говорят данные автомобильной промышленности, согласно которым в Германии имеется около 26 тыс. тракторов. Еще при канцлере Брюнинге существовала теснейшая связь между тракторостроительной промышленностью и военным министерством. Опытно-тракторная станция в Лезене под Берлином находилась под особым наблюдением не министерства земледелия, а военного министерства. Так же не случайно, что за последний год «моторизация Германии» Гитлером, как это доказала автомобильная выставка в Берлине, охватила преимущественно аграрные провинции на Востоке.

В то время как увеличение моторизации в среднем по всей Германии в 1933 г. достигало 77% по сравнению с 1932 г., в таких ярко выраженных крупнопомещичьих провинциях, как Мекленбург-Штрелице, оно достигло — 229%, в Мекленбург-Шверине — 120, в Западной Пруссии — 111, в Восточной Пруссии — 109, в Поморье — 99%. Особые дотации и налоговые льготы, предоставленные фашистским государством помещикам, повысили количество тракторов и грузовых машин, ибо каждый трактор, каждый грузовик в поместье означают в случае мобилизации значительное облегчение снабжения армии.

К прикрытым формам подготовки войны относится также широко последнее время пропагандируемая и уже частично начатая «индустриализация Восточной Пруссии». Наряду с созданием алюминиевой промышленности здесь прежде всего расширяется консервная промышленность.

Восточная Пруссия является операционной базой для будущей войны на Востоке. Для овощной консервной промышленности создана база в низовьях Вислы около Мариенбурга и Мариенвердера. Созданная еще Брюнингом и временно закрытая фабрика мясных изделий в Кенигсберге вновь пущена в ход Гитлером. Льноводческое предприятие в Инстербурге должно стать центром для производства льна, усиленно форсируемого при помощи крупных государственных дотаций и гарантий цен (в настоящее время Германия производит лишь 17% потребного ей льна на площади в 4 500 *га*; площадь посева должна быть, по предположению фашистов, доведена до 30 тыс. *га*). Льноводством занимаются в Германии по преимуществу хозяйства с площадью свыше 200 *га*. Стало быть и здесь встречаем юнкера в роли крупно зарабатывающего поставщика для армии.

Форсирование производства и обработки шерсти гитлеровским правительством также является специально военным мероприятием и одновременно субвенцией крупному землевладению. Германия производит лишь около 7% собственной потребности шерсти, этого важнейшего для всякой армии сырья.

Фашистское правительство поставило своей задачей поднять производство шерсти до 30% нормальной потребности. Стимулом служит гарантированная цена (она на 30% выше мировой рыночной цены), а также принудительное потребление отечественной шерсти всеми перерабатывающими шерсть отраслями промышленности, при исполнении ими заказов официальных, полуофициальных или армейских органов...

Понятие и практика автаркии

Автаркия по-немецки — «свобода пропитания», «прокормление с собственной земли». В этом лозунге Гитлер сформулировал для массовой агитации свою военно-продовольственную политику...

Под автаркией, или «свободой пропитания», национал-социализм понимает приспособление сельского хозяйства к военным целям. Это ясно подчеркнул г-н фон Дайтц, начальник отдела внешней торговли в управлении внешней политики национал-социалистической партии. Дайтц в «Берлинер тагеблат» от 24 июня 1933 г. писал следующее:

> «...Национал-социалистическая партия понимает под автаркией жизненное право каждого народа и каждой нации организовать свое хозяйство таким образом, чтобы оно стало их крепостью, в которой они не смогут быть взяты измором в случае торгово-политических, валютных или даже военных осложнений. Из этого сам собой явствует размер автаркии. Ясно, что в таких случаях в подобной крепости не может быть изобилия и что придется потуже затягивать ремень. Но независимость основы для существования должна быть обеспечена во что бы то ни стало.
>
> Затем непосредственно вытекает из этого и второй принцип национал-социалистической внешней политики, а именно, что весь дальнейший спрос будет по возможности покрываться с таких территорий, которые обеспечены длительными политическими союзами и дружбой и которые можно считать доступными в случае осложнений.
>
> Таким образом автаркия не означает закрытия границ в экономически-политическом отношении; она означает группировку потребностей из военно-политических соображений».

Национал-социализм стало быть руководствуется в своей аграрно-производственной и торговой политике по преимуществу «военно-политическими» соображениями. Автаркия означала обеспечение продовольствием и сырьем на случай войны, причем речь идет конечно не о достаточном снабжении масс, а о совершенно необходимом прожиточном минимуме для армии, военной промышленности и для поддержания военного настроения в тылу.

После полного крушения германского экспорта в первом квар-

вале 1934 г. и обострившегося в связи с этим до крайности кризиса денежной системы германский фашизм повернул свою внешнеторговую политику. Этот поворот одновременно означает чрезвычайное усиление его военных тенденций. Лозунг автаркии, которому перед лицом народных масс все же мог еще придаваться известный оборонительный характер, уступил место гораздо более агрессивному требованию «хозяйства больших территорий». Еще в конце прошлого года министр народного хозяйства Шмидт, непосредственный уполномоченный финансового капитала в кабинете Гитлера, требовал в своей книге «Народное хозяйство в новом государстве» (изд. Георг Кальвей, Мюнхен):

> «...Отнюдь не автаркию, а, наоборот, углубление хозяйственных обязательств, но лишь по отношению к таким странам, которые готовы за обязательство отплатить контробязательством».

Д-р Винтер, представитель управления штаба «вождя германского крестьянства», ещё яснее высказывается по этому поводу[1]:

> «Поэтому остается только тот путь, чтобы германское крестьянство встало во главе крестьянских народов и объединило их мирным путем для повышения их уровня жизни».

Если отбросить в сторону фразу о германском крестьянстве, пущенную в ход для демагогического обмана мелких крестьян, то это требование целиком вскрывает возврат к общеизвестной со времен довоенного германского империализма пресловутой теории Пауля Рорбаха о более значительной хозяйственной территории, которую Германия должна для себя отвоевать. Речь идет, как и до мировой войны, прежде всего о Юго-восточной Европе. Отто Христиан Фишер, член дирекции «Рейхскредитгезельшафт» и член «генерального совета хозяйства», подчеркивает в большой статье в «Берлинер берзенцейтунг» (от 23/III 1934), что «подъем всего хозяйственного уровня этих стран» может произойти «только при помощи инвестиции капиталов».

Германский фашизм стало быть уже совершенно конкретно думает о возможностях экспорта капитала после заключения торговых договоров с Венгрией, Югославией и Болгарией.

Во всех новейших торговых договорах Германии уже содержатся заметные элементы этих новых методов экспансии германского империализма. В «Фелькишер беобахтер» от 5 июня Вернер Дайтц рисует следующий план:

> «Засеять на территориях юго-востока маслины, сою, лен, и т. п. В странах Прибалтики взяться прежде всего за разработки имеющихся там металлов в интересах удовлетворения европейского спроса».

Соответственно этому с Венгрией уже заключено твердое соглашение, по которому она берет на себя обязательства засеять 30 тыс. *га* льна, покупаемого Германией по твердым ценам. В

---

[1] «Берлинер тагеблат» от 30 марта 1934 г.

связи с югославским торговым договором заключены подобные сделки между югославскими экспортными синдикатами и германскими организациями. Речь идет не только об импорте фруктов, овощей, кормов, табака и леса в Германию, но (согласно сообщению «Дейтше бергверксцейтунг» от 3/V 1934 г.) имеется в виду также инвестирование германских капиталов в железные рудники, сланцевые залежи и во вновь открытые на македонской границе золотые прииски.

Германское правительство дает экспортерам капитала особые гарантии. С созданным специально для этой цели болгарским обществом «Витаминоза» германский консорциум во главе с ИГ Фарбениндустри заключил договор, гарантированный обоими правительствами, по которому Германия поставляет в Болгарию для засева 100 тыс. *т* соевых бобов с обязательством купить у общества весь урожай сои по твердым ценам. Болгария со своей стороны предоставляет ИГ Фарбениндустри добавочные импортные контингенты на сумму 10 млн. лева, причем за каждые дополнительно поставленные 10 тыс. т соевых бобов эти контингенты увеличиваются на 1 млн. лева.

Но здесь, как и всюду, германский фашизм ограничен узкими рамками своего бессилия. Все широковещательные планы Розенбергов и Дайтцов, все прекрасные советы, которые они дают прибалтийским и придунайским народам, не могут изменить того факта, что база германского империализма для экспорта капитала очень узка и что на все эти территории уже издавна претендуют и другие более сильные государственные группировки: на придунайские территории претендует Италия, на Прибалтику — Англия. Однако это означает вовсе не ослабление опасности империалистической войны в Центральной Европе и войны против СССР, а значительное ее усиление.

Фашистский государственный капитализм

В опубликованной в 1918 г. брошюре «Главные задачи наших дней» Ленин пишет об империалистическом госкапитализме воевавшего германского правительства:

> «Здесь (в Германии.— *Э. Г.*), — говорит Ленин, — мы имеем «последнее слово» современной крупно-капиталистической техники и планомерной организации, которая подчинена юнкерско-буржуазному империализму.
>
> В чем состоит этот «госкапитализм»? — В «планомерной государственной организации, которая подчиняет миллионы людей строгому соблюдению директив в производстве и распределении продовольствия и предметов широкого потребления».

Гитлеровский фашизм как наследник кровавого кайзеровского империализма 1914—1918 гг. возобновляет то военно-монополистическое хозяйство, которое было организовано статссекретарем Гельферихом и крупным промышленником Ратенау по ука-

занию главного командования. Военно-хозяйственные мероприятия гитлеровского фашизма только тем отличаются от мероприятий 1917 г., что они вводятся еще *до начала военных действий*, что они более обширны и основательны, чем могли быть тогдашние вынужденные меры, что они базируются на более высокой крупнокапиталистической технике и организации и что они распространяются не только на произведенный продукт, но также вводят изменения и в самом производстве.

Что касается сельского хозяйства, то «Вестдейтше бауэрнцейтунг» от 18/III 1934 г. откровенно писала:

«В настоящее время от крестьянина требуется, чтобы он приспособил свое хозяйство к планам правительства».

Ярко выраженным мероприятием империалистического военно-монопольного хозяйства является закон от 22 марта 1934 г., *регулирующий движение промышленного сырья и полуфабрикатов*, на основании которого в первую голову были учреждены контролирующие *центры для хлопка, шерсти и льняного волокна*. За границей сейчас же увидели в этом законе военное мероприятие и дали ему соответствующую оценку. В области германского сельского хозяйства подобный военно-хозяйственный характер имеют созданные в 1933 г. государственные зерновые и кормовые управления, «государственное управление молочных продуктов, масла и жиров», «государственное яичное управление», «государственное шерстяное управление» и созданное 23 марта 1934 г. «*государственное управление животноводства и животноводческих продуктов*». Если прибавить к этому, что законом о контингентировании сахарного производства еще с 1931 г. установлены учет и контроль и в этой области, то можно констатировать, что все жизненно значимые отрасли сельскохозяйственного производства (продовольствие, корма, технические культуры) охвачены «хозяйственным руководством», государственным монопольным капитализмом. Сюда же следует отнести принудительное синдицирование производства удобрений (калия и азота), принудительные синдикаты для мельниц с обязательством накопления «национальных резервов» (закон от 15 сентября 1933 г.), объединение производства молочных консервов и казеина, объединение плодоовощной переработки и рыбной промышленности.

Вполне естественно, что все эти военно-хозяйственные мероприятия прикрываются «социалистической» вывеской...

Фашистское «плановое хозяйство» означает беспощадное вытеснение мелкого крестьянства с рынка, его ускоренную экспроприацию, потому что своими законами фашизм вынуждает крестьян поставлять молоко и масло, сыр и яйца, овощи, хлеб и картофель, скот и свиней исключительно официальным заготовительным органам или соответственным синдикатам перерабатывающей промышленности и притом поставлять в предписанном количестве и качестве. по установленным низким продажным ценам. А так как соответствующие показатели определяются конечно кулаками и капиталистами, то это — тем более в обста-

н вке кризиса — фактически означает спасение прибылей капиталистического сектора за счет мелких производителей. При этом в капиталистическом секторе среди кулаков и помещиков несмотря на контингентирование и регулирование цен идет бешеная конкуренция из-за государственных субвенций и заказов, из-за квот и «твердых цен».

Фашистское государство является инструментом отдельных мощных капиталистических групп. Даже основной вопрос — о предстоящей войне — не в силах объединить капиталистов в «плановом хозяйстве». Они едины лишь в вопросе политического террористического обеспечения их классового господства над пролетариатом, в вопросе усиленной эксплоатации трудящихся крестьян и ремесленников.

Фашистский государственный капитализм является не чем иным, как инструментом финансового капитала для угнетения и эксплоатации трудящихся масс, в особенности мелких производителей.

Новые фашистские принудительные синдикаты являются современными органами господства именно этих крупнокапиталистических концернов и трестов над более мелкими производителями в самом синдикате и над массами трудящихся — поставщиков продовольствия и сырья—вне его. Так Гитлер своим законом о торговле овощами, фруктами, картофелем и пр. целиком подчинил производителей-крестьян диктатуре синдицированной консервной промышленности и крупных коммерсантов. Созданное на основе имперского закона «объединение мельниц» означает не только диктатуру 3—4 крупных мельничных концернов над примерно 25 тыс. мелких мельниц, оно означает также усиление диктатуры над массой производителей-крестьян и над их кооперативами, для которых синдикат при поддержке государства предписывает продажные цены и контингенты заготовок.

В «объединениях по заготовкам молока» крупные коммерсанты, подчиненные банкам и крупным аграриям, кооперативы, а также отдельные крупные аграрии господствуют над массой мелких производителей молока, от которых лишь частично принимается молоко по официальной цене. Большая же часть молока заготовляется по вдвое пониженным ценам как «индустриальное молоко». В то время как мелких крестьян принуждают сдавать овощи, сыр, масло, яйца и пр. официальным заготовительным органам по низким ценам, помещикам предоставлено право самим официально штемпелевать стандартную продукцию и самим поставлять этот «качественный товар» на рынок...

(Журн. «Аграрные проблемы» № 7—8 за 1934 г.).

„Поход за повышение производительности“

Вся фашистская печать была полна ликования по поводу достигнутой «уже 88—90-процентной свободы пропитания» Германии. Но затем она должна была признать, что эта «свобода пропитания» иллюзорна, так как большая часть производимых в

Германии мяса, молока, яиц и т. д. получена лишь благодаря импортированному сырью, ввоз которого обошелся еще в 1933 г. в 1½ млрд. марок. В случае же военного конфликта вопрос станет еще гораздо острее, ибо тогда, как показал опыт минувшей империалистической войны, продукция сельского хозяйства Германии быстро и катастрофически сократится вследствие недостатка рабочей силы, удобрений, машин, рабочего скота. Сокращение в 1914—1918 гг. было настолько сильным, что некоторые отрасли сельского хозяйства лишь в 1929 г. вновь поднялись до уровня 1913 г.

В случае войны следовательно германский фашизм не сможет даже скудно прокормить народные массы. Перед лицом этой перспективы он еще лихорадочней готовится к войне, выдвигая лозунг расширения своих продовольственных ресурсов. Но своей политикой «хозяйства больших территорий» гитлеровский империализм вновь наталкивается на неразрешимые противоречия и непреодолимые препятствия...

Со времени второго имперского крестьянского съезда, состоявшегося в середине ноября 1934 г. в бывшем императорском поместье в Госляре, на Гарце, во всех селах «Третьей империи» с неистовым шумом проводится «поход за повышение производительности». Сначала он проводился в форме пропагандистской кампании, а затем, с весны, — и практически. Согласно сообщениям фашистской печати в связи с этой кампанией во всех германских деревнях проведено 385 тыс. собраний и распространено не менее 7 млн. листовок. Не в одних только деревнях однако раздается этот барабанный бой. В январе министерство пропаганды издало распоряжение о том, что впредь каждый партийный оратор на каждом партийном собрании обязан разъяснять «существеннейшее значение «похода за повышение производительности» для обеспечения нашего будущего». Так называемая «зеленая неделя» — это большая пропагандистская кампания аграрного капитала, ежегодно устраиваемая в январе, всецело была использована для этого похода. В докладах, фильмах, диаграммах, рисунках и всякого рода изображениях настойчиво повторялся основной демагогический мотив: «задача сельского хозяйства — не достижение высокой доходности всякого отдельного хозяйства, а обеспечение настоящего и будущего всего народа». В печати все чаще и чаще делаются ссылки на аграрную политику Муссолини, «зерновой поход» которого выставляется как прообраз германского «похода за повышение производительности». Разница состоит лишь в том, что Муссолини ограничился одной только отраслью из всего крупного многоотраслевого комплекса сельскохозяйственного производства, Гитлер же призывает к «планомерному» повышению и качественному улучшению всей с.-х. продукции...

Что «поход за повышение производительности» ставит своей задачей более широкое и усиленное подчинение германского сельского хозяйства и занятых в нем трудящихся масс механизму империалистических военных приготовлений, это особенно под-

черкнуто в докладе министра народного питания Дарре, сделанном перед избранным кругом офицерства («Вестдейтше ландцейтунг» от 15 февраля 1935 г.). Наряду с общими фразами о «крепко базирующемся на земле хозяйстве» и переходе «от торгашеского к крестьянскому образу мышления» им сформулированы и следующие четко выраженные положения: «Мировая война привела к все более обостряющемуся положению мирового хозяйства. Распад мирового организма явился неизбежным. Экономически проявилась другая тенденция развития: страны с аграрной и сырьевой продукцией индустриализировались. С другой стороны, имела место реорганизация промышленных стран. И в том и в другом лагере все это делалось, несмотря на связанные с этим издержки, исключительно из национальных точек зрения и государственно-политических интересов. Само собой разумеется, что и наша страна волей-неволей включается в этот процесс развития. Если мировое хозяйство раскалывается на отдельные крупные участки, то и мы должны спастись на отдельном, но собственном участке».

В этих словах нетрудно уловить те же аргументации, какие имеются и во всех требованиях германского фашизма о «равенстве вооружений». Как в хозяйственном, так и в военном отношении Германия равняется на другие крупные державы. Перейдем от военно-политической стороны «похода за повышение производительности» к его торгово-политической стороне.

Здесь Дарре вновь подхватывает те старые идеи об аграрной автаркии, которые были официально оставлены в начале 1934 г. под давлением крупной промышленности, работающей на экспорт, и которые вновь были поставлены в порядок дня в новой, несколько измененной форме, после того как новая торговая политика «компенсационных договоров» привела к постоянным неудачам. Если раньше политика аграрной автаркии носила открытый наступательный характер, причем «питание из собственного источника» должно было служить средством заставить заграницу в торгово-политическом отношении стать на колени, исходя из того аргумента, что иностранные государства будто бы больше нуждаются в Германии, чем Германия в загранице, то сейчас стараются представить борьбу за «продовольственную независимость» как дело чисто оборонительного характера, навязанное германскому правительству и немецкому народу за границей. Этот поворот в тактике стоит в теснейшей связи с «новым планом» Шахта в 1934 г. и с теми основными чертами германской внешнеторговой политики, которые он развивал в обширной речи на открытии Лейпцигской ярмарки в начале марта текущего года. Шахт заявил в Лейпциге, что Германия сделала все, чтобы выполнить навязанные ей условия и заплатить свои долги, но тем не менее иностранные государства «препятствовали успеху этих напряженных усилий путем торговых ограничений и валютных демпингов». Часть кредиторов перешла даже к системе расчетов (clearings) и этим «нанесла новый удар мировой

торговле». Навязанные таким образом Германии договоры расчетов (clearings) «не только привели нашу транзитную торговлю к полной почти ликвидации», но больше того — «отпугнули иностранных покупателей от закупок в Германии своим бюрократизмом и формализмом». Кроме того они «парализовали кредит для улучшения качества сырья и почти полностью подорвали нормальное германское кредитование импорта». Одним словом, Шахт нарисовал в Лейпциге картину полнейшего банкротства фашистской торговой политики, даже той торговой политики, которая была с победоносным видом введена около 12 месяцев назад.

Шахт робко признает, что «мы для нашего вывоза достаем все меньше и меньше свободных девиз, которыми мы могли бы производить закупки в любой стране». Из этого затруднительного положения германского империализма на мировом рынке Шахт ищет выхода в следующем: «Мы вынуждены нашу позицию потребителя сырья бросить всей своей тяжестью на чашку весов и покупать лишь там, где изъявляют согласие покупать наши продукты». Шахт хитро делает по адресу Америки предложение: несколько лет моратория Германии, и после этого можно будет снова платить долги по «полному проценту». Но до этого времени, подчеркивает он снова и снова, «мы должны покупать лишь в меру нашей возможности платить и лишь там, где изъявляют согласие покупать наши продукты».

При рассмотрении «похода за повышение производительности» в сельском хозяйстве в свете этой торговой политики Шахта обнаруживается, что этот «поход» является не только средством подготовки грядущей империалистической войны, но также и средством уже сейчас свирепствующей экономической войны в результате поражения германского империализма не только в мировой войне, но и на экономическом фронте.

Германскому фашизму при крушении его внешней торговли и в связи с затруднениями с девизами ничего другого не остается, как пытаться извлечь последнее из естественных вспомогательных ресурсов, имеющихся в стране, что только можно извлечь при помощи наличной рабочей силы, техники и химии. Германский фашизм вынужен пытаться найти новые резервы как в области промышленной, так и в области с.-х. производства. Конкретно говоря, он должен пытаться заменить ввозившиеся до сего времени сырье и предметы питания продуктами собственного производства, а в случае необходимости и суррогатами. «Поход за повышение производительности», так же как и кампания массового изготовления искусственных волокнистых веществ, искусственной резины, искусственного бензина, как и переход железоделательной промышленности в широком масштабе на переработку металлического лома, показывает необычайную слабость экономической основы германского фашистского империализма, усилия которого в диаметральную противоположность социалистическому Советскому со-

юзу ведут не к открытию новой эры мощного развития, увеличения производительных сил, а, напротив, ведут к еще большему обострению присущих капитализму противоречий между общественными производительными силами и капиталистической формой присвоения...

Жировая проблема

В фашистской Германии не может быть и речи о существенном расширении и повышении качества с.-х. продукции. Напротив, германское сельское хозяйство как и сельское хозяйство всех капиталистических стран, пребывает в полосе тяжелого, очень длительного кризиса «перепроизводства». Германские хлебные рынки в течение ряда лет находятся не только в состоянии застоя, но и почти полного паралича... Неурожай 1934 г. хотя и облегчил временно положение на хлебном рынке, но он обострил еще больше положение на мясном рынке. Сильный рост продукции мяса совпал с предписанием беднейшим крестьянам ввиду недостатка кормов резко сократить поголовье рогатого скота и свиней. Поступление рогатого скота и свиней на рынок с июля значительно превысило платежеспособный спрос. Результатом этого явилось то, что фашизм распространил и на рынки скота правила «регулирования рынка» и контингентировал поступление убойного скота. И здесь это произошло, как и в отношении зерна, молока и всех прочих продуктов, в форме полугосударственных рыночных союзов, пользующихся правом репрессий.

Подобные же ограничения производства были проведены и в области производства сахара (еще с 1931 г.), табака, вина и хмеля.

В одной лишь единственной отрасли, а именно в производстве жиров, прилагаются усилия к расширению продукции. В этой отрасли в Германии имеется сильное недопроизводство, несмотря на голодное потребление широких масс. По исчислениям официального конъюнктурного института, отечественное производство молочных продуктов покрывает лишь 65%, а производство животных жиров даже лишь 40% наличной потребности. Это означает ежегодный расход в 153 млн. марок в девизах и вдобавок в случае военных осложнений весьма ощутительную зависимость от заграницы.

Поэтому «жиры» являются предметом забот правительства Гитлера со дня его возникновения. Уже первые законы фашистской аграрной политики в начале 1933 г. касаются «жирового плана». «Жиры» стоят поэтому в центре и «похода за повышение производительности». «Жировая политика» правительства Гитлера особенно показательна для фашистского «регулирования рынка» и теперешнего «похода». И как раз здесь более ярко чем где-либо обнаруживается, что движущим мотивом фашистского «похода за повышение производительности» не являются ни интересы трудящихся масс города, ни интересы крестьянских масс деревни.

Методы проведения фашистской «жировой политики» являются ярко выраженными капиталистическими методами, так как их исходным пунктом является повышение продукции путем повышения цен, а это повышение цен безжалостно проводится за счет трудящихся масс потребителей, за счет трудящихся налогоплательщиков и посредством щедрых субсидий капиталистическим хозяйствам.

В одном обзоре, посвященном жировому вопросу, опубликованному газетой «Франкфуртер цейтунг» от 27 января 1935 г., «поразительный успех» жирового плана Гугенберга с начала 1933 г. усматривается в том, что цены на масло вскочили с 85 марок за центнер в марте до 126 марок летом 1933 г. Это повышение было достигнуто посредством сильного повышения ввозных пошлин, контингентирования также импорта сырья для производства маргарина, сокращения продукции маргарина и введения особого «жирового налога» на маргарин. Введением жирового налога правительство Гитлера указывало, что это мероприятие должно якобы было исключительно способствовать снижению цен на маргарин для «нуждающихся» слоев населения; для чего в действительности была использована эта мера, мы увидим ниже.

В июле 1933 г. после отстранения Гугенберга Дарре дополнил существующий жировой план, ограничившийся пока только повышением цен на масло и маргарин, планом «санирования свиноводства». Было констатировано, что налицо «перепроизводство» свиней и что поэтому цены на свиней в начале 1933 г. упали до 65—70% довоенного уровня. С технико-производственной стороны задача сейчас заключалась не в расширении, а в изменении направления свиноводства. Мясное свиноводство должно быть значительно превращено в сальное. Для этой цели пошлина на ввозное свиное сало была значительно повышена, а именно до 65 марок за центнер, а на топленое свиное сало (жир) в 10 раз: с 10 марок до 100 марок на центнер, т. е. до двойного размера стоимости импортного товара. Эти пошлины почти совершенно стали запретительными. Ввоз жира с 110 тыс. *т* в 1932 г. упал до 40 тыс. *т* в 1934 г. Цены на свиней поднялись с 36 до 52 марок за каждые 50 *кг*. Одно повышение в связи с этим цен на жир со 160 до 220 марок за двойной центнер с декабря 1933 г. по декабрь 1934 г. привело, как отмечает «Франкфуртер цейтунг», «к заметному понижению потребления жира». Оно составляло почти 25% прежнего потребления. Присущие капитализму противоречия между ограниченной потребительной способностью масс и стремлением капиталистов к все более высоким прибылям и в связи с этим расширению производства крайне обострились в отрасли жирового производства (табл. на стр 109).

Для стимулированной высокими ценами свиноводческой продукции предстояло сейчас «найти новые отрасли сбыта». Эти новые «отрасли сбыта» были открыты в области производства маргарина. Фабрикантов маргарина обязали примешивать к маргарину сначала 15%, потом 20% свиного сала, так

называемого нейтрального сала вместо примешивавшихся заграничных масел. Для этой цели при высоких затратах было построено 20 фабрик для выработки нейтрального сала.

Потребление топленого свиного сала в Германии (в тыс. тонн)

	1928—1931 гг.	1932 г.	1933 г.	1934 г.
Отечественное производство	120	130	130	130—140
Импорт	90	110	75	40
Потребление	210	240	205	170—180

С целью побудить свиноводов разводить вместо обычно разводившейся мясной свиньи сальную свинью со средним весом в 300 *кг* для этого вида свиней была гарантирована минимальная цена в 50 марок за каждые 50 *кг*, которую платили фабрики сала. Поэтому в июле 1934 г. цена свиней в Германии была на 8—15% выше, чем год назад, и на 25% выше, чем в 1932 г. Для маргариновых заводов это обязательное применение 15% сала означало невероятное повышение издержек...

Чтобы производство маргарина совершенно не остановилось, правительство должно было платить фабрикантам высокие субсидии. Так оно и поступило. Взяло половину месячных доходов от налогов на жир, составлявших 18—20 млн. марок и предназначавшихся будто бы для безработных и инвалидов, и подарило эту сумму фабрикантам. Вся тяжесть вздорожания падала таким образом на плечи трудящихся масс, в том числе и на самые беднейшие слои. Успехи этой «жировой политики» были весьма кратковременны...

В марте 1935 г. общее поголовье свиней было уже на 9% ниже, чем в предшествовавшем году. Таким образом убыль значительно превысила прирост. Налицо оказалось в полной мере старое недопроизводство. Осенью 1934 г. правительство вынуждено было признать провал своей «жировой политики» на практике. Постановление об обязательной примеси в маргариновом производстве было отменено. Пошлина на жир была понижена со 100 до 40 марок, но она оставалась однако все еще в 4 раза выше, чем в начале 1933 г. Кроме того из Норвегии было ввезено 150 тыс. *т* дешевого вальтрана. С точки зрения принципа автаркии налицо таким образом катастрофическое банкротство.

«Фелькишер беобахтер» 25 января 1935 г. дает «баланс снабжения жиром» (характерно, что он дается не за весь прошлый период, а только за первый год правления Гитлера). Согласно приводимым там данным вся выработка жиров повысилась с 1 016 тыс. *т* в 1928 г. до 1 073 тыс. *т* в 1933 г. Из этого количества однако 220 тыс. *т* произведено при помощи ввозных кормов. В 1928 г. ввозные корма составляли 200 тыс. *т*. Таким образом «истинное» отечественное производство, несмотря на колоссальные денежные жертвы, которые фашистское правительство за-

ставило трудящиеся массы принести в форме повышенных цен и новых налогов, было лишь на 6% выше, чем в среднем за 1928—1932 гг. «Фелькишер беобахтер» к этому утешительно добавляет: «Так как импортный излишек жиров несколько уменьшился, то доля истинно-отечественного производства поднялась с 36,5% в 1928 г. до 41% в 1933 г».

Согласно официальным данным в настоящее время «истинное отечественное» производство жиров покрывает 47% потребности. Однако жалкий этот «успех» политики автаркии, который, как указано было выше, сведен на-нет в результате частичного неурожая, был достигнут исключительно на основе ухудшенного голодного потребления широких масс пролетариата, мелкой буржуазии и беднейшего крестьянства...

Результаты „похода"

Каковы результаты «похода за повышение производительности»? Необходимо констатировать, что с точки зрения торговой, военной и внешней политики германского фашизма эти результаты без всякого сомнения крайне ничтожны. Об автаркии даже в смысле «военизированной автаркии» не может быть и речи. В 1933 г. все же еще было импортировано продовольственных и сырьевых продуктов с.-х. происхождения на 2 290 млн. марок, в том числе на 1 318 млн. марок пищевых продуктов и кормов, на 151 млн. — шкур и кож, на 566 млн. — текстильного сырья, на 104 млн. — леса и на 68 млн. — животных жиров для производственных целей. В эти цифры 1934 год не внес никаких изменений. В результате неурожая 1934 г. импорт продуктов питания и кормов даже увеличился на 4%, а ввоз сырья и полуфабрикатов количественно увеличился на 4—5%. Этот сравнительно небольшой рост зависимости от заграницы был достигнут однако частично за счет использования старых запасов промышленности и малоценных суррогатов и за счет планомерного поддержания низкого уровня потребления масс несмотря на рост интенсивности труда.

Даже фашистские газеты не могут отрицать этого факта. Так например «Франкфуртер цейтунг» от 26 марта 1935 г. в «Обзоре германской продукции масла» констатирует: «улучшение занятости пока еще не привело к увеличению потребления этого важного продукта питания» (масла).

Что же касается общего потребления жиров, то та же газета пишет, что «в потреблении также и других жиров в 1934 г. нельзя отметить увеличения».

В связи с этим газета напоминает, что «в Англии вследствие низких цен на масло потребление его поднялось во время кризиса и в 1934 г. даже на 10% и что среднее потребление масла на душу составляет сейчас в Англии 13 *кг*, между тем как в Германии на душу приходится только 7,4 *кг*».

Бесспорно, средние цифры еще не говорят о потреблении различными слоями населения. Они ни в коем случае не являются показателями потребления рабочих, которые, как мы знаем, живут впроголодь.

Поход за повышение производительности» таким образом связан с падением потребления масс!

Единственное будто бы достижение, на которое может сослаться фашизм, это повышение якобы потребления мяса. Потребление его, по официальным данным, будто бы повысилось в IV квартале 1934 г. на 11%. Душевое потребление сейчас якобы выше, чем даже в годы высокой конъюнктуры. Торжествующе это обычно всякий раз приписывается фашистскому «созданию работы».

Официальный орган статистического управления «Виртшафт унд статистик» в номере от 26 февраля 1935 г. пишет например: «Факт, что миллионы германских граждан, которые раньше были безработны и почти совершенно вынуждены были отказаться от потребления мяса, сейчас опять имеют хлеб и работу; это поразительным образом как раз обнаруживается в потреблении мяса». Фашисты поражены собственной ложью! Ибо утверждение, что потребление массами мяса за последние два года повысилось с 48,87 *кг* на душу в 1932 г. до 54,5 *кг* в 1934 г. и таким образом превышает довоенный уровень в 50,35 *кг*, является наглым обманом. Фашистские «мастера счета» произвели одну простую операцию: они помножили число зарегистрированных случаев убоя на средний убойный вес и разделили полученную цифру на число населения. Число убоев безусловно увеличилось в последнем году, главным образом вследствие засухи. Однако довольно значительная часть убойного скота пошла не на потребление населением мяса, а, как указывалось выше, пошла на выработку маргарина в качестве «нейтрального сала». Когда вследствие засухи 1934 г. осенью была приостановлена сдача 20 маргариновым заводам сальных свиней, то правительство сейчас же было вынуждено допустить ввоз 1,5 млн. дв. центнеров «вальтрана». Такая цифра сама по себе говорит о том, какое огромное количество непотребленного населением мяса было фашистами отнесено в счет потребления. Но и убой рогатого скота никак нельзя отождествлять с массовым потреблением. Правительство в течение конца лета и осени сняло с рынка огромное количество убойного скота и передало его консервным фабрикам, что является типичным военным мероприятием. На это дело оно пожертвовало около 50 млн. марок в виде субсидий и займов. Если все же душевое потребление населения незначительно выше, чем в 1932 г., то это нужно объяснить тем фактом, что цены на худшие сорта скота и соответственно и цены на низкие сорта мяса в результате засухи резко упали, ибо мероприятиями правительства поддерживались только высокие цены на качественный скот юнкеров и кулаков. Остается молочная продукция. Здесь даже «Фелькишер беобахтер» предсказывал понижение производства молока зимой вследствие засухи. Сейчас газеты торжествующе сообщают, что это снижение не произошло будто бы благодаря фашистскому «упорядочению рынка» и помощи районам засухи. Не нарушив ни в малейшей

степени снабжение населения свежим молоком, удалось будто бы добиться увеличения выработки масла на молочных заводах на 255 тыс. дв. центнеров, т. е. на 10%, доведя продукцию до 2,79 млн. дв. центнеров. Но статистическое управление и послушная ей пресса должны при этом смущенно добавить, что выработка масла в крестьянских хозяйствах уже в силу лишь обязательных поставок молока значительно понизилась, приблизительно на 20%. Если мы даже согласимся с этими чересчур низкими оценками (на самом деле товарное производство крестьянского масла вследствие запрещения выработки его для рынка несомненно упало в два раза больше), то окажется, что уменьшение крестьянского масла примерно на 290 тыс. дв. центнеров (20%) больше, чем рост выработки молочных заводов. На самом деле эта недовыработка по крайней мере должна составлять 500 тыс. дв. центнеров, если принять во внимание значительное уменьшение собственного потребления крестьянства вследствие засухи.

В области потребления хлеба сама фашистская статистика вынуждена констатировать резкое снижение. В 1928/29 г. оно выразилось в количестве 9,8 млн. *т*, в 1932/33 — около 8,9 млн. *т*, а в 1934/35 г. оно, по официальным оценкам, не превысит 8,45 млн. *т*. Даже и в этой области фашистская автаркия — не что иное, как организованное недоедание. Одним словом, фашистское правительство, с одной стороны, чрезвычайно сократило ввоз предметов первой необходимости (пищевые жиры и сало на 48,4%, ворвань — на 16,5%, яйца — на 4,3%, сыр — на 16,2%, хлебное зерно — на 27%, овощи — на 5,3% по сравнению с 1933 г.), с другой стороны, нисколько не увеличило собственное производство этих предметов массового потребления, несмотря на то, что оно старалось компенсировать важнейшие потери от неурожая (по крайней мере для капиталистического сектора) путем увеличения ввоза кормов на 152%. Голодный уровень масс не понизился, а повысился, причем без каких-либо особенных значительных выгод для буржуазии с точки зрения государственных финансов и империалистической «военизированной автаркии».

Фашизм сейчас возлагает большие надежды на будущие результаты «похода за повышение производительности». Но этому «походу» не хватает базы значительных новых капиталовложений.

Он по необходимости вынужден ограничиться методами «экономии» имеющегося в наличии постоянного капитала, методами усиленной эксплоатации с.-х. рабочих, увеличения неоплачиваемого рабочего времени в сельском хозяйстве (также путем усиленного нажима на трудящиеся крестьянские массы), методами усиленного использования почвы, наличных машин и орудий, построек и других факторов хозяйства. Однако для эксплоатации есть и свои пределы, и с.-х. рабочие и трудящиеся крестьяне и так уже достигли предела своей физической трудоспособности. Между тем, «экономия» почти исключительно возможна

лишь в капиталистических крупных хозяйствах и не может охватить крестьянские массы. Тут нужно иметь в виду и изношенность инвентаря, который лишь частично может быть сменен.

В лучшем случае «поход» будет в состоянии поддержать капиталистический сектор германского сельского хозяйства на том уровне, на котором он находился до настоящего времени, или несколько расшириться за счет трудящихся крестьян. Действительное однако расширение или уменьшение всего производственного аппарата, поднятие производительных сил всего сельского хозяйства — дело недостижимое для фашизма. Это может быть достижимо, как это показал опыт Советского союза в его грандиозных пятилетних планах, при социалистической коллективизации сельского хозяйства, при пролетарской диктатуре, при помощи социалистической крупной промышленности.

Германскому фашизму также не удастся при помощи своего «похода» достигнуть милитаризации и шовинизации трудящихся масс деревни, как бы он крепко ни обосновывал всякое свое мероприятие бойкотом заграницы или ложью о военной опасности со стороны Советского союза. Это могло бы ему лишь тогда удаться, если бы с этим было связано улучшение хозяйства и всего уровня жизни масс. Но так как в действительности дело обстоит как раз наоборот, а миролюбие Советского союза становится виднее всем с каждым днем, то фашистские подстрекатели стараются подавить растущую оппозицию окриками и угрозами...

Единственный результат фашистского «похода за повышение производительности» заключается лишь в том, что классовые противоречия в сельском хозяйстве и соответственно противоречия между с.-х. трудом и аграрным капиталом, между батраком и кулаком, между деревенской беднотой и деревенской буржуазией углубляются еще больше, что следовательно «опасность взрыва», о которой не раз писал Дарре, надвинется еще ближе...

(Журн. «Аграрные проблемы» № 2 за 1935 г.).

А. Виленчук

ПРОБЛЕМЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО СЫРЬЯ В «ТРЕТЬЕЙ ИМПЕРИИ»

Узкая продовольственно-сырьевая база всегда являлась ахиллесовой пятой германского империализма. Германия вступила в войну с сельским хозяйством, которое едва покрывало 70% наиболее ценных продуктов питания, и с промышленностью, ряд решающих отраслей которой работал полностью или в значительной мере на ввозном сырье. Руководители вильгельмовской Германии тем не менее форсировали летом 1914 г. развязывание военного конфликта не только в силу своей бездарности. В со-

ответствии с общей военностратегической концепцией генерального штаба германские верхи ориентировались на молниеносную войну, а в Германии накануне войны были накоплены огромные товарные запасы, стоимость которых определялась в 25 млрд. марок. Сырье и продовольствие занимали здесь далеко не последнее место.

Но неблагоприятный для Германии результат первой битвы на Марне уже скоро выявил, что по крайней мере на западном фронте предстоит изнурительная позиционная война. Запасы же начали иссякать. Лишь на-ходу, преодолевая огромные препятствия, правящие клики начали шаг за шагом перестраивать частнохозяйственный аппарат применительно к экономической обстановке осажденной крепости.

Исход войны в конечном счете вряд ли изменился бы, если план хозяйственной мобилизации Германии был бы разработан с ориентировкой на длительную войну. Но монополистический капитал послеверсальской Германии крепко запомнил уроки 1914—1918 гг. Веймарская республика в последние годы своего существования, идя навстречу заэльбским юнкерам, начинает предпринимать практические шаги к расширению собственной продовольственной базы. Но все эти мероприятия отходят на второй план перед той военно-автаркистской вакханалией, которая разыгрывается в Германии со времени установления фашистской диктатуры.

Жиры, руда, нефть, древесина, текстильное сырье и каучук — вот те основные статьи продовольственно-сырьевого баланса, над ликвидацией или смягчением структурного пассива которых бьется фашистская Германия. Упорные попытки, предпринимаемые сейчас «Третьей империей» в этом направлении, в основном стимулируются отнюдь не заботами о торговом и расчетном балансе. Об этом за последнее время все более открыто говорят руководители ее хозяйственной политики и в частности Шахт. Это подтверждается рядом бесспорных фактов. Ламентации об отсутствии девиз нужны главным образом для того, чтобы не платить по внешним обязательствам.

Потребности в импортном сырье для нужд вооружения до сих пор удовлетворялись полностью. Одновременно фашистская Германия направляет значительную часть своих технических ресурсов на производство заменителей и суррогатов.

Металл

Оборудование германской черной металлургии — одно из самых мощных в капиталистическом мире и уступает по объему лишь США. Но даже до войны, когда Эльзас-Лотарингия входила в состав Германии, последняя ввозила из-за границы около четверти железной руды, потреблявшейся внутри страны. На послеверсальской территории Германии имеются всего два более или менее значительных района по добыче железной руды — Зи-

герланд и Лан-Диль, до недавнего времени покрывавшие не свыше 15% потребностей. Подавляющая масса железной руды ввозилась и ввозится из Швеции, Марокко и Испании. Еще меньшую роль (около 10%) до сих пор играли руды внутреннего происхождения в балансе потребления важнейшего из цветных металлов — меди. Не намного лучше обстоит дело и с прочими цветными металлами.

Добыча железной руды в Зигерланде и Лан-Диле даже при разработке относительно более богатых пород этих районов едва достигала грани рентабельности. Однако благодаря государственным субсидиям производство за последние два года начало здесь расти. До каких однако пределов ни доводить здесь субсидии, по самым оптимистическим подсчетам руды названных районов могут покрыть не свыше 25% потребностей. В связи с этим за последнее время всерьез ставится вопрос о разработке бурых железняков Юго-западной Германии. Вопрос о разработке этих руд, содержащих не свыше 15% железа, до сих пор вообще не ставился. За последнее время как будто обнаружена возможность их обогащения до 55%.

Следует еще упомянуть о более широком использовании так называемых суррогатов железных руд, т. е. соединений заводского или фабричного происхождения, содержащих железо, и наконец замене железа другими строительными материалами, в частности железных конструкций бетоном, например при постройке мостов.

Единственные в Германии значительные медные рудники в Мансфельде всегда были нерентабельными. Субсидирование их началось еще задолго до установления фашистской диктатуры. В случае увеличения субсидий добычу при самых благоприятных условиях можно было бы здесь поднять до 15—20% потребностей. Поэтому основные усилия направлены сейчас в Германии к созданию заменителей, которые дали бы возможность сократить потребление меди. Уже началась замена меди другими материалами при производстве предметов широкого потребления. Несравненно больший эффект могут дать мероприятия по замене меди в производственном потреблении и в первую очередь в электротехнической промышленности. Видную роль в качестве заменителя меди здесь играет алюминий.

Что касается самого алюминия, то его производство, покрывающее потребности Германии, целиком базируется на импортном боксите (из Югославии и Франции). За последнее время делались опыты замены последнего германским сырьем. Результаты этих опытов остаются под сомнением. До сих пор германские промышленники отклоняют применение германской глины в качестве исходного сырья как нерентабельного и требующего переоборудования действующих заводов.

Нефть

Одним из наиболее уязвимых мест в сырьевой базе Германии является ее крайняя бедность естественными источниками неф-

ти. До империалистической войны. Германия развивала экспансию в поисках нефтяных месторождений во всем мире и добилась значительных успехов в Румынии и Галиции. Но стратегические соображения заставили ее уже тогда и особенно во время войны усиленно работать над получением жидкого топлива из угля. Исследования в этой области усилились в послеверсальской Германии, лишенной внешних нефтяных ресурсов.

Еще задолго до прихода наци к власти производство синтетического бензина путем гидрогенизации угля начало приближаться к промышленному воплощению. Но построенный химическим трестом в Лейне завод развивал продукцию синтетического бензина довольно медленно, ибо его продукт, несмотря на значительные дотации, оказался неконкурентоспособным. Еще раньше приобрело большое значение производство заменителя нефтяного бензина, так называемого б е н з о л а. В качестве моторного горючего приобрел значение спирт. Но рост внутренних ресурсов не поспевал за ростом потребления нефтепродуктов в Германии. Импорт последних в докризисные годы значительно превосходил довоенный импорт. В частности бензина ввозилось в шесть раз больше.

С установлением фашистской диктатуры поиски внутренних ресурсов в целях освобождения от необходимости импорта нефти приняли лихорадочный характер. Всеобщее внимание привлек примерно полгода назад ажиотаж, созданный бандой авантюристов вокруг акций нефтеразведочных компаний в Ганноверском районе. Но шансы открытия новых нефтеносных полей в Германии ничтожны. Добыча из существующих источников в связи с усилением субсидий за последние два года, правда, возросла. Она составляла в 1933 г. 240 тыс. *т* против 120 тыс. *т* в 1929 г., а в 1934 г. вероятно поднялась до 300 тыс. *т* и этим приблизилась к лимиту. Между тем это количество не составляет и 15% потребностей Германии.

Центр тяжести автаркистских планов «Третьей империи» в части нефти — в производстве с и н т е т и ч е с к о й н е ф т и. Производство синтетического бензина в Лейне в 1934 г., по данным фашистской печати, равнялось 150 тыс. *т* (в 1933 г. 50 тыс. *т*), т. е. вдвое превосходило производство бензина из германской натуральной нефти. В ближайшие годы, судя по данным хорошо информированного берлинского корреспондента «Нью-Йорк таймс» (2/XII 1934 г.) Толишуса, химический трест намерен довести это производство до 300 тыс. *т*.

В октябре 1934 г. декретом Шахта при участии государства была создана специальная организация для производства бензина из бурого угля. Буроугольная промышленность с этой целью была объединена в принудительный синдикат, участники которого были обложены двумя марками с каждой тонны добываемого бурого угля. Мобилизуемые таким образом средства должны пойти на постройку крупнейшего завода по производству синтетического бензина. Основной капитал нового общества намечен в 100 млн. марок, а производство нефти намечается здесь уже для бли-

жайших лет в 400 тыс. *т* в год и в дальнейшем производство должно быть доведено до 1 200 тыс. *т*. Наряду с этим намечается увеличение производства бензола, выпуск которого уже сейчас достигает около 300 тыс. *т*.

«Нефтяная программа Германии, — писал уже цитированный выше корреспондент «Нью-Йорк таймс», — чрезвычайно амбициозна. Она стремится не больше не меньше, как на 100% удовлетворить потребности Германии... В качестве коммерческого предприятия это сплошной убыток. Но цена сейчас не может явиться препятствием к осуществлению этой программы».

В более высоком штиле то же самое говорит и национал-социалистская печать.

Текстильное сырье

Мизерная сырьевая база текстильной промышленности с самого зарождения германского империализма является предметом особых забот командующих классов этой страны. Тяжелые уроки первой империалистической войны усилили эти заботы. Но сколько-нибудь существенно расширить сырьевую базу текстильной промышленности Германии до сих пор не удалось. Ввоз из-за границы всех видов текстильного сырья составляет около 1 млрд. марок и чрезвычайно отягощает внешнеторговый баланс.

Национал-социалистская печать пестрит всякого рода проектами, направленными к ослаблению импортной зависимости текстильной промышленности Германии. Среди этих проектов много такого, что уже выдвигалось раньше: увеличение овечьего стада, регулирование текстильного рынка отходов и тряпья, расширение площади посевов льна, усиление производства искусственного шелка, подмешивание асбеста, пеньки и т. д. Во всех этих проектах много элементов утопии и шарлатанства. Все эти мероприятия вместе взятые в лучшем случае могут поднять сырьевые ресурсы текстильной промышленности до 15—20% потребности.

Радикального разрешения текстильной проблемы фашистская Германия сейчас ищет на путях массового производства искусственного волокна, имеющего, как и искусственный шелк, исходным сырьем целлюлозу. Еще в 1919 г. в лабораториях химического треста (И. Г. Фарбениндустри) производились опыты с получением из древесины волокна, которое могло бы заменить естественный хлопок и шерсть.

Широкую известность результаты опытов И. Г. Фарбениндустри получили лишь в прошлом году, когда в продаже появилась так называемая «вистра».

Вистра, как и искусственный шелк, получается из целлюлозы. В отличие от длинного волокна искусственного шелка волокно вистры имеет длину в 3—4 *см*. Путем химического воздействия волокну придается извилистость, приближающая его к форме шерсти или хлопка. Из волокон создается сплошная войлокооб-

разная масса, из которой путем дальнейшей обработки получается синтетическая пряжа. Смесь из вистры и натуральной шерсти дает так называемую «вольстру». Смесь вольстры с натуральным шелком дает «силестру» и т. д. Касаясь всех этих видов синтетического волокна, упомянутый выше Фрид писал:

«Постановкой этого производства мы в состоянии полностью обеспечить нашу потребность в волокне из внутренних ресурсов, особенно если учесть возможность усиления производства натурального волокна. Тем самым германская древесина наряду с углем превращается в один из жизненно наиболее важных видов германского сырья».

И. Г. Фарбениндустри, по данным хорошо информированного берлинского корреспондента «Нью-Йорк таймс», к концу 1934 г. производил около 3 *т* вистры в день, или 1 000 *т* в год. В 1935 г. производство повидимому достигнет 40 тыс. *т*. К концу 1937 г., по данным того же автора, продукция должна быть доведена при помощи государственных дотаций до 187 тыс. *т*[1]. Чтобы дать представление о порядке этой величины, достаточно указать, что в Германию в среднем ввозится около 1 млн. *т* текстильного сырья всех видов. По самым оптимистическим подсчетам искусственное волокно вместе со всеми прочими натуральными ресурсами может, «абстрактно говоря», удовлетворить около 40—50% потребности. Но только «абстрактно говоря», т. е. отвлекаясь от ряда решающих экономических факторов.

И. Г. Фарбениндустри пустил в ход все имеющиеся в его распоряжении средства для рекламирования своей продукции, а правительственный и национал-социалистский аппараты шли ему всячески навстречу. В пользу синтетического волокна вели пропаганду ателье мод, радио, кино, школьные учителя, профессора университетов, лекторы и т. д. Платье из вистры и вольстры, несмотря на огромные дотации, все же на 40—50% дороже, чем платье из импортной пряжи, а качеством намного хуже. Внешний вид платья из вольстры и вистры вполне приемлем, но по истечении небольшого времени оно теряет свою внешнюю прелесть. После дождя оно полностью теряет всякое подобие пристойности. Берлинцы высмеивают штурмовиков, для которых была заказана форменная одежда из вольстры; они говорят, что при парадах штурмовикам придется брать с собою зонтики, и добавляют при этом, что последние помогут лишь в том случае, если они не будут сделаны из вольстры или вистры.

Искусственный шелк, полученный графом де Шардоне, впервые демонстрировался на парижской выставке в 1889 г. Понадобилось три с лишним десятилетия, прежде чем искусственный шелк превратился в конкурентоспособный объект фабричного производства. При той тайне, которой И. Г. Фарбениндустри окружает производство, трудно сказать, имеем ли мы здесь дело с «детскими болезнями» в производстве нового синтетического

[1] Согласно данным «Паризер тагеблат» (27 мая 1935 г.) программа сокращена до 70 тыс. *т*.

сырья или же с какими-то органическими дефектами. Во всяком случае до превращения вистры и вольстры в конкурентоспособный товар еще очень далеко.

Мы здесь не касаемся других попыток использования древесины для массового производства заменителей и суррогатов, начиная от сахара и кончая двигательным газом. Все эти попытки заслуживают самого тщательного внимания со стороны наших техников. Но экономически все эти открытия, если даже откинуть явно шарлатанские эксперименты, не имеют пока шансов на широкое применение. В условиях мирного времени фабричное производство суррогатов будет развиваться медленно. Шансы на успех они безусловно могут иметь в условиях военного хозяйства.

В целом же, несмотря на бешеные потуги, и «Третьей империи» далеко еще не удалось разрешить проблему «самодовления» в части основных видов стратегического сырья. Проблема стратегического сырья продолжает оставаться ахиллесовой пятой германского империализма.

(«За индустриализацию» от 23 февраля 1935 г.).

М. Кильбах

ПОДГОТОВКА ГЕРМАНСКОГО ТРАНСПОРТА К ВОЙНЕ

Одно из важнейших мест в системе подготовки хозяйства «Третьей империи» к войне занимает железнодорожный транспорт. Руководящие военные круги гитлеровской Германии не скрывают необходимости полного подчинения транспорта интересам военной подготовки. В недавно вышедшей в свет официальной брошюре военного министерства, носящей характерное название «Транспорт на переломе», со всей откровенностью подчеркивается значение железных дорог как орудия военной политики. В этой брошюре говорится:

> «Экономика страны требует усиления и дальнейшего развития железных дорог как средства транспорта вообще. Однако гораздо более существенным для настоящего и для будущего является создание такой организации средств транспорта, которая была бы в состоянии помочь военным силам в деле обороны страны».

В этой же брошюре, кстати, особо подчеркивается, что «интересы обороны» требуют прекращения борьбы между железными дорогами и автомобильным транспортом.

Задачам максимального приспособления транспорта к ускорению переброски людей и грузов на случай войны подчинена и та

перестройка, которая проведена гитлеровским правительством на железных дорогах. Уже в истекшем году был проведен ряд опытных мобилизаций германских железных дорог.

26 августа 1934 г. германские дороги перебросили одновременно 490 тыс. чел. к двум различным пунктам. В Кобленц и Эренбрейтштейн (Рейнская область) для участия в демонстрации в пользу присоединения Саарской области к Германии 187 специальными поездами было переброшено 190 тыс. чел. Одновременно 30 тыс. чел. было перевезено туда же поездами, идущими по нормальному расписанию. Все эти 220 тыс. чел. были переброшены туда и обратно в течение 48 часов. В тот же день для участия в фашистской демонстрации в Бреславле (Силезия) 258 специальными поездами было переброшено 270 тыс. чел. Перевозка туда и обратно была проделана за 36 часов.

Во время фашистского партийного съезда в Нюренберге с 5 по 10 сентября 1934 г. 524 специальными поездами туда было переброшено 570 тыс. участников и гостей съезда и 200 тыс. было перевезено обычными поездами. Наконец для участия в «празднике урожая» 30 сентября на горе Бюккеберг (около Гамельна в Ганновере) в течение 38 часов 163 специальными поездами было перевезено туда и обратно 170 тыс. чел. Эта операция тем более знаменательна, что в районе празднества нет ни одной крупной железнодорожной станции. Прием и отправление поездов и размещение порожних составов происходили на пяти маленьких сельских станциях, имеющих не более 3—5 запасных путей каждая. Работа железнодорожного персонала здесь в большей степени, чем в предыдущих случаях, приближалась к прифронтовой обстановке.

Характерно отметить, что согласно только что опубликованному годовому отчету управления германских железных дорог около двух третей пассажиров в 1934 г. было перевезено по льготным тарифам (для поездок, организуемых фашистским обществом «Сила — в радости», льготы доходят до 75%).

Обратимся теперь к капиталовложениям на самой железнодорожной сети. Даже беглое ознакомление с теми мероприятиями, которые проводят сейчас германские дороги, говорит о лихорадочной подготовке транспорта «Третьей империи» к войне. За последние два года германские дороги — и это надо особо подчеркнуть — развернули огромные работы по усилению своей пропускной и провозной способности.

На 10 458 *км* главных магистралей укладываются тяжелые 30-метровые рельсы весом до 59 *кг* на погонный метр. Около 40 млн. марок в год затрачивается на усиление баласта и дренажные работы, около 10 млн. — на увеличение радиуса кривых. Чтобы повысить пропускную способность, на наиболее загруженных линиях увеличивается число блокпостов. На протяжении 3 тыс. *км* ведутся опыты применения различных систем индуктивного сигнализирования в кабине машиниста и т. д.

Как указывает вышеотмеченный отчет газеты «Кельнише цей-

тунг» (от 24 мая 1935 г.), за 1934 г. государственные железные дороги провели большие работы по укреплению мостов. Нового подвижного состава железные дороги за последний год получили на 126,5 млн. марок (против 88,5 млн. марок в 1933 г.) На 1935 г. на те же цели намечено израсходовать 193,5 млн. марок.

Большая шумиха за последние месяцы поднята вокруг повышения скоростей как в пассажирском, так и в грузовом сообщении. Фашистские газетные писаки кричат о наступлении новой эры на железнодорожном транспорте «Третьей империи». Генеральный директор государственных железных дорог Дорпмюллер в докладе, прочитанном 17 ноября 1934 г. в Ганновере, заявил, что уже в 1934 г. на 3 058 км (10% общего протяжения главных магистралей) экспрессы циркулировали со скоростью свыше 100 *км* в час. Дорпмюллер бросил лозунг — довести скорость пассажирских экспрессов до 160 *км* в час, товарных — до 80 *км* в час. Согласно отчету управления ж. д. средняя скорость товарных поездов в 1934 г. была доведена до 65 *км* в час.

Большое внимание уделяется процессу электрификации железных дорог (в этой области Германия отстала: лишь 3,9% всей ж.-д. сети Германии электрифицированы). За один 1934 г. электрифицировано 177 *км* пути и начата стройка дополнительных 200 *км* электрифицированного пути.

На 1935 г. промышленности заказано 186 дизель-электрических автомотрисс с прицепами (в том числе 19 сверхскоростных и двух- и трехвагонных типа «Летучего гамбуржца»), развивающих скорость до 160 *км* в час. Кроме того для электрифицированных линий в центральной и южной Германии и Силезии в I квартале 1935 г. заказано 28 электрических моторных вагонов, дающих максимальную скорость в 120 *км* в час и 3 моторных вагона обтекаемой формы с максимальной скоростью в 160 *км* в час.

По программе «моторизации» ж.-д. транспорта, разработанной правлением Общества германских государственных железных дорог, сверхскоростные автомотриссы в течение 1935 и 1936 гг. заменят все пассажирские экспрессы на 22 магистральных линиях протяжением в 9,3 тыс. *км*. Эти линии соединяют Берлин со всеми крупными центрами страны и с рядом важных пограничных пунктов.

Одновременно производятся опыты с мощными паровозами обтекаемой формы облегченного веса, построенными на известных заводах Борзига и Геншеля. Такие паровозы должны обеспечить скорость до 175 *км* в час с поездами нормального веса.

Наряду с моторизацией самих железных дорог Общество государственных железных дорог, следуя прямым директивам Гитлера, за истекшие два года развило большую сеть собственных регулярных автогрузовых и автобусных линий.

Далее неслучайно гитлеровское правительство передало начатую два года назад постройку новых стратегических автострад (так называемых государственных автомобильных дорог) в распоряжение управления германских железных дорог...

Новым моментом в военной подготовке транспорта является то, что в 1934 г. управление германских железных дорог открыло собственные воздушные линии. Как сообщает Вудман в своей книге «Германия вооружается», железнодорожное ведомство заказало недавно фирме Дорнье целую серию трехмоторных тяжелых «ночных постовых самолетов» для перевозок грузов на пути Берлин — Кенигсберг.

Эти факты показывают, что основной задачей всех капиталовложений (повышение скоростей, моторизация, сочетание работы железных дорог с автотранспортом и авиацией) являются повышение мобильности транспорта и приспособление его для войны на два фронта: на западе и на востоке.

Гитлеровская Германия пытается приспособить уже в мирное время все народное хозяйство к военным нуждам. Орган рейхсвера «Дейче вер» (от 2 мая 1935 г.) недавно писал:

> «Переход от мира к войне должен для нашего хозяйства означать не что иное как простую перемену вывески, все остальное должно действовать попрежнему».

Делая ставку на неожиданный удар и молниеносное вторжение, германские генштабисты теперь, в мирное время, приспособляют железные дороги для обслуживания фронта и главное — для обеспечения сверхбыстрой переброски армий на театр военных действий.

Для того чтобы застраховать себя от «непокорности» железнодорожного пролетариата, фашисты всеми мерами «очищают» транспорт от революционных элементов и содействуют насаждению своих фашистских организаций на транспорте. Этой задаче служили в частности и проведенные 12 и 13 апреля 1935 г. «выборы» в так называемые «советы доверия», которые после разгона профсоюзов являются фашистской карикатурой на прежние фабзавкомы. Тот факт, что «выборы» эти, проведенные по всем правилам полицейско-палочной «демократии», не дали фашистам нужных им результатов, весьма знаменателен! Он свидетельствует о том, что оглушить германских железнодорожников террором и военно-шовинистическими речами куда труднее, чем пустить лишний десяток скоростных поездов для перевозки войск и военных грузов.

(«Гудок» от 16 июня 1935 г.).

М. Кобелев

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ГЕРМАНСКИХ АВТОСТРАД

С 19 мая 1935 г. в Германии открыт для движения головной участок автострады (специальные автомобильные дороги), которая соединит Гамбург с Франкфуртом на Майне и с Швейцари-

ей. Законченный участок соединяет Франкфурт на Майне с Дармштадтом.

В связи с развертыванием строительства автострад национал-социалисты утверждают, что они первые подняли на щит автомобилизацию Германии и строительство образцовых дорог. Однако исторические факты говорят, что национал-социалисты явились лишь простыми исполнителями планов, намеченных еще в конце мировой войны германским командованием.

Накануне мировой войны генеральными штабами великих держав игнорировались важнейшие факторы подвижности — автомобиль и трактор. Во всех расчетах принималась во внимание только подвижность человека и лошади, а из механической тяги — только провозная способность железных дорог.

Однако мобилизация и сосредоточение многомиллионных армий, непрерывный рост военной техники и потребностей питания фронта, а также необычайный рост размеров театров войны заставили руководство империалистических армий пересмотреть свои взгляды на использование различных средств транспорта.

История мировой войны знает несколько случаев, когда успешное применение автомобильного маневра (переброски войск с оперативной целью посредством автомобильного транспорта) решало исход операций. К концу мировой войны автомобильные перевозки войск стали обычным явлением во всех воюющих армиях. Если в сентябре 1914 г. французский автотранспорт перевозил примерно 200 тыс. чел., то уже в течение 20 дней в июле 1918 г. он перевез более 1 млн. чел.

Это вынуждает германское командование форсировать внедрение автотранспорта в действующие армии, моторизируя их тылы. При армиях и корпусах, а затем и дивизиях развертываются автотранспортные колонны. Если в начале мировой войны Германия использовала только одну шестнадцатую своих автомобильных ресурсов, то к 1918 г. она добилась использования для нужд войны основной части автомобильных ресурсов страны.

Наиболее широко германское командование использовало автотранспорт на восточном фронте военных действий. Отсутствие хорошо развитой железнодорожной сети компенсировалось автотранспортом.

По германским расчетам, для переброски пехотной дивизии требуется 58 автоколонн по 60 *т* каждая или по 20 трехтонных грузовиков. Всего 1 160 автомашин. В резерве — 2 автоколонны. Собственными штатными средствами передвигаются: штабы, рота противотанковых орудий, броневые части разведотряда, штабная батарея, моторизированные части саперов и связи, все моторизированные обозы. По железным дорогам следуют (20 эшелонов) конные части и лазареты, грузы не первой очереди.

Если перевести все это на автопереброску, то для переброски всех частей дивизии потребуется автотранспортная группа в составе около 650 легковых машин, 6 700 грузовиков и 1 200 мотоциклов. Организация автомобильных частей в Германии установлена применительно к типу, выработавшемуся в период мировой войны.

Массовые автоперевозки на всех фронтах уже во время мировой войны ребром поставили вопрос о военно-дорожном хозяйстве и строительстве специальных стратегических дорог. В годы мировой войны дело ограничивалось главным образом только ремонтом и поддержанием в удовлетворительном состоянии существующих шоссейных и грунтовых дорог. Из опыта массового применения автотранспорта в последние годы войны родилась идея постройки специальных автомобильных дорог, так называемых автострад.

Эти дороги должны удовлетворять следующим требованиям: обладать повышенной прочностью, шириной проезжей части и крутизной поворотов, обеспечивающими безопасность движения со значительными скоростями.

Все эти требования были учтены при проектировании автострад в Германии. Недаром генеральный инспектор германского дорожного ведомства доктор-инженер Тодт и его ближайшие помощники Шенлебен, Дорпмюллер, Рудольфи, Хоф, Пюккель, Эйтель и др. в годы мировой войны служили в армии и после ее окончания специализировались на дорожном строительстве. Инженер Тодт с января 1923 г. связан с фашистским движением. Он близок к руководству национал-социалистской партии и пользуется личным доверием Гитлера.

Стратегическое значение строящихся автострад выходит далеко за пределы обычного «упорядочения дорожного хозяйства». Гитлер в речи на открытии автомобильной выставки 8 марта 1934 г. заявил: «По сравнению с западными соседними большими европейскими государствами Германия должна была бы обладать автомобильным парком в 3 млн. машин. На деле в Германии имеется только немногим более 500 тыс. машин». Гитлер добавил, что «в Германии, в такой мощной индустриальной стране, с более чем 50 большими городами, не может быть меньше средств автотранспорта, чем в других европейских странах, вместе взятых». Таким образом открыто провозглашена программа такого усиления автотранспорта, которая значительно превосходит нормальные потребности народного хозяйства.

В «Берлинер берзенцейтунг» 10 мая 1935 г. помещена беседа с инженером Тодтом. В этой беседе приведен ряд интересных данных о ходе строительства автострад. 23 сентября 1933 г. Гитлер лично открыл строительство первой автострады во Франкфурте на Майне. На работу было мобилизовано 700 рабочих из «лагерей трудовой повинности», как известно, руководимых бывшим полковником рейхсвера Гирлем. Всего на строительстве автострад в настоящее время занято 93 тыс. рабочих, а в течение этого года их число должно быть доведено до 120 тыс. Кроме того на подсобных работах в каменоломнях, на строительстве мостов и пр. занято еще 150 тыс. рабочих.

Из намеченной программы в 7 тыс. *км* а в т о с т р а д в настоящее время в постройке находится 1 500 *км*. Кроме того еще 1 500 *км* дорог подготовлено к постройке, и в настоящее время разрабатываются проекты постройки еще 2 тыс. *км* дорог. О масштабе про-

изведенных работ говорят следующие данные. Вырыто 60 млн. $м^3$ земли. Переработано 800 тыс. $м^3$ бетона. 90 тыс. $м^3$ железобетона и 72 тыс. *т* стали и железа. Всего отработано 18 млн. трудодней.

Выступая с речью 1 мая 1934 г. на месте строительства одной из первых дорог, Гитлер заявил, что еще в 1934 г. на строительство автострад будет израсходовано 2—3 млрд. марок. По данным германской печати, строительство 1 *км* законченного участка автострады обошлось в 500—700 тыс. марок. Это означает, что строительство всех намеченных 7 тыс. *км* обойдется свыше 3,5 млрд. марок.

Для руководства всем автодорожным строительством организовано управление генерального инспектора дорожного ведомства с отделами в следующих городах: Франкфурт на Майне, Штутгарт, Мюнхен, Нюренберг, Галле, Дрезден, Бреславль, Берлин, Штеттин, Кенигсберг, Ганновер, Альтона, Кассель, Эссен и Кельн. Этим отделам подчинены 68 участковых строительных контор. Все управления дорожного строительства расположены по соседству с центрами военного командования.

Что представляют собой германские автострады?

Дороги нигде не перекрещиваются в одной плоскости как между собой, так и с дорогами других типов. Ширина каждого пути — 7,5 *м*. Между путями находится специальная полоса с зелеными насаждениями. Материалы для строительства дорог выбраны с таким расчетом, чтобы коэфициент трения не зависел от погоды и оставался почти одинаковым в сухую и сырую погоду. Этим обеспечиваются скоростность и безопасность движения. Особое внимание обращается на прочность мостов.

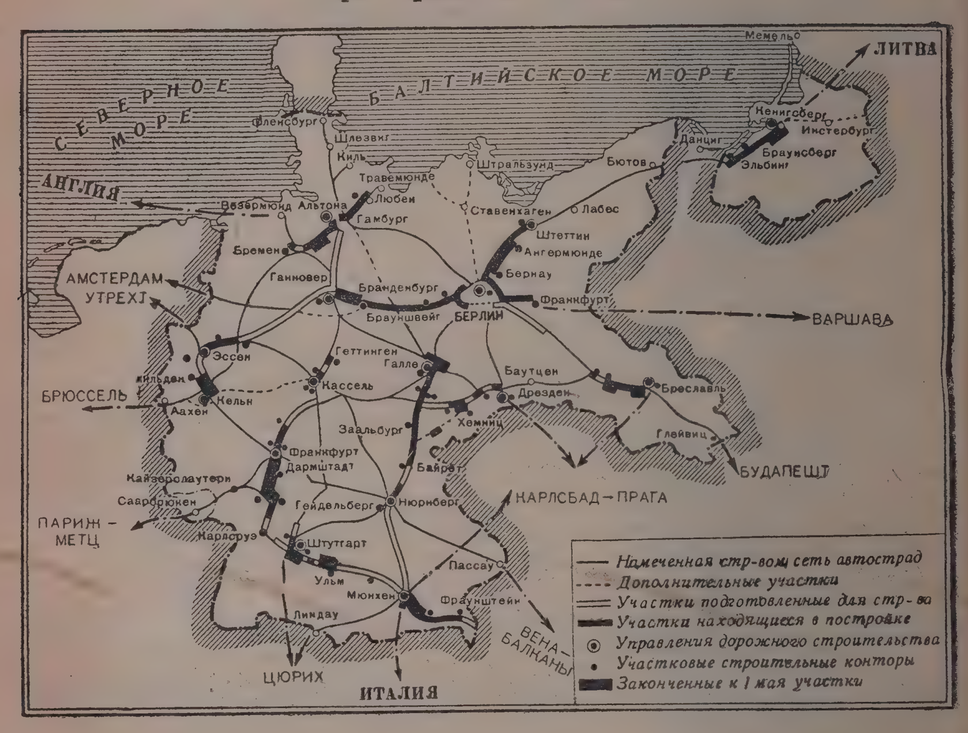
Уже сейчас закончена постройка специальных мостов над реками Майном и Неккаром, над предальпийскими потоками и горными ущельями, над реками Заале, Эльбой, Одером и др. В пределах общей сети автострад протяжением в 7 тыс. *км* будет построено около 10 тыс. мостов. Кроме автострад, по словам инженера Тодта, в Германии существует около 40 500 *км* государственных дорог и около 83 тыс. *км* полевых дорог. В ближайшее время заканчивается строительство и второго участка у Мюнхена. Осенью вступит в эксплоатацию новых автомобильных дорог 390 *км*. В 1935 г. всего должно быть закончено 400—500 *км*. Начиная с 1935 г. ежегодно в эксплоатацию будет вступать 1 тыс. *км* автострад.

В непосредственной близости от дорожного полотна развертывается строительство служб снабжения горючим, ремонтных мастерских, парков осмотра, гаражей легковых и грузовых машин, всевозможных складов и пр. Каждое моторизированное соединение возит с собой не менее 3 полных заправок горюче-смазочных материалов и в силах без пополнения ими пройти 500—600 *км*. Наличие на автострадах питающих баз и автомастерских обеспечит использование скоростного грузового автотранспорта на больших расстояниях. Образцовое состояние автострад, по германским данным, допускает среднюю скорость даже грузового движения до 80 *км* в час.

Недаром на всех последних автомобильных выставках в Германии демонстрируются машины, приспособленные к повышенным скоростям. Усовершенствуются шасси, улучшаются применяемые материалы, вводятся дизельмоторы и пр. Например фирма Круппа на последней берлинской автомобильной выставке демонстрировала 6,5-тонный грузовик с дизельмотором в 120 л. с., рассчитанным на скорость, равную 70 *км* в час.

Ознакомление со схемой новых автострад в Германии убеждает в том, что их строительство н о с и т с т р а т е г и ч е с к и й

Карта германских автострад

х а р а к т е р. Все дороги подведены к границам именно в тех направлениях, по которым мыслятся оперативное развертывание и наступление германских армий. В частности большинство автострад подведено к границам Франции, Бельгии, Швейцарии, Чехословакии, Польши и через Восточную Пруссию к Литве. Автострады и примыкающие к ним дороги строятся с таким расчетом, чтобы непосредственно с них можно было переехать на внутренние дороги соседних государств. В особенности это относится к дорогам, которые направлены в сторону Франции, Бельгии, Польши и Литвы.

В зарубежной военной печати приводятся всевозможные расчеты возможной пропускной способности автострад. Конструирование специальных грузовых машин (скорость до 70—80 *км*) дает

возможность увеличить пробег машин до 1 тыс. *км* и больше в сутки. При этих условиях вполне возможна переброска армии в составе 5 стрелковых корпусов с западной границы на восточную за 14—16 часов. При наличии большого автомобильного парка разрешение такой задачи не встречает особых трудностей.

Наличие автострад дает возможность в необходимый момент сосредоточить в любом направлении ударную группу войск, изменяя таким образом соотношение сил на различных участках фронта. Обращает на себя внимание, что в первую очередь форсируется строительство автострад в направлении юго-западных границ Германии.

Так шаг за шагом развертывается форсированная подготовка к войне фашистской Германии, одним из важных показателей которой является строительство автострад.

(«Правда» от 31 мая 1935 г.).

Г. Шульц

ЗА ЧЕЙ СЧЕТ ВООРУЖАЕТСЯ СОВРЕМЕННАЯ ГЕРМАНИЯ?

Став у власти, германский фашизм торжественно прокламировал ликвидацию эры «либерального автоматизма в хозяйстве» и наступления новой эпохи — «активного вмешательства государства в хозяйственную жизнь». С тех пор с порядка экономического дня Германии не сходит таинственная и до сих пор еще нерешенная проблема «Initialzündung», т. е. того «первоначального толчка», который должен быть дан государственной властью хозяйству, чтобы последнее затем заработало полным ходом само по себе.

Всякий раз, когда «автомат» германского хозяйства затихает после очередного «толчка», фашистские шифии выступают на сцену и начинают вещать. Одни утверждают, что дело в «Atempause» — «передышке», необходимой время от времени даже автомату; другие заявляют, что автомат хозяйства подобен морю: «Нужно подождать, пока придет другая волна»; третьи загадочно намекают на некий «таинственный ритм», «свойственный» внутренней жизни любого хозяйственного автомата.

Факт однако остается фактом: начиная с июня 1934 г., «автомат» германского хозяйства требует непрерывных «толчков» со стороны государства уже не для того, как это было в конце 1933 и в начале 1934 г., чтобы после очередного толчка крутиться немного более быстро, чем прежде, а для того чтобы не потерять уже достигнутого темпа или не остановиться вовсе.

Фашистские экономисты в своих мечтах исходили из смутного представления о современном развитии капиталистического цикла. Кризис кончился. Наступила депрессия. За депрессией

должен последовать новый подъем. Облегчить этот подъем призван «первоначальный толчок».

Попробуем однако представить себе трезво масштабы проблемы. Последний подъем германского хозяйства (1926—1929 гг.) был, как известно, в основном связан с тем фактом, что в течение 1924—1929 гг., т. е. за 6 лет, в германское хозяйство была инвестирована (вложена) огромная сумма нового капитала — свыше 84 млрд. марок. Эти 84 млрд. марок и были реальными «дрожжами» подъема, — его, если хотите, действительным «толчком».

Спрашивается, какого же размера инвестиции нужны сейчас, чтобы вызвать новую волну подъема, аналогичную волне 1926—1929 гг., если подлежащий «оживлению» производственный аппарат сейчас несравненно более мощен, чем он был в 1924 г.? Стоит только поставить вопрос, чтобы отчетливо видеть, что германскому фашизму и мечтать нельзя собственными силами привести в движение колосс, раскачивающийся всерьез лишь от «толчков» весом в 100 млрд. марок!

Ценою весьма рискованных мероприятий фашизму с помощью военных инвестиций удалось повысить загрузку существующих промышленных предприятий до 62% их мощности. Однако ему не удалось — и по самой сути дела не могло конечно удаться — вызвать новую волну инвестиций в стране.

Военные заказы были главным средством повышения загрузки промышленных предприятий за последнее время. Однако военные заказы, как и всякие заказы, имеют ту неприятную особенность, что они рано или поздно должны быть оплачены.

Возникает естественный вопрос: откуда германский фашизм взял те миллиарды марок, которые нужны были ему для оплаты как прямых расходов на военную подготовку, так и расходов на те военно-стратегические и военно-фортификационные работы, которые известны в Германии под широковещательным названием «Arbeitsbeschaffungsprogramm» (программы общественных работ)?

П е р в ы м к а н а л о м, по которому шло финансирование военной подготовки германского фашизма, являлись конечно прямые ассигнования по государственному бюджету. На 1934/35 финансовый год (с апреля по апрель) эти ассигнования определены были примерно в 1,5 млрд. марок, в том числе 900 млн. марок, непосредственно на военное ведомство, 250 млн. марок — на так называемую «добровольную трудовую повинность» — суррогат ныне введенной всеобщей воинской повинности, и 362 млн. марок — на так называемые «общественные работы». Действительные расходы по всем этим статьям значительно превышают однако бюджетные предположения. Германская статистика по понятным причинам не публикует данных о ходе выполнения прямого военного бюджета, определенного официально, как указано выше, в 900 млн. марок. Однако данные, публикуемые о ходе выполнения бюджета по полувоенным статьям вроде «добровольной трудовой повинности» и «общественных работ», заставляют предполагать, что и по линии прямого военного бюджета

в этом году будут крупнейшие перерасходы. Расходы на «трудовую повинность» составили например за первые 9 месяцев 1934/35 финансового года 261 млн. марок против 250 млн. марок, предназначенных на весь год. Расходы же на «общественные работы» составили за эти 9 месяцев 711 млн. марок против 362 млн. марок, предназначенных на весь год. Таким образом, только по этим двум «невинным» статьям военного бюджета перерасход за 9 месяцев против годовых ассигнований достигает 360 млн. марок. В общем и целом бюджетные расходы за 9 месяцев текущего финансового года превысили прошлогодние расходы на 1 230 млн. марок. Не подлежит сомнению, что подавляющая часть этого перерасхода вызвана усиленной военной подготовкой Германии. Мы не ошибемся, если предположим, что действительные расходы по вышеупомянутым трем военным статьям бюджета достигли в 1934/35 финансовом году 2,5 млрд. марок.

Превышение расходов лишь отчасти покрывается увеличением государственных доходов. За первые 9 месяцев 1934/35 финансового года реальное увеличение доходов произошло лишь по статье налогов и пошлин (на 343 млн. марок против прошлого года). Это увеличение германский потребитель реально оплатил уже в повышенной цене на покупаемые им товары. Все остальное так называемое «увеличение» государственных доходов носит в действительности чисто иллюзорный характер. За 9 месяцев 1934/35 финансового года германское правительство добыло например 232 млн. марок путем продажи дополнительных акций государственных германских железных дорог, т. е. путем известной каждому экономисту операции с «разводнением» ж.-д. капитала. Кроме того около 300 млн. марок было перехвачено путем «займов». При всем том даже и это чисто иллюзорное «увеличение» дохода за 9 месяцев дало лишь 868 млн. марок при одновременном увеличении расходов, как указано выше, на 1 230 млн. марок. Гитлеровское правительство покрыло образовавшуюся «разницу» путем выпуска краткосрочных государственных векселей и краткосрочных беспроцентных государственных обязательств, которых к началу 1935 г. насчитывалось в обороте на сумму в 2 042 млн. марок.

Вторым и важнейшим каналом финансирования военной программы явились гарантированные государством векселя фирм и учреждений, выполнявших так называемые «общественные работы». Невозможно сомневаться в чисто военном характере значительной части этих работ. Возьмем для примера постройку государственных автомобильных дорог. Дороги эти, как известно каждому, имеют большое стратегическое значение и строятся конечно не для туристских целей. Но помимо этого совершенно очевидного стратегического назначения строящихся автомобильных дорог до крайности подозрителен тот факт, что на постройку 7 тыс. *км* этих дорог намечено израсходовать немного немало, как 3,5 млрд. марок, что дает на 1 *км* дороги расход в 0,5 млн. марок — цифра со-

вершенно фантастическая, позволяющая делать вывод, что эти деньги расходуются не только на построение дорог, но и на коечто другое. Аналогичный характер носят и другие «общественные работы», перечисленные в «программе». В общем и целом германское правительство в порядке финансирования «общественных работ» гарантировало до сих пор векселей на кругленькую сумму в 5 513 млн. марок, составивших второй важнейший ресурс питания военной подготовки.

Однако беспроцентные государственные обязательства и гарантированные государством частные векселя не являются еще деньгами. Под эти бумажные документы нужно было получить где-то реальные деньги на военную подготовку. Хозяйство должно было располагать значительной суммой денег, которые можно было бы использовать для этой цели. Имелись ли в германском хозяйстве эти деньги? Да, имелись.

Первым немаловажным источником свободных денег для учета военных векселей явилось использование для этой цели той части иностранной задолженности Германии, которая была уже уплачена германскими фирмами в марках, но не была трансферирована[1] Рейхсбанком за границу, сначала из-за отсутствия девиз, а затем в связи с объявленным односторонне Германией мораторием по трансферу. При 14 млрд. общей иностранной задолженности Германии к началу 1934 г. эта «свободная часть» составляла по осторожной оценке не менее 10% всей суммы, т. е. около 1,5 млрд. марок, лежавших, так сказать, «без хозяина» в германских банках.

Вторым краткосрочным ресурсом учета военных векселей германского фашизма явились амортизационные суммы германских предприятий, скопившиеся в германских банках за годы кризиса, когда германская промышленность ничего не инвестировала в свои предприятия и ничего в них не обновляла. Чтобы получить доступ к бесконтрольному распоряжению всеми этими ресурсами, была проведена в спешном порядке банковская «реформа», передавшая фактическую власть над всеми банками Рейхсбанку, возглавляемому по странной случайности министром хозяйства фашистского правительства г. Шахтом, что конечно чрезвычайно облегчило кредитные манипуляции по финансированию военной программы.

Эти два источника обеспечили превращение в деньги военных векселей германского фашизма, пока эти векселя носили форму векселей краткосрочных. Германская буржуазия не возражала против того, чтобы на короткий срок ссудить свои и в особенности чужие деньги (т. е. деньги иностранной буржуазии, находившиеся в ее распоряжении) на цели военной подготовки. Однако она отнюдь не собиралась отдавать эти деньги фашистскому государству на неопределенно долгий срок. Поэтому, когда в начале 1935 г. пришел срок опла-

[1] Переведена. — Ред.

ты первой партии военных векселей на 500 млн. марок (векселя по проведению «общественных работ») и когда фашистское государство, у которого конечно не было ни гроша, чтобы заплатить по ним, обратилось к германской буржуазии с просьбой об их пролонгации, германская буржуазия дружески посоветовала фашистскому государству превратить эти краткосрочные векселя в облигации долгосрочного (на 28 лет!) государственного займа, с тем чтобы принудительно разместить его среди сберегательных касс, главными вкладчиками которых в Германии являются, как известно, мелкие буржуа города и деревни и некоторые прослойки рабочего класса.

Чтобы облегчить перекладывание расходов по военной подготовке на плечи мелкой буржуазии и рабочего вкладчика, в экстренном порядке был проведен закон, по которому сберегательные кассы обязывались иметь меньшее количество свободных средств, чем это полагалось прежде, освобождая таким образом деньги мелких вкладчиков для финансирования войны.

Результат этой финансовой операции до крайности прост: фашистское правительство получает реальные пулеметы, пушки, танки, самолеты, аэродромы и все прочее, что нужно для подготовляемой им войны; германская крупная буржуазия держит в кармане всеобщий эквивалент этого военного оборудования в виде наличных денег, а вкладчики германских сберегательных касс вместо своих кровных сбережений имеют в сберегательных кассах облигации гитлеровских займов, уплату по которым г. Гитлер обещает произвести не позже чем через 28 лет. Просто! Не правда ли?

Ничего нельзя понять в экономической политике германского фашизма вне этого основного, так сказать, «генерального плана» германской буржуазии — плана перекладывания расходов военной подготовки на плечи мелкой буржуазии и рабочего класса.

Возьмем для иллюстрации два крупнейших явления в германской экономической жизни последнего времени: одно — из области кредитной, другое — из области внешнеторговой политики.

Кредитная политика Германии проходит сейчас под знаком конверсии (изменения условий в интересах государственной казны) всех долгосрочных обязательств с твердым процентом. Процент, уплачиваемый по закладным и ипотекам, по коммунальным и прочим облигациям, принудительно понижается государством до 4,5 вместо прежних 8—7—6. Производится это конечно под флагом ускорения пресловутого «первоначального толчка», т. е. под флагом «облегчения» долгосрочных инвестиций для капиталистов. Между тем никаких реальных инвестиций германские капиталисты не производят и производить не собираются, ибо их теперешние предприятия загружены не более чем на 60%. Поэтому единственный смысл всей этой грандиозной кредитной операции заключается, во-первых, в том, чтобы облегчить фашистскому государству дальнейший выпуск военных займов по пониженному проценту, а, во-вторых, и главным образом в том,

чтобы принудить затем сберегательные кассы, держащие в своих руках вышеупомянутые частные процентные бумаги на сумму около 11 млрд. марок, заменить их постепенно вновь выпускаемыми государственными займами.

Нетрудно предугадать, как будут дальше развиваться события. После того как наличные деньги в сберегательных кассах будут исчерпаны в порядке принудительного размещения государственных займов, неизбежно наступит очередь замены частных ценных бумаг, находящихся в сберегательных кассах, облигациями вновь выпускаемых государственных займов. Крупные банки в качестве исполнительного комитета германской буржуазии будут скупать у сберегательных касс золотые закладные и ипотеки, коммунальные облигации и другие частные бумаги, при всех обстоятельствах представляющие известную ценность, а сберегательным кассам будут навязываться облигации ничего не стоящих военных государственных займов под тем благовидным предлогом, что, во-первых, они оплачиваются де таким же процентом, а, во-вторых, сберегательные кассы спасают де подобным патриотическим актом священную «Третью империю». Скупка частных ценных бумаг крупными германскими банками и в первую очередь Рейхсбанком уже началась и притом в немыслимых прежде масштабах; их курс полез кверху несмотря на понижение процента и все это только потому, что наряду с ними появились в обращении облигации первых фашистских военных займов, которые нужно во что бы то ни стало отпихнуть от себя и всучить мелкой буржуазии, благо деньгами этой мелкой буржуазии распоряжаются сберегательные кассы, в которых всюду посажены гитлеровские молодчики.

Однако из всех многочисленных форм и методов ограбления мелкой буржуазии и рабочего класса, которые практикуются в современной Германии и на которых мы не останавливаемся здесь за недостатком места, описанная выше кредитная форма не только является одной из основных, но в то же время одной из наиболее рискованных.

Переключение военных расходов на плечи мелкой буржуазии через аппарат сберегательных касс можно без большого риска проделывать лишь до известных пределов, а именно лишь до тех пор, пока центральная фигура всей операции — ограбляемый мелкий вкладчик — не забеспокоился за судьбу своих сбережений. *У гитлеровского правительства заметно шевелятся волосы на голове при мысли о том дне, когда мелкие вкладчики волной ринутся в сберегательные кассы и потребуют свои деньги обратно.* Нельзя же будет предложить им вместо их сбережений облигации гитлеровских займов или вообще закрыть перед ними двери сберкасс! Это неизбежное столкновение с ограбленным мелким вкладчиком фашистский режим хотел бы отодвинуть по возможности на другой день после объявления подготовляемой им войны, когда настойчивого вкладчика можно будет прогнать от двери прикладом солдата. Сейчас же, когда войны еще нет, а она

только подготовляется, нужно сделать все, чтобы успокоить вкладчика, ибо обеспокоенный вкладчик — это не кто иной, как начавший колебаться мелкий буржуа, причем гитлеровский режим прекрасно понимает, что на этот раз он никуда иначе не может колебнуться, как только в сторону пролетариата и его передового авангарда. Удержать мелкую буржуазию от колебания в этом направлении до начала войны — основная задача гитлеровской внутренней политики.

Торжественные, без конца повторяемые декларации г. Шахта о том, что «Третья империя» никогда и ни при каких обстоятельствах не пойдет на обесценение марки, вызваны не чем иным, как страхом гитлеровского режима перед неизбежными в случае этой меры колебаниями мелкой буржуазии. Сохранение золотого курса марки причиняет, как известно, германской буржуазии величайшие неудобства в ряде отношений. И тем не менее она не решается пойти на колебание марочного курса, пугаясь неопределенных последствий этого шага в отношении своего неустойчивого мелкобуржуазного спутника. Вот почему германская буржуазия предпочитает проделывать свои многочисленные отступления от золотого курса марки потихоньку и по преимуществу за границей, где ее не может непосредственно контролировать ее недоверчивый мелкобуржуазный партнер (скрипсы, регистер-марки, туристские марки и т. д.).

Что германское правительство серьезно опасается паники у сберегательных касс, видно и из следующего. Введенный в конце 1934 г. в действие так называемый «новый план» г. Шахта, предусматривавший резкие сокращения в области импорта, пробудил среди мелкой буржуазии Германии вполне обоснованную тревогу и опасения роста цен на предметы первой необходимости. По всей Германии внезапно прокатилась угрожающая «Hamsterwelle» — волна закупки населением в усиленных размерах предметов первой необходимости. Все чаще и чаще и все в большем количестве стали появляться мелкие вкладчики в сберкассах, забирая из них свои сбережения для превращения их в сахар, кофе, мыло, ботинки, костюмы. Крупная буржуазия не на шутку перетрусила. Весь ее план ограбления мелкой буржуазии, столь тщательно продуманный во всех деталях, угрожал быть сорванным вследствие неразумия мелкобуржуазной овцы, не желавшей быть остриженной.

Германскому фашизму приходилось принимать радикальные меры. Эмиссары немедленно назначенного государственного комиссара по ценам г. Герделера стали сажать в тюрьму мелких торговцев, тщетно пытавшихся перекрыть быстро растущие оптовые цены надбавками в розничной торговле. Эмиссары г. Шахта, игнорируя полное отсутствие девиз в Рейхсбанке, начали бешено скупать за границей сырье для производства предметов первой необходимости, используя все имеющиеся еще у Германии кредитные возможности. В результате их деятельности ввоз шерсти, составлявший в августе 39 тыс. дв. центнеров, вскочил до 115 тыс. дв. центнеров в декабре и до 175 тыс. дв. цент-

неров в январе. Ввоз хлопка, составлявший 102 тыс. дв. центнеров в сентябре, прыгнул до 132 тыс. дв. центнеров в декабре и до 179 тыс. дв. центнеров в январе. Ввоз необработанной кожи, составлявший 79 тыс. дв. центнеров в августе, поднялся до 139 тыс. дв. центнеров в декабре и до 154 тыс. дв. центнеров в январе, и т. д.

Все германские гавани были внезапно завалены товарами; нехватало складов; товары сваливали в баржи, клали под брезент. Но цель была достигнута! Пожар временно притушен. Мелкий буржуа временно успокоен: товаров, слава богу, кажется хватит!

Оборотная сторона операции обнаружилась несколько позднее, в известной речи г. Шахта в Лейпциге 3 марта 1935 г., когда г. Шахт меланхолически заявил, что в результате внезапного роста импорта в зимние месяцы в Германию было завезено не менее чем на полмиллиарда иностранных товаров, которые «к сожалению» не могут быть оплачены, так как у германского правительства нет девиз. Остроумный г. Шахт предложил в этой связи германским кредиторам отказаться на время от получения с Германии процентов по старой задолженности, ибо не может же он платить и проценты по старым долгам и в то же время оплачивать ввозимые товары!

На этих двух примерах отчетливо обрисовывается генеральный план германского фашизма. Этот план состоит вовсе не в том, чтобы вызвать какой-то мифический новый «подъем германского хозяйства», как это утверждают фашистские «теоретики». Руководители германского фашизма сами вероятно хихикают над теорией «первоначального толчка», официально проповедуемой повсюду. Генеральный план германского фашизма состоит в том, чтобы провести подготовку к войне за счет мелкой буржуазии и рабочего класса, но по возможности так, чтобы мелкая буржуазия, и она в особенности, заметила это лишь тогда, когда война уже станет фактом и когда следовательно неизбежный протест населения против произведенной над ним экспроприации может быть без особенного труда задушен сапогом военного террора.

Не подлежит сомнению, что германский фашизм, как это показывает опыт, не остановится перед самыми рискованными операциями, для того чтобы удержать мелкую буржуазию от колебаний до момента военного выступления Германии. Другой вопрос — удастся ли это фашистам. Ресурсы германского фашизма для маневрирования в этом направлении незначительны. Экономика Германии таит в себе множество мест, могущих внезапно опрокинуть все расчеты фашизма. В этом — одно из самых слабых мест режима и в этом же — источник того авантюризма, который специфически характеризует внешнюю политику германского фашизма.

(«Правда» от 1 апреля 1935 г.).

А. Юрин

НА ДРОЖЖАХ ПРЕДВОЕННОЙ КОНЪЮНКТУРЫ

Два с лишним года назад Гитлер прокламировал программу экономической политики национал-социалистского правительства. Очень скоро выяснилось и ее материальное содержание: «четырехлетний план хозяйственного возрождения» оказался планом грандиозных вооружительных работ для решения завоевательных задач германского империализма.

Обильный дождь многомиллионных заказов создал видимость конъюнктурного расцвета. Но чем дальше, тем резче выступает наружу несостоятельность экономической политики, построенной на принципах военного хозяйства. К середине 1935 г. мы наблюдаем любопытную картину: поднялась нагрузка промышленности, повысились дивиденды, цифры торгового оборота, цены и т. д. Но не видать радости в глазах германской буржуазии, меньше стало и победных реляций на страницах коричневой печати.

Все содержание «нового учения» коричневых конъюнктурщиков сводится к тому, что компактные государственные заказы и кредиты призваны играть роль первичной искры, воспламеняющей замерзший мотор капиталистического хозяйства. Два года сыпались эти «искры». Но «естественного автоматизма» процесса воспроизводства они не восстановили, не пробудили они у буржуазии и предпринимательской активности. Конечно переход мирового кризиса в фазу депрессии особого рода отразился и на германской экономике; внутренние силы капитализма, хотя и гораздо слабее, чем в других странах, влияли на промышленное развитие последних двух лет.

Тем не менее крупнейшие авторитеты, ответственнейшие представители власти один за другим поднимаются на трибуну, чтобы предостеречь от оптимизма и изобличить инертность «частной инициативы», не включившейся в высокопатриотическое дело «национального возрождения».

> «Внутренняя конъюнктура, — гневно упрекал недавно д-р Шахт свою крупнокапиталистическую аудиторию в Лейпциге, — вызвана государством и на государственные средства. Это не является заслугой германских предпринимателей».

Тщетны увещевания Шахта по адресу «дезертиров хозяйственного фронта». Крупнокапиталистические иждивенцы фашистского государства не склонны к риску минувших лет. Среди них несравненно большей популярностью пользуется лозунг «промышленных майоратов» (по образцу сельских наследственных дворов), которые на веки-вечные обеспечили бы неприкосновенность капиталов и устойчивость доходов индустриальных князей и баронов.

Государственная конъюнктура

«Государственная конъюнктура» — так окрестил повышательное движение последних двух лет экономист «Франкфуртер цей-

тунг» Франц Вольф [1]. Государственные заказы определили не только уровень промышленной продукции. Они определили и направление промышленного роста. «Анализ этого направления, — справедливо замечает Вольф, — чрезвычайно важен для определения устойчивости конъюнктурного подъема».

Государственная конъюнктура вызвана «потребительскими инвестициями». На эзоповом языке Вольфа этот термин прикрывает непроизводительный характер государственных затрат. Особенность этих «потребительских инвестиций» в том, что они безвозвратно изымают из кругооборота капитала крупную часть стоимости, направляя ее на нехозяйственные цели. Эта часть так велика, что она не только определяет текущую конъюнктуру, но вносит глубокие изменения в самую структуру германского капитализма. И прав Вольф в своем выводе: «Продолжительность роста производства в основном зависит от того, как долго государство будет продолжать свою инвестиционную деятельность». Справедливость этого утверждения целиком подтверждается анализом динамики промышленного производства германского капитализма.

Преодолев низшую точку 1932 г., кривая индекса промышленного производства шла неуклонно вверх, достигнув в июле 1934 г. пика — 89,5% объема производства 1928 г. В августе происходит серьезный срыв, за которым следует длительная стагнация. В движении различных отраслей господствуют разнобой темпов и острая противоречивость направлений. Это относится не только к основным подразделениям общественного производства, но и к отдельным отраслям в пределах одной и той же группы.

В течение всего 1934 г. рост производства в группе А шел гораздо интенсивнее, чем в группе Б. Перебои во второй половине года замедлили, но не ликвидировали поступательного движения тяжелой промышленности. Выплавка чугуна и стали, производство проката и др. в I квартале текущего года достигают рекордной за последние годы цифры.

Противоположную картину дает динамика легкой промышленности. До середины 1934 г. она следует за общей повышательной линией промышленного производства. Но, достигнув в июне высшей точки — 101,8% от уровня 1928 г., группа Б испытывает резкий срыв и с тех пор непрерывно катится вниз. За полгода легкая промышленность уже потеряла 20% по сравнению с июньским пиком, и в первые четыре месяца 1935 г. она стояла на уровне более низком, чем в 1933 г.

Характерно, что как в тяжелой, так и в легкой индустрии за весь этот период не наблюдалось сколько-нибудь существенного капитального строительства.

> «Конечно, — замечает «Франкфуртер цейтунг» от 5 мая 1935 г., — в частном хозяйстве можно констатировать разнообразные «вторичные влияния» государственного импульса.

---

[1] F. Wolf, Staatskonjunktur, 1935.

Однако, если отвлечься от капитального строительства, вызванного недостатком сырья (бензин и текстильное сырье), не превышающего пока несколько сотен миллионов марок, то объем новых инвестиций повидимому довольно незначителен».

Эта сдержанность германской буржуазии объясняется очень просто: даже в тех отраслях, где производственная мощность использована почти на 100%, предприниматели обычно отказываются от расширения основного капитала, рассматривая обилие заказов как временное явление. В лучшем случае они обновляют изношенное оборудование, не увеличивая производственной мощности своих предприятий. Еще меньше оснований для новых капиталовложений в других, менее благоприятствуемых «государственной конъюнктурой», отраслях. Огромный запас неиспользованных мощностей все еще служит серьезнейшим препятствием для инвестиционной деятельности.

Несколько, правда, повысилось жилищное строительство (на 400 млн. марок). Но здесь речь идет скорее о ремонте и перестройке домов (этому благоприятствовали крупные государственные субсидии домовладельцам), чем о новом строительстве. Нелишне в этой связи упомянуть о внезапном жилищном ажиотаже в ряде местностей, вызванном стратегическим «переселением» в глубь страны военных заводов из пограничной полосы Западной Германии.

Что же касается промышленного строительства, то оно выросло всего на 200 млн. марок, составив лишь 16% всего строительства. Но даже в этих убогих пределах на первом месте стоят кулацкие и помещичьи хозяйства, пожинающие плоды фашистской политики сельскохозяйственной автаркии. «Хозяйственное же строительство в узком смысле, т. е. строительство промышленных и торговых зданий, все еще протекало в ограниченных размерах» [1].

Уже на этих примерах оправдывается приведенный выше прогноз Вольфа: «Расширение производства будет длиться до тех пор, пока государство будет продолжать свои инвестиции».

В самом деле. В 1934 году и в первые месяцы 1935 г. производство средств производства не дало импульса для новых достаточно широких инвестиций. Еще меньше оснований ожидать капитального строительства в легкой промышленности за вычетом отраслей, работающих на армию. В результате обнищания трудящихся масс емкость внутреннего рынка в части предметов широкого потребления не выше даже, чем в катастрофическом 1932 г. Ярче всего обнищание масс проявилось в сокращении сбыта предметов питания. Анализ доходов лиц наемного труда, если даже придерживаться цифр официальной статистики, показывает, что средняя зарплата за последние два

---

[1] Квартальный обзор Берлинского конъюнктурного института, часть Б, стр. 320, апрель 1935 г.

года снизилась на 20—25%. Но этого темпа обнищания Гитлеру и Шахту повидимому недостаточно.

Империалистическая программа германской буржуазии требует новых жертв от рабочих и трудящихся. «Мы (?) вынуждены будем, — пророчествовал Шахт в речи перед тюрингенскими промышленниками, — туже затянуть ремень. Однако для отчаяния нет никаких оснований». Герделер же («комиссар цен») требовал от германского пролетария, чтобы он свел свои потребности к жизненному уровню японских рабочих. Что удивительного, если в самый разгар «подъема» текстильная, обувная и ряд других отраслей легкой промышленности внезапно были вынуждены свернуть производство и выбросить часть рабочих из-за обнаружившегося затоваривания. Еще недавно предприниматели жаловались на острый дефицит импортного сырья, и вдруг фабрики свертывают работу, оказывается не столько из-за сырьевых затруднений, сколько из-за отсутствия сбыта готовой продукции.

Из заколдованного круга, в котором вращается германская экономика, как показывают последние события, гитлеровское правительство все больше склонно искать выход форсированием политики военно-инфляционной конъюнктуры. К анализу методов этой политики мы и перейдем.

Подрыв кредитно-денежной системы

Каков объем государственных затрат, так сильно повлиявших на динамику конъюнктуры? Где источники средств, при помощи которых гитлеровское правительство финансировало свою программу вооружений? Куда наконец эти средства были направлены? Эти вопросы имеют первостепенное значение для определения судеб всей экономической системы германского фашизма. Крупная швейцарская газета «Нейе цюрхер цейтунг» привела недавно цифры затрат, сделанных гитлеровским правительством до конца 1934 г.

На «общественные работы»	3,5 млрд. марок
На экономическую мобилизацию (в особенности на приспособление промышленности для военных нужд) .	5,5 » »
На перемещение заводов из пограничных областей в глубь страны . . .	1,5 » »
На постановку и расширение производства сырья и суррогатов . . .	1,5 » »
Дотации экспорту	1,0 » »
Всего	13,0 млрд. марок

Очевидно, что подавляющая часть этих сверхбюджетных расходов связана с бешеным темпом германских вооружений. «Общественные работы» включают главным образом строительство стратегических дорог и аэродромов, земляные работы по воздвижению кольца укреплений в пограничной полосе, строительство казарм для новой миллионной армии. Вряд ли преувеличены и затраты на приспособление промышленности к военным нуждам.

Мало сомнений вызывают цифры инвестиций в производство стратегического сырья, в первую очередь искусственного бензина, каучука, волокна и т. д. В качестве иллюстрации достаточно упомянуть, что И. Г. Фарбениндустри за 1934 г. увеличил свои капиталовложения не меньше чем в 16 раз.

Как финансировало фашистское правительство программу вооружений? Не ограничившись золотым запасом и «экономией» на социальном страховании, государство поглотило подавляющую часть кредитных ресурсов страны, которые раньше шли на гражданские нужды. За два года краткосрочная задолженность страны, исходя из опубликованных данных, возросла на 8 млрд. марок.

Выдавая заказы, государство непосредствено или через подставные организации платит векселями. Предприниматель учитывает их в банке. Но государственные векселя и прочие краткосрочные обязательства казначейства лишь частично оседают в банках, еще меньше у «публики» и устремляются широким потоком в портфель Рейхсбанка. Эти бумаги служат эмиссионному банку «обеспечением» денежной массы на том основании, что они-де вырастают не из обычных расходов государства, а из его «хозяйственной» деятельности. Но правы «либералистские критиканы», которые подобно Л. Оберашеру (в журнале «Виртшафтсдинст») еще в прошлом году предупреждали, что «финансирование программы создания работы нельзя отождествлять с коммерческой деятельностью». К этому хору в самое последнее время волей-неволей пришлось присоединить свои голоса и таким мотодорам «нового курса», как Шахт, Дрейзе, Эйнзидлер и др.

Теоретически предполагалось, что казначейские обязательства и векселя краткосрочны и во-время погашаются государством. Но предположение базировалось на иллюзии будущих бюджетных излишков и на вере в органический подъем германского капитализма. Тем временем поток краткосрочных обязательств — этого бумажного хвоста непроизводительных расходов — заполнил все каналы кредитно-денежной системы страны, все более оседая в Рейхсбанке, создавая непосредственную угрозу марке. Не случайно поэтому, что проблема дальнейших путей экономической политики со всей остротой стоит ныне перед страной.

Как долго может государство продолжать свою политику «накручивания»? Этот вопрос в самых различных вариациях то и дело мелькает в писаниях германских экономистов «либералистского» толка. Их тревогу не могут приглушить ни грубые окрики национал-социалистского официоза, ни настойчивые предупреждения министерства пропаганды. Несомненно за два года государство исчерпало свой пестрый ассортимент средств воздействия на конъюнктуру. В итоге руководящие круги оказались на распутьи: продолжать ли экономическую политику, ведущую с железной необходимостью в омут открытой инфляции, или итти на срыв достигнутого уровня производства?

Шахт повидимому стремился найти третий путь, некую

среднюю линию, которая обеспечила бы взятый темп вооружения, не ввергая страны в инфляционную катастрофу. Показательна в этой связи статья Кастенгольца в «Берлинер тагеблат» (24 февраля), в которой мы читаем следующие строки:

> «Государственное создание работы не будет прекращено. Однако эпоха исключительно больших специальных заказов (Sondergeschäft) явно подходит к концу. Конъюнктуру будет определять текущая нормальная деятельность, и хозяйство должно к этому приспособиться».

У автора здесь концы не сходятся с концами. Кастенгольц сам говорит, что «создание работы» не прекращается, стало быть конъюнктура и впредь будет определяться отнюдь не одной только «нормальной» деятельностью. Но он прав, намекая на перелом в развитии «особой конъюнктуры» («Sonderkonjunktur») последних лет, ибо самым жестоким образом сокращаются или вовсе ликвидируются государственные заказы, не вызываемые военными потребностями германского империализма.

Эта политика уже сказалась на динамике всего хозяйства.

Регистрируя первые симптомы неблагоприятной хозяйственной ситуации, руководитель Берлинского конъюнктурного института Вагеман еще в конце 1934 г. говорил о «конъюнктурной передышке». В апрельском 1935 г. издании Конъюнктурного института он проявляет уже большую осторожность:

> «После осеннего срыва промышленное производство с декабря по январь слегка повысилось: в феврале и повидимому в марте этот уровень почти удалось удержать. В целом германское хозяйство находится на пороге весеннего сезона. Однако сезонное оживление в этом году прокладывает себе дорогу в *иных условиях, чем* в 1933 и 1934 гг.».

Прогноз довольно туманный! Но в чем суть их новых условий?

Шахт тормозит

«Новые условия» конъюнктурного развития — это «*новейший план*» Шахта *в действии. План этот был продиктован угрозой валютно-денежной катастрофы, контуры которой явственно вырисовались уже в середине прошлого года*. После удачного, казалось, старта фашистское правительство довольно скоро натолкнулось на острые затруднения внутреннего и внешнего характера. Раньше, чем в других областях, авантюристическая политика «создания работы» *отразилась на внешней торговле*. Ажиотаж, созданный многомиллиардными государственными заказами, погнал вверх уровень цен, резко раздвинув ножницы цен германских и мировых.

Борьба за внешний рынок, и без того крайне тяжелая, стала почти безнадежной. «Воля к экспорту» германского предпринимателя начинает падать в той же мере, в какой растут легкость получения и прибыльность государственных заказов. В итоге — ка-

тастрофическое сжатие вывоза, пассивизация внешней торговли и полная потеря валютно-золотого запаса Рейхсбанка.

Чтобы дать некоторое представление о темпе этого развития, укажем, что германский вывоз еще в 1932 г. достигавший в среднем 475 млн. марок в месяц, упал в 1935 г. (январь—апрель) до 326 млн. марок. В 1932 г. актив внешней торговли равнялся 90 млн. марок в месяц, в текущем году первые четыре месяца дали уже пассив в 169 млн. марок, или в среднем за месяц 42 млн. марок.

Падение вывоза и связанная с ним пассивизация внешней торговли опустошили з о л о т о й з а п а с Р е й х с б а н к а. К приходу Гитлера к власти Рейхсбанк имел еще около 1 млрд. марок золотом и инвалютой. К началу 1935 г. этот запас почти полностью растаял, сократившись до 153 млн. марок.

На этом однако цепь фатальных последствий национал-социалистской экономической политики не кончается. Германия не только оказалась банкротом перед своими заграничными кредиторами: она не в состоянии оплатить даже необходимого импортного сырья. Ряд отраслей промышленности, в первую очередь легкой, вынужден был свернуть производство. В массах, напуганных призраком товарного голода и г р я д у щ е й и н ф л я ц и и, возникла тревога, грозившая перерасти в панику. Наиболее наглядное тому свидетельство—прошлогодняя волна панических закупок, сопровождавшаяся изъятием вкладов из сберкасс.

Обнаружился «парадоксальный» факт: в тот именно момент, когда фашистские властелины казалось прочно овладели хозяйственным рулем, механизм государственного регулирования начинает «шалить», давая перебои в самые критические моменты.

Рейхсбанк — решающий инструмент политики «накручивания» — потерял свою маневренную способность. Он теряет свою роль кредитного резерва и регулятора денежного обращения, по мере того как его портфель наполняется государственными бумагами и обязательствами организации «общественных работ» за счет коммерческих векселей. И тот факт, что в конце 1934 г. Рейхсбанк вынужден был прибегнуть к добавочной (пусть сравнительно невысокой!) денежной эмиссии, сигнализировал о том, что уже исчерпаны прежние источники кредитования государственных заказов.

Натолкнувшись на эту преграду, Шахт обратил свой взор на частный «свободный» рынок капиталов. Но уже первая попытка разместить там заем кончилась неудачей, ибо дело не только в недостатке у буржуазии патриотического воодушевления всякий раз, когда нужно ссужать государство своими деньгами. Существенно здесь то, что «п о т р е б и т е л ь с к и е и н в е с т и ц и и» и с т о щ и л и к р е д и т н ы е р е с у р с ы с т р а н ы. Шахту мало помогут и принудительные займы, к которым он будет прибегать все чаще: наличных денег они ему не принесут, так как «публика» (в том числе и банки) будет обменивать краткосрочные государственные обязательства на займовые облигации. Эта операция ч а с т и ч н о может облегчить сложную проблему кон-

солидации краткосрочной задолженности казначейства, но она не решает задачи долгосрочного финансирования промышленного подъема.

Оказавшись перед альтернативой — срыв конъюнктуры или открытая инфляция, — Шахт пытался найти компромиссный «выход». Однако этот «путь» по существу означает лишь продолжение старой практики замедленными темпами.

В самом деле. Свертывая государственные заказы до уровня «неотложных» потребностей военного ведомства, он бьет по тем отраслям промышленности, которые до сих пор в значительной степени жили за счет так называемой гражданской программы «общественных работ». Ликвидация «брачных» субсидий, государственных дотаций жилстроительству, налоговых облегчений для обновления промышленного оборудования и т. п. немедленно отразилась на нагрузке многих предприятий, потянув вниз кривую конъюнктуры.

Эту опасность Шахт стремится предупредить насильственным насаждением частной инициативы. Поскольку предприниматель не спешит с новыми инвестициями, необходимо его к этому принудить. Так как он добровольно не идет на внешний рынок, его туда погонят силой. Того и другого настойчиво требуют «национальные интересы» германского империализма.

Практика последних месяцев выявила два русла, по которым следует новейшая политика фашистского правительства. Во-первых, под непосредственным контролем и давлением государства расширяется и создается заново промышленность суррогатов и отечественного сырья. Мы отвлекаемся от более отдаленных народнохозяйственных последствий подобных инвестиций. Во-вторых, судя по лейпцигскому выступлению Шахта, правительство, форсируя экспорт, намерено переложить тяготы экспортных дотаций на плечи частного хозяйства. Шахт объявил, что впредь вывоз будет подстегиваться тремя методами: первоочередным предоставлением валюты экспортной промышленности; при выдаче государственных заказов будет оказываться предпочтение «экспортно-активным» предпринимателям; наконец как новое явление — созданием компенсационных касс из специального налога на промышленность, торговлю и банки.

„Поправка“ генералов

«Новейший план» Шахта был таким образом рассчитан не на дальнейший рост вооружений, а по крайней мере на их стабилизацию. Однако генералы внесли свою поправку в его программу. Надвигаются сроки расплаты за авантюристическую политику «создания работы», но военщина уже предъявляет казначейству новые, несравненно более высокие требования.

Кому, как не Шахту, знать границы финансовых возможностей германского империализма? Его «план» — не что иное, как попытка справиться с неимоверными трудностями, не переходя той черты, за которой неминуема экономическая катастрофа. Недаром в

его последних речах впервые зазвучали непривычные нотки: он заговорил о режиме экономии, о десятилетии «героических жертв», о «туго затянутом кушаке» и тому подобных хозяйских добродетелях.

Однако уже при обсуждении нового бюджета в правительственной верхушке резко обозначились контуры двух лагерей. Иностранная печать сообщает, что против хозяйственного диктатора на этот раз выступают Геринг и Бломберг — оба руководителя военного ведомства. Их поддерживают рурские магнаты и другие представители тяжелой промышленности, взошедшей на дрожжах военных заказов. Силы слишком неравные. И полному разгрому Шахт повидимому предпочел капитуляцию.

Генералы настояли на своем, продемонстрировав, где сила и власть в «Третьей империи». Программа вооружений остается неприкосновенной. Она определит стало быть и дальнейший курс экономической политики фашистской диктатуры. В нынешних условиях это означает, что правительство в своей азартной игре не побоится пустить в ход свой последний козырь — «р е з е р в ы» и н ф л я ц и и.

Именно об этих «резервах» шел спор. Шахт — противник инфляции, ибо он отлично учитывает политические и экономические последствия валютного хаоса. Он сам не выступает с критикой могущественных сил, навязывающих Германии путь инфляции. Эту неблагодарную миссию Шахт поручает другим, выпуская одного за другим сразу трех своих подчиненных: советника Рейхсбанка Эйнзидлера, референта министерства хозяйства Блессинга и наконец своего заместителя по Рейхсбанку доктора Дрейзе. Каждый из них затронул лишь ограниченную часть общей проблемы, но в сумме они дали законченную систему шахтовских воззрений.

Эйнзидлер облек свое выступление в форму научного доклада о денежном обращении. Но критика инфляционистских теорий придает ему острую злободневность.

«Марка, — поучает Эйнзидлер, — целиком подчинена государственной идее «Третьей империи»... Н о б е з с о л и д н о й в а л ю т ы н е м ы с л и м о с о л и д н о е х о з я й с т в о. Поэтому «Третья империя» не может иметь никакой иной валюты кроме твердой». Эйнзидлер конечно не против кредитной экспансии — доказательство тому практика Рейхсбанка. Однако дело не в этом. Дело в г р а н и ц а х кредитной экспансии, ибо «к р е д и т н у ю э к с п а н с и ю м о ж н о в е с т и б е з в р е д а д л я н а р о д н о г о х о з я й с т в а т о л ь к о в п р е д е л а х, о б е с п е ч и в а ю щ и х п о с л е д у ю щ у ю к о н с о л и д а ц и ю (задолженности)».

Достигнут ли этот предел? Эйнзидлер об этом не говорит. Но каждый посвященный понимает, о чем идет речь: ведь спор вызван именно необходимостью консолидировать краткосрочную задолженность. К этой операции нельзя даже приступить, не приостановив эмиссионного потока государственного казначейства.

Там, где в нерешительности останавливается Эйнзидлер, сме-

ло начинает свой путь Дрейзе. Его статья в журнале «Штаатсбанк» — сплошной вопль о грозящей катастрофе.

В методах финансирования государственных заказов, откровенно признается Дрейзе, «заложены хозяйственные и экономические опасности». Рейхсбанк шел на этот риск только в уверенности, «что его не будут принуждать переступать границы действительно возможного».

Об этом не было бы нужды напоминать, если бы кое-кто не принуждал Рейхсбанк переходить опасный рубикон. Дрейзе просит пощады для германской марки:

> «Оставаясь на почве созданного доверия, национал-социализм не может повторить то, что сделала инфляция не более одного десятилетия назад. Обманув наиболее доверчивую часть населения, в особенности массу чиновников, рабочих, служащих, мелких пенсионеров и т. д., национал-социализм отказался бы от самого себя, он совершил бы предательство по отношению к своей исторической миссии. Он лишился бы всех политических и хозяйственных успехов; он даже притупил бы меч, который выкован народу для восстановления и охраны его чести; он наконец расчистил бы путь, казалось, преодоленной опасности коммунизма».

Напрасны заклинания. Генералы и рурские магнаты не знают сомнений. Меньше всего остановятся они перед повторением обмана народа. Против опасности же коммунизма они страхуют себя усилением террора. Выбора нет, Шахту придется сочинять сверхновый план с учетом существенной поправки «внеэкономических факторов».

Будет ли это путь «контролируемой» инфляции или единовременной девальвации, предсказать трудно.

Выпуск наполовину обесцененной «экспортной марки» — лишь первый шаг на этом пути, не предрешающий окончательного выбора методов нового обмана «доверчивого населения». «Экспортная марка», с курсом на 50% ниже марки «внутренней», должна дать германской буржуазии острое оружие для валютного демпинга. Германский экспортер отныне сможет продавать на внешних рынках свой товар наполовину дешевле, так как он будет исчислять цену в «экспортных марках». Разница между стоимостью товара на внутреннем и внешнем рынках ему будет возмещена из особого фонда — так называемой «компенсационной кассы». Последняя будет пополняться поступлениями от специального налога. Однако опыт учит, что германскому нашествию в этом случае заинтересованные страны противопоставят достаточно эффективные средства самозащиты. Внутри же страны, как правильно заметила «Нейе цюрхер цейтунг» (2/IV 1935 г.), эти налоги подобно налогам на оборот будут переложены на потребителя. В результате «экспортная марка» даст толчок для нового роста внут-

ренних цен. Иными словами, последствия будут такие же, как при инфляции или девальвации.

В правительственных канцеляриях повидимому идет деятельная подготовка соответствующей денежной «реформы». Об этом свидетельствуют между прочим участившиеся высказывания ответственных лиц и печати. Так, «Франкфуртер цейтунг», комментируя девальвацию данцигского гульдена, признала технику тамошних законодателей «образцовой». Высокую оценку органа химического треста данцигские наци заслужили «молниеносной стратегией», которая обеспечила успех над ошарашенным «внутренним врагом» — над мелким вкладчиком и широкими массами населения.

Данцигский опыт быть может скоро будет воспроизведен во всегерманском масштабе. Но не пропал бесследно для германских масс и опыт 1923 г. Именно страх перед политическими последствиями обесценения валюты сдерживает до некоторой степени напор инфляционистов. Надолго ли?

Это выяснится в ближайшем будущем. Однако уже сейчас можно с уверенностью предсказать, что напор инфляционистов будет расти. Путь обесценения валюты, предопределяемый политикой огромных государственных затрат на вооружение, усилит обнищание масс, неслыханно обострит классовые и групповые противоречия в стране и ускоренным темпом будет размывать социально-политический фундамент «Третьей империи».

Поставленные перед угрозой социальных потрясений фашистские властелины могут пойти на отчаянную попытку переключить рост недовольства масс на «внешнего врага». Опасность европейского пожара с ростом экономической разрухи в Германии таким образом только усиливается.

(«За индустриализацию» от 6, 17 и 26 мая 1935 г.).

IV. ВОЕННАЯ ПРОПАГАНДА И АГЕНТУРА НАЦИ ЗА ГРАНИЦЕЙ

БОРЬБА ЗА ДУШУ СОЛДАТА

Царский опричник генерал Аракчеев, создавший по монаршему велению военные поселения, не может итти ни в какое сравнение с фашистскими Аракчеевыми в Германии. Генерал Аракчеев насаждал худший вид военно-крепостнического угнетения. Идеал Аракчеева — всю жизнь народных масс подчинить военной команде.

Фашистские Аракчеевы современности за пояс заткнули временщика при Александре I. Фашистская Германия сегодняшнего дня — это грандиозная казарма. В ней все подчинено одной цели: лихорадочной подготовке войны. Общие принципы фашистской аракчеевщины с исчерпывающей полнотой изложены в «Моей борьбе» Гитлера.

Аракчеевские военные поселения в Германии воплотились в насквозь милитаризованные лагери «трудовой повинности». Мобилизованная молодежь, гнущая спину на строительстве стратегического характера, каждодневно приучается «все делать под военную команду». В концентрационные лагери посылают тех, кто отказывается подчиниться фашистскому режиму и осмеливается поднять борьбу против него. Германский фашизм не может воевать, не укрепив тыла. А укрепить тыл, не подавляя рабочие массы, не расправляясь с революционным движением, не осуществляя физическую расправу с коммунистическим авангардом рабочего класса, германский фашизм не может.

Эту задачу по расчистке и укреплению тыла германский фашизм разрешает одновременно с чрезвычайно интенсивной милитаризацией всей страны. Фашистская Германия сегодняшнего дня вся пронизана духом дикого шовинизма и жесточайшей реакции. Университет, школа, театр, кино и радио, печать и литература поставлены на службу подготовке войны. Фашистский профессор «военной науки» Банзе в своей книге «География и воля к вооружению» требовал поставить «понятие войны в центр всего воспитания молодежи и народного образования». В изданной военным министерством анонимной памятке прямо заявляется: «Руководство современным воспитанием молодежи лучше всего предоставить старым военным различных чинов».

Было время, когда лучшие представители человечества стре-

мились в германские университеты. В последних выковывались величайшие ученые и исследователи. А теперь? Ведомство господина Геббельса декларирует: «Лучший университет — это лагерь трудовой повинности». Известные ученые, признанные профессора, имена, которыми в свое время гордились германские университеты, по большей части в эмиграции. Их место постепенно занимают или фашистские дядьки-унтера, которые в совершенстве постигли военную муштру, или видные представители генералитета. Почти во всех университетах и высших учебных заведениях созданы кафедры военной науки. На всех факультетах занимаются военными проблемами.

Главное внимание при этом обращено обучению на местности. Германским военным министерством рекомендованы всем учебным заведениям следующие «учебные дисциплины»: упражнения по преодолению препятствий, дисциплинарные упражнения для достижения послушания и точности, походные марши с достижением определенных норм, оценка расстояния, чтение карт, ориентирование на местности и пр. К этому добавлены еще физические упражнения: гимнастика, плавание, обучение стрельбе из различных видов стрелкового оружия и знакомство с современной военной техникой.

Вся эта лихорадочная военная подготовка подкрепляется соответствующей кампанией в печати. Многочисленные рассуждения о «боевом фашистском духе», примеры из истории мировой войны, описания героических подвигов, портреты различных полководцев — все это не сходит со страниц общей печати. Особое внимание уделяется «изучению» иностранных армий. При этом характерно, что из всех иностранных армий фашистская печать отдает предпочтение нашей Красной армии и французской армии. Статьи о Красной армии обильно сдобрены затасканными антисоветскими баснями о «красном империализме». Вообще в фашистской Германии к печати разрешаются книги, которые прославляют «войну как двигательную силу цивилизации», и книги, носящие разнузданный антисоветский характер.

Нет ничего удивительного в том, что под непосредственным влиянием этой военной свистопляски даже моды отдают военным покроем, а детские игрушки маршируют, стреляют, взрывают...

Этот казарменный режим — передняя сторона фашистской медали. За ней — тщательно скрываемая озабоченность фашистских главарей, обеспечит ли вся эта многообразная военная подготовка населения политико-моральную стойкость развертываемой большой армии. Ведется упорная борьба за душу германского солдата. Но каковы гарантии, что другой не завоюет эти солдатские души, с таким трудом обучаемые обращению с оружием? Фашистские главари прекрасно учитывают, что весьма часто бывали случаи, когда оружие или отказывалось стрелять или стреляло в другую сторону. Чиновник военного министерства майор Рерихт в своей статье в «Берлинер берзенцейтунг» от 22 мая 1935 г. доказывает невозможность разрешения «солдатам заниматься какой-либо политической деятельностью». Солдат существует только для того

чтобы воевать и беспрекословно выполнять приказы фашистского начальства.

Изолировать армию от происходящего в стране, отделить ее глухой китайской стеной от народа, укрепить армию проверенными фашистскими кадрами — вот чего добиваются военные руководители любой империалистической армии. Эту задачу ставят себе и военные руководители фашистской Германии. Они лихорадочно насыщают армию мощной военной техникой. Однако современная военная техника не только не уменьшает количество людей, которые должны ее обслуживать, но, наоборот, увеличивает его. Чем сложнее военная машина, тем большего количества людей требует она для обслуживания на фронте и в тылу. Без мобилизации рабочих и крестьянских масс в армию не обойтись. Здесь — ахиллесова пята фашизма. Стонущий под сапогом новейшей аракчеевщины германский рабочий класс обратит оружие против своих поработителей. Фашизм, готовясь к захватнической войне, вооружает своих могильщиков.

Германскому фашизму для осуществления его захватнической программы нужна многомиллионная армия. Гитлер в своей книге «Моя борьба» призывает действовать «не пламенными протестами, а только ударом меча. Выковать этот меч — задача внутриполитического руководства народа, а обеспечить работу по выковыванию и найти товарищей по оружию — задача внешней политики».

В современной Германии все подчинено задаче подготовки войны. Подавляя рабочий класс насильственными методами господства, установив режим средневековой реакции, германские фашисты готовят вооруженную силу для угнетения других народов. Лихорадочная военная подготовка, разгул шовинизма, антисоветские кампании в печати — все это указывает на то, какую угрозу представляет для мира и всеобщей безопасности германский фашизм, стремящийся к насильственному захвату чужих земель, к подавлению малых стран и к новому вооруженному переделу мира.

(«Правда» от 7 июня 1935 г.).

Ю. Гер

ВОЕННАЯ ПРОПАГАНДА В ФАШИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ

С момента прихода Гитлера к власти вся жизнь огромной страны — ее техника и экономика, ее политика, школы, искусство, наука—целиком поставлена на службу важнейшей задаче национал-социализма — подготовке новой мировой войны.

Декрет о введении воинской повинности и закон о военно-воздушном флоте являются лишь звеньями одной цепи, грозящей

удушением народам Европы. О внешней политике и военно-политической подготовке «Третьей империи» писалось неоднократно. Программа империалистических захватов с циничной откровенностью развернута в ответственных документах вождей германского фашизма. И если не считать особо деликатных джентльменов, вершающих судьбы английской дипломатии, нет мыслящего человека, который не знал бы истинной цены гитлеровского «миролюбия».

Перед нами объемистая книга — сборник документов, рисующих действительный размах милитаризации Германии. Книга издана секретарем английского союза «демократического контроля» Дороти Вудман [1].

Приведенные в ней материалы частично уже потеряли свою актуальность — они превзойдены последующей практикой германского фашизма. Но есть в ней глава, которая еще долго не потеряет своей грозной актуальности, — глава об «идеологическом вооружении» гитлеровской Германии.

Автор предупреждает, что наци сделают все возможное, дабы парализовать впечатление от приводимых в книге разоблачений. Но книга ценна и убедительна именно своей сухой регистрацией фактов, насыщенностью документами, заимствованными из первоисточников.

«Здесь, — пишет Вудман, — впервые в полном объеме показано военное значение гитлеровской диктатуры на основании аутентичного материала, на основании официальных публикаций гитлеровского правительства и военного министерства, на основании военных и специальных изданий гитлеровского режима».

●

Краеугольным камнем «идеологического вооружения» фашистской Германии служит пропаганда расового изуверства. В интересах военной политики буржуазии массам стараются привить идеологию «господской расы».

Идее «господской расы» корреспондирует лозунг «Великой Германии». Границы ее выходят далеко за пределы сегодняшней Германии, постоянно меняя свое расположение в зависимости от задач пропаганды и политической обстановки. Естественно, что взор фашистских идеологов прежде всего направлен в сторону Советского союза, где им чудится легкая добыча для фашистских сверхчеловеков.

Этот маршрут предписан Гитлером, и вся идеологическая машина работает над тем, чтобы привить массам волю к колониальным захватам на Востоке. В книге Вудман шаг за шагом вскрывается, как зоологическая ненависть к другим нациям превращается в современной Германии в основу общественного воспитания.

Автор не удовлетворяется анализом университетских программ и либретто кинофильмов. Он забирается глубже, заглядывает в

---

[1] Дороти Вудман, Германия вооружается, Соцэкгиз, 1935 г.

быт, в школы, в детскую комнату германского бюргера. И всюду он открывает чудовищные следы фашистской отравы, везде он натыкается на факты человеконенавистничества, на проповедь жестокости и порабощения чужих народов.

Какие песни поет фашистская молодежь? В сотнях тысяч экземпляров выпускаются военные марши и шовинистические песни, распеваемые в школах и национал-социалистских организациях. Вудман посвящает много страниц характерному тексту песен «новой» Германии. Вот например строфа из «Песни мюнхенского штурмовика»:

«Близится день мести,
Зовет нас фюрер на войну».

В песеннике «гитлеровской молодежи» мы находим типичную песню:

«Кто хочет вместе с нами двинуться в борьбу,
Когда команду Гитлер подает?
Да, тогда мы смело зашагаем,
Пусть Гитлер нас ведет.
Целься, пали и быстрей заряжай.
Когда ж взрывается граната,
От радости бурлит душа.
Да, тогда мы смело зашагаем...»

Витрины книжных магазинов — зеркало культуры страны. Оно в современной Германии ярко отражает все, чем живет, о чем мечтает господствующая клика. Произведения крупнейших писателей и публицистов сожжены на кострах фашистскими вандалами. Свободное слово представлено в Германии только подпольной печатью компартии. На открытом книжном рынке безраздельно господствуют шовинистический роман бездарных авторов, фальсифицированная история, учебник строевой службы и правила пулеметного огня.

«Масса военной литературы, — пишет Вудман, предназначена для молодежи. Даже в детской литературе основной темой служат казарма, табель о рангах и знаки отличия». Истинно германская воинственность прививается детским мозгам в таких неумеренных дозах, что нередко даже патриотические родители приходят в ужас от неистовства своих отпрысков. Чего стоят хотя бы трогательные стихи некоей валькирии — Анны Тенцер, приведенные в книжке детских песен:

«Отечество, — тебя я обожаю, и хотя еще я мал, скорей давайте саблю.
Хочу учиться маршировке; наш фюрер будет рад, когда увидит нас такими, и даст нам по винтовке».

Милитаризации всех сторон жизни служат многочисленные популярные военные журналы, военные приложения, специальные страницы в газетах, где военные специалисты освещают исторические этапы старой армии, анализируют сражения, стратегические планы последней войны, рисуют идиллию «фронтового содружества» и романтику старой прусской казармы.

Не отстает и кино, окончательно испоганенное гнусной стряп-

ней фельдфебелей от искусства. На «военную службу» взят и театр. Такие вещи, как «Дер Хиас», «Лангермарк», «Смерть в Женеве» и т. п., вызывают тошноту у всякого зрителя с мало-мальски нормальным вкусом. Но за неимением лучшего германскому театру приходится довольствоваться этими экспериментами искусства.

Геббельс поучал деятелей театрального искусства: «Германское искусство ближайших десятилетий будет героическим, будет стальным и романтическим, будет лишено сантиментальности, будет проникнуто национальным духом и большим пафосом...». Этот «пафос» и обрушивается на зрителя с театральных подмостков.

Исключительное внимание уделяется школе как фундаменту «национального воспитания». Министру Русту принадлежит знаменитое изречение: «Учитель должен сознавать себя солдатом».

Школа для коричневых педагогов не что иное, как подготовительная ступень к казарме:

«Школа, — говорил Руст собравшимся учителям, — должна равняться по нашей великой армии. Она должна заботиться, чтобы весь народ воспитывался в этом духе. Господа учителя! Вы штурмовые руководители народного образования... Я не оставляю никаких сомнений насчет того, что мы должны воспитать в народе спартанский дух. И всякий, кто не хочет присоединиться к этому спартанскому содружеству, должен отказаться от мысли когда-либо стать гражданином нашей страны...».

В программе школы военная муштра и «словесность» столь же обязательный предмет, как и вся фашистская мудрость об «избранной нации». Преподавание истории ведется под специфическим углом зрения шовинистической пропаганды. В этом отношении типичны «тезисы для учебников истории», изданные министром внутренних дел Фриком и опубликованные в «Дейтше лерерцейтунг». Основные идеи тезисов сводятся к следующему:

1. На всем протяжении курса особое внимание уделять значению расовой проблемы.

2. Должен быть подчеркнут национализм в его борьбе с интернационализмом.

3. Треть немцев живет ныне вне Германии. Изучение их судьбы необходимо включить в преподавание отечественной истории.

4. На всех ступенях преподавания внедрять идею героической борьбы и авторитарный принцип.

5. Прививать школьникам идею превосходства северной расы завоевателей. Под этим углом зрения преподавать историю Европы и древнюю историю.

6. Основной упор делать на изучении истории последних двух десятилетий от 1914—1918 гг. до победы национал-социализма.

Для обработки голов мобилизована и церковь. Острая церковная распря, отражая внутренние противоречия в лагере буржуазии, объясняется не в последнюю очередь стремлением национал-социалистов унифицировать церковь с тем, чтобы и ее поставить на непосредственную службу шовинизму. Фашистские попы

из фракции «германских христиан» ведут себя как заправские солдаты в рясах.

Германский епископ сокрушается в своей проповеди в Кенигсберге по поводу того, что «церковь слишком усердно служила миру». А в рождественской речи в 1933 г. он заявляет, что «мир на земле» не есть «долой войну». Он возводит в религиозный догмат расовый идиотизм своих коричневых хозяев и поучает свою паству. «Вы должны понять, что немец лучше, чем чужестранец, против которого вы всегда и всюду должны вести войну».

Таких примеров можно привести бесконечно много, но они не меняют основного вывода, который напрашивается сам собой: идеологическую обработку голов для предстоящей бойни национал-социалистская власть ведет не менее последовательно, широко и энергично, чем техническую и организационно-политическую.

(«За индустриализацию» от 24 марта 1935 г.).

А. Виленчук

ПОДЖИГАТЕЛИ ВОЙНЫ ЗА РАБОТОЙ

«Если бы Ал. Капонэ был избран президентом Соединенных штатов и взялся бы управлять государством при помощи своих бандитов и ку-клукс-клана, то получился бы результат, примерно соответствующий национал-социалистскому режиму, — быть может несколько более вульгарный и менее логически выдержанный».

(Из книги видного английского буржуазного журналиста R. Dell. Germany unmasked, London 1934).

Два месяца назад на территории Чехословакии бандитами германской охранки был убит бежавший из Германии бывший национал-социалист инженер Формис. На-днях Веземан, бывший женевский корреспондент германских социал-демократических газет, ныне агент-провокатор той же охранки, завлек из Страсбурга видного антимилитаристского журналиста Бертольда Якоба в Базель; оттуда Якоб насильно был увезен в Германию.

Переговоры чехословацкой полиции с германскими властями о выдаче убийц Формиса оказались безуспешными. Столь же безуспешным повидимому окажется демарш, предпринятый на-днях швейцарским послом в Берлине.

Формис и Якоб лишь замыкают цепь террористических актов наци за границей, первым звеном которой явилось убийство д-ра Бела весной 1933 г. Последние террористические акты агентов

«Третьей империи», обратившие на себя внимание всей мировой печати, повысили интерес к заграничной деятельности германских фашистов в целом, ибо она не исчерпывается бандитскими налетами и убийствами. Мы здесь имеем дело со щедро финансируемым, раскинутым по всему миру аппаратом, выполняющим за границей самые разнообразные задания хозяев фашистской Германии, начиная от обработки в пользу наци общественного мнения при посредстве оплаченных пропагандистов путем подкупа печати и политических деятелей и кончая шпионско-диверсионной деятельностью.

Профессор Эвальд Банзе, один из виднейших идеологов войны фашистской Германии, за излишнюю откровенность попавший было в опалу, но недавно опять выплывший на поверхность, писал в своей нашумевшей книге «Наука о войне» [1]:

> «Психология народов относится к числу орудий воюющей державы... Здесь речь идет о том, чтобы, во-первых, внушить своему народу волю к войне и закалить его против возможной вражеской кампании лжи; во-вторых, чтобы морально расшатать вражеский народ, сломить его волю к войне и сделать готовым к заключению мира [2], и, в-третьих, чтобы внушить нейтральным народам вражду к неприятелю, а, по возможности, вовлечь в войну на свою сторону» (стр. 21).

Выполнение всех этих задач должно быть подготовлено еще в мирное время. Воздействие на «психологию народов» является существенным элементом подготовки к войне.

> «На психологию народов, — пишет Банзе, — надо мудро и осторожно воздействовать еще в мирное время. Чем меньше эта деятельность будет непосредственно заметна, тем сильнее будет ее эффект. К услугам ее должны прибегать как политики, так и военачальники. Крепкие заграничные вспомогательные центры незаметно должны воздействовать на вражеские и нейтральные страны при помощи густой сети и пользоваться всеми средствами, которые покажутся им подходящими для выполнения возложенных на них задач: печатью, радио, кино, шпионажем и политическими течениями» (стр. 21).

Эта книга появилась в Германии уже после прихода Гитлера к власти. До этого, в 1932 г., тот же автор писал в книге «Территория и народ в мировой войне» [3]:

> «Хорошо организованная пропаганда должна... действовать так, чтобы народ, ее организующий, при объявлении

---

[1] E. Banse, Die Wehrwissenschaft.

[2] Какого мира добивается «Третья империя», читатель может узнать на стр. 438 коронного труда А. Гитлера («Mein Kampf»), где нижеследующее напечатано курсивом: «Мир, опирающийся не на пальмовые опахала плаксивых пацифистских баб, а заложенный победоносным мечом народа господ, который ставит себе на службу земной шар в интересах высшей культуры».

[3] «Raum und Volk im Weltkriege».

войны уже имел возможность пожинать плоды. Пропаганда во время войны должна явиться целеустремленным и более бурным продолжением пропаганды мирного времени... В частности речь идет об учреждении своих центров в чужих столицах, о литературной пропаганде путем распространения брошюр, фильмов и радио, об учреждении всякого рода организаций в соответствии с характером данного народа, как например читальных зал, бюро хозяйственной консультации, и наконец путем устной пропаганды при помощи иностранных агентов» (стр. 103).

Лишь только наци пришли к власти, программа Банзе начала осуществляться на деле. Разносторонняя деятельность многочисленных национал-социалистских организаций, действовавших за границей, была в феврале прошлого года подчинена верховному центру — так называемой «заграничной организации национал-социалистской партии». Верховный ее патрон — заместитель Гитлера Рудольф Гесс. Повседневно же ею руководит Э. Боле, в Гамбурге, в тесном контакте с министерством пропаганды, отделом пропаганды министерства иностранных дел и военным министерством. На внешний же взгляд «пропагандистская» деятельность фашистской Германии сильно децентрализована, чтобы создать видимость какого-то стихийного движения.

Отметим, что военное министерство среди прочего создало специальное «военно-психологическое» ведомство, которое специально занимается методологией идеологической подготовки к войне как внутри Германии, так и вне ее. Наряду с шовинистическими лозунгами здесь пускают также в ход и социальную демагогию.

Одним из крупных центров пропагандистской деятельности является министерство Геббельса. В официальном бюджете предусматривается 2,6 млн. на внутреннюю и 7 млн. на заграничную пропаганду. Эти официальные цифры конечно смехотворны. Известно, что министерство пропаганды из доходов одной радиосети располагало суммой около 40 млн. марок. Но эти суммы являются всего лишь ничтожной частью тех средств, которыми питается заграничная пропаганда как внутри Германии, так и вне ее.

Под руководством министерства пропаганды действуют так называемый Союз германского востока, Народный союз немцев за границей, организация австрийских и судетских национал-социалистов (проживающих в Германии), многочисленные пограничные, так называемые «культурные» организации, колониальные союзы и т. д.

Каталог изданий Союза немцев за границей представляет солидную брошюру со списком словарей, романов, «геополитических» произведений, альманахов, учебников, театральных пьес нот, листовок, радиодокладов и т. д. Все выходит под маркой многочисленных издательств, руководимых из одного берлинского центра.

За пределами Германии основной базой фашистской пропа-

ганды являются прежде всего национал-социалистские организации в странах с компактным немецким населением. Официально представители «Третьей империи» неоднократно пытались опровергать связь с национал-социалистскими организациями вне Германии. Вряд ли стоит доказывать все лицемерие этих заявлений. Достаточно например вспомнить, что в официальном органе национал-социалистской партии, являющемся в то же время и правительственным органом, в «Фелькишер беобахтер» (21 февраля 1934 г.) в статье «Путь заграничных немцев к народному коллективу», можно было прочитать:

> «Свыше 350 землячеств и местных групп объединено в заграничной организации национал-социалистской партии. Эти организации являются убежденными поборниками новой Германии и миссионерами идей фюрера».

Германская пропаганда за границей опирается не только на свои филиалы за границей, но и на дружественные местные фашистские организации. Так например: на фламандское национал-социалистское движение в Бельгии, в Голландии, на ряд фашистских организаций в Прибалтике, на Балканах и на российскую белогвардейщину, где бы она ни находилась.

Пропаганда «Третьей империи» за границей наконец всячески использует зарубежные отделения германских торговых, транспортных, экспедиционных и промышленных предприятий, связи германского делового мира с заграничными поставщиками и покупателями, а также заграничные связи научных и учебных учреждений.

●

Деятельность заграничных агентов фашистской Германии принимает наиболее обширные масштабы в тех странах, где имеется компактное немецкое население. В цитированной выше книге «Территория и народ в мировой войне» профессор Банзе к первоочередным объектам пропаганды относит «говорящую на немецком языке Центральную Европу, 92 млн. немцев, область естественной «Третьей империи». Сюда Банзе относит помимо Германии:

1) «чисто немецкие государства»: Австрию, Данциг, Люксембург, Голландию с колониями и Лихтенштейн;

2) «немецкие части чужих государств»: немецкую Бельгию (Фландрию, Брабант, Эйпен, Мальмеди), немецкую Швейцарию, немецкую Францию (Фландрию, Эльзас и Лотарингию), немецкую Италию (особенно южный Тироль). немецкую Югославию (южную Штирию), немецкую Чехословакию (Богемию, Моравию, Силезию), немецкую Польшу (западную Пруссию, Познань, Верхнюю Силезию), немецкую Литву (Мемель), немецкуюДанию (Шлезвиг).

Как следует толковать слова «немецкая Польша» и т. д., поясняет г. Вильгельм Штапель в журнале «Христианский политик»:

«Если бы в Польше жили хотя бы два немца, то они бы означали больше, чем миллионы поляков, хотя бы потому, что они немцы, и что они имеют право, если могут, подчинить поляков своей власти...»[1].

Одним из наиболее ярких проявлений деятельности наци в этих странах является венский путч в июле прошлого года. Сейчас на всех парах подготовляются аналогичные организации в Мемеле. Активно наци развернулись за последнее время в Чехословакии и Швейцарии, занимающих видное место в стратегических планах «Третьей империи». Только при той густой агентской сети, которой наци располагают в последних двух странах, с такой легкостью могли удаться описанные в начале статьи террористические акты.

Мы не будем останавливаться на деятельности национал-социалистских филиалов на Балканах, в прибалтийских странах, а также в Польше, где деятельность наци не прекращается, несмотря на польско-германскую «дружбу».

Деятельность национал-социалистских агентов во всех этих странах всплывает на поверхность повседневно. К более утонченным методам национал-социалистская пропаганда прибегает во Франции и особенно в Англии. Из книги Дороти Вудман приводим следующую выдержку из статьи Пьера Бернюс в националистской «Журналь де деба»:

«Гитлеровская кампания развивается во Франции с такой активностью, которая должна вызвать тревогу... Речи и интервью канцлера Гитлера равносильны обстрелу ядовитыми газами, который предшествует дипломатическому наступлению. Увы! Кадры гитлеровской артиллерии частично состоят из французского персонала. Ничего подобного не случалось в течение всего нашего прошлого».

Этот вопль французского автора вызван национал-социалистской пропагандой в Эльзасе и во всей Франции, в частности скандалом Ставиского. Расследование обнаружило, что и здесь приложены национал-социалистские руки. При обыске в парижском отделении саарского магната Рехлинга был обнаружен материал, указывающий на связь этой фирмы с газетой «Волонте», которую финансировал Ставиский. Гитлеровская пропаганда не ограничивается Францией, но проникает и в ее африканские колонии.

Все инструменты, от утонченнейших и до трубо-шумовых, национал-социалистская пропаганда пускает в ход по отношению к Великобритании, играющей такую исключительную роль во внешнеполитической концепции фашистской Германии.

В Лондоне наряду с официальным германским послом расположился со своей штаб-квартирой полномочный представитель наци. В Англию посылаются целые полчища политиков, хозяйственников, художников, артистов и просто светских людей, обладающих связями в тех прослойках английской буржуазии, где планы и деяния «фюрера» и его апостолов могут рассчитывать на

---

[1] См. указанную в эпиграфе книгу Делла, стр. 108.

успех. Негласный полпред «Третьей империи» не только направляет движение больших и малых гастролеров и руководимых им стационарных кадров. Он пытается сорганизовать «британских друзей».

Роль движущей силы среди последних играют сомнительного британского происхождения финансовые деятели средней руки, специализировавшиеся на операциях с Германией, обладающие некоторыми связями с одним из банков «большой пятерки» и даже кое с кем из персонажей Английского банка, питающих «род недуга» к хозяйственному диктатору «Третьей империи». Сюда же надо причислить бо́льшую и меньшую братию из неунывающих держателей царских бумаг. Из этой среды делаются попытки использовать связи в министерствах как в Великобритании, так и вне ее. Дефицитную «идеологию» и еще кое-что поставляют помимо гитлеровских центров действительные отставные белогвардейские разведчики вроде «украинского патриота» Коростовца, «кавказца» Бичерахова и т. д. Все это делается в целях форсирования того антисоветского варианта «англо-германской дружбы», который положен во главу угла цитированного уже коронного труда Адольфа Гитлера. Поскольку однако математической уверенности в успехе этого варианта нет, национал-социалистские Бисмарки в порядке перестраховки действуют и... «наоборот».

Все еще помнят недавние разоблачения бывшего редактора лондонского «Таймс» Викхэма Стида об упражнениях национал-социалистской агентуры на станциях лондонского метро: Лестер-Сквэр, Тоттенхем-Корд-Род, Пикадилли-Сэркос и Ливерпуль-стрит. Речь шла об испытаниях возможного действия бактерий при сбрасывании их с самолетов. На-днях Авгур в «Пти паризьен» сообщал, что в военных кругах Германии предпринимаются шаги к подготовке вооруженного восстания в Ирландии на случай войны. План этот не нов. Как известно, в последних числах июля 1914 г. германский посол в Лондоне сообщал своему правительству о том, что в Ирландии ожидается восстание и что это обстоятельство помешает Англии послать экспедиционный корпус во Францию. Большую активность проявляет национал-социалистская агентура в бывших германских колониях, находящихся под английским мандатом.

В мартовской книжке консервативного издания «Раунд тэйбл», близкого в вопросах германской политики к лорду Лотиану, приведены чрезычайно любопытные данные о деятельности наци на территории Юго-западной Африки. При всей деликатности, которую администраторы Южноафриканского союза проявили к местным готтентотам «северной расы» (Германия—крупный покупатель шерсти), лавочку последних все же пришлось закрыть. В документе, опубликованном премьер-министром Южноафриканского союза в обоснование запрещения национал-социалистской организации, мы читаем (стр. 427):

> «Организация наци Юго-западной Африки — секция национал-социалистской рабочей партии в Германии. Партия согласно (германскому.—А. В.) акту 1 декабря 1933 г.

тождественна с германским государством и правительством. Вождь группы наци в Юго-западной Африке назначается иностранным отделом этой партии в Германии, руководитель которого (Гесс. — А. В.) непосредственно подчинен верховному главе (Гитлеру. — А. В.). Для местного лидера группы майора Вейгеля и его предшественника г. Вандке Юго-западная Африка—часть германской территории. Борьба Германии за свободу поэтому для них означает возвращение Германии этой территории».

И после запрета наци не унывают. Они уже нашли новые формы деятельности, ибо кайзеровская Германия убухала здесь, включая на экспедиции по кровавому подавлению восстаний «туземцев», около 600 млн. марок.

В заключение отметим значительную деятельность, которую развили наци за последние два года в США. Наци здесь действуют под маркой организации «друзей новой Германии», «культурбунда» и т. д. Германской пропаганде в США, как сообщается в книге Дороти Вудман, в частности содействуют субсидируемые германским правительством пароходные компании «Гапаг», «Северогерманский Ллойд». Большинство заграничных служащих этих компаний—национал-социалисты.

Специальное расследование североамериканского сената обнаружило, как далеко раскинули свои сети национал-социалистские организации. В частности установлено, что одна из этих организаций («Бьюнаст»), возглавляемая небезызвестным графом Зауэрма-Дуглас, прикрываясь лозунгом борьбы с мировым большевизмом, всецело посвящает себя шпионской деятельности.

Наряду с легальным рейхсвером издавна существовал «черный», нелегальный рейхсвер. Наряду с официальной политикой Вильгельмштрассе существуют в «Третьей империи» центры, дополняющие деятельность германских дипломатов словом и делом.

С ускорением темпов подготовки фашистской Германии к войне есть все основания ожидать бешеного усиления заграничной активности агентуры «Третьей империи», ее бандитов, шпионов и диверсантов.

(«Правда» от 4 апреля 1935 г.).

НАЦИ И ВЕНСКИЙ ПУТЧ

Присоединение Австрии руководители «Третьей империи» с первого дня их прихода к власти открыто выдвинули в качестве первоочередного пункта своей внешнеполитической программы. Австрия представляет исключительную ценность в качестве ключевой позиции для господства в Центральной и Юго-восточной Европе. Преобладание немцев в составе шестимиллионного населения Австрии дает возможность хозяевам фашистской Германии особо легко прикрывать свои захватнические аппетиты национальным «великогерманским» флагом.

С первого же дня прихода наци к власти обнаружилось, что открытый захват Австрии натолкнется на вооруженный отпор со стороны держав, заинтересованных в «независимости» Австрии. После неудачных попыток сговора с Италией фашистская Германия делает основной упор на «захват Австрии изнутри». «Третья империя» начинает бросать огромные средства на легальную и нелегальную организацию своего австрийского филиала австрийских наци.

Агентура «Третьей империи» пробирается во все звенья государственного аппарата Австрии, вплоть до его верхушки. Главарей правящей в Австрии клерикально-фашистской диктатуры, палачей героического австрийского пролетариата отделяют от гитлеровской агентуры не принципиальные, а тактические разногласия и главным образом различие внешнеполитической ориентации. «Отечественный», «истинно-австрийский» фашизм за последние годы все больше подпадал под влияние фашистской Италии, продолжая в то же время поддерживать связи с Францией. Но борьба группировок внутри правящих в Австрии клик дает возможность наци иметь свою агентуру и в самой правительственной верхушке Австрии. К числу крупных гитлеровских агентов относится Антон Ринтелен, бывший наместник Штирии, несколько раз занимавший посты австрийского министра просвещения и финансов, а летом 1934 г. — пост австрийского посланника в Риме.

Заговор гитлеровского филиала в Вене 25 июля 1934 г. начался с захвата дворца союзного канцлера Дольфуса и убийства последнего. Другая колонна австрийских штурмовиков одновременно захватила здание венской центральной радиостанции и в 1 час дня оповестила весь мир: «Правительство Дольфуса ушло в отставку. Ринтелен принял правительственные дела». Технически заговор наци был организован образцово. Тем не менее он позорно провалился в тот же день перед лицом полного отсутствия поддержки в массах и таких решающих аргументов, как немедленное продвижение к границам Австрии итальянских, югославских и чехословацких войск.

Приводимый ниже материал представляет выдержку из вышедшего в Цюрихе в конце 1934 г. на немецком языке сборника «Австрия — очаг пожара в Европе». Материал очень наглядно показывает, как тесно переплетается деятельность дипломатии Вильгельмштрассе с деятельностью бандитско-диверсионных центров германских наци и их заграничных филиалов.

Редакция

●

Следующие факты доказывают активное участие Германии в венском путче.

Уже 17 июня газета «Фелькишер беобахтер» (германский официоз) вела пропаганду в пользу кабинета Ринтелена под огромной «шапкой». Материал этот, по указанию министерства пропаганды, был перепечатан всей германской прессой. 25 июля Ринтелен находился в Вене, хотя никаких оснований для пребывания там у него не было. Он был наготове, собираясь возглавить новое правительство. В списке министров его будущего кабинета фигурировали между прочим Габихт и Фрауэнфельд[1]. Известие о кабинете Ринтелена было 25 июля передано германской радиостанцией. Ринтелен был для Берлина своим человеком: особоуполномоченный Гитлера Риббентроп во время своего пребывания в Риме имел с Ринтеленом ряд продолжительных бесед.

Уже утром 25 июля Габихт и Фрауэнфельд держали наготове в Мюнхене аэропланы, чтобы иметь возможность вылететь в Вену

---

[1] Руководители австрийских наци. (Ред.).

и принять участие в образовании кабинета. Еще 19 июля Фрауэнфельд в речи по радио[1] угрожал, что «судьба кабинета Дольфуса решена», что «этот кабинет будет унесен бурным потоком» и что «народ противопоставит дольфусовской системе свое собственное право самозащиты». Позже найдены были приказы мюнхенского правления национал-социалистской партии, предусматривавшие вплоть до мельчайших деталей все шаги, которые следовало предпринять в случае путча. Австрийский легион[2] был уже сосредоточен на австрийской границе. Некоторые части легиона даже перешли границу с оружием в руках, но были отогнаны обратно австрийскими пограничными войсками.

Германский посол в Вене Рит был осведомлен о предполагаемом выступлении: он получил свои инструкции. Рит — это тип старого заговорщика. Это — выученик Папена, которому так же везло, как и учителю; впрочем он никогда ничего не предпринимал, не обеспечив предварительно своего тыла. Если бы берлинские властители не были с Ритом заодно, то после его отозвания ему не было бы предоставлено возможности выступать с пространными объяснениями в печати и по радио для своей реабилитации.

В провинции центром путча было известное горнопромышленное общество «Альпине монтан», генеральный директор которого Апольд был даже на несколько дней арестован (потом правительство с ним договорилось). Общество это находится в руках Тиссена и Феглера, стоящих во главе германского Стального треста. Под диктовку «Альпине монтан» в Австрии устанавливались таможенные тарифы; общество снабжало Германию материалами для германских вооружений; оно являлось крупнейшим филиалом наци в провинции, главным центром национал-социалистской пропаганды и в то же время арсеналом, поставлявшим оружие и динамит австрийскому отделению германских наци. Весь управленческий аппарат «Альпине монтан» состоял из наци; большей частью это были германские подданные, активно работавшие для наци. Администрация общества заставляла своих служащих и рабочих вступать в национал-социалистскую партию. Кто не соглашался, тех сразу же увольняли. Все, что бы ни предпринимало правление «Альпине монтан», делалось всегда с ведома Тиссена и Феглера, а все его политические шаги производились по приказу мюнхенского правления наци, которое в свою очередь не предпринимает ничего без центрального правления в Берлине. Ответственным лицом является заместитель Гитлера — имперский министр Гесс, но главную ответственность несет сам «фюрер».

Далее было установлено, что один из австрийских штурмовых отрядов (№ 89) образовал основное ядро выступления в управлении союзного канцлера. Австрийские штурмовые отряды принадлежат к составу «южной группы» германских СС (охранных отрядов). Эта група имеет свое местопребывание в Мюнхене на улице Мэльштрассе; она подчинена «имперскому правлению СС», на-

---

[1] Из Мюнхена. (Ред.).

[2] Военное формирование на германской территории, в состав которого частично входили австрийские наци-эмигранты. (Ред.).

ходящемуся также в Мюнхене, на Габельсбергерштрассе. Во главе имперского правления стоит Гимлер, но верховным его вождем опять-таки является сам «фюрер».

Корреспонденция, направлявшаяся руководителям наци в Австрии, шла через германское посольство в Вене и передавалась через посредство секретаря посольства Георга фон Бройх-Опперта, который также располагал необходимыми денежными суммами.

«Германское агентство по снабжению печати фотоматериалами» в Берлине уже 22 июля разослало матрицы с портретами Дольфуса, Фея и Ринтелена, а также со снимками управления союзного канцлера, «Равага»[1] и центральной радиостанции. Под портретом Дольфуса имелась такая надпись: «Дольфус — скончался от тяжелых ран, полученных им во время борьбы в здании управления союзного канцлера». Выходящая в Страсбурге на немецком языке газета «Эльзасец» получила эти матрицы утренней почтой 25 июля. В «Коричневой книге», которую выпустило австрийское правительство, опубликован ключ к телеграфному шифру, найденному у одного национал-социалистского курьера, задержанного в ночь после путча на германской границе. В этом шифре имелись условные обозначения между прочим для следующих сообщений: «Дольфус убит. Дольфус на свободе. Дольфус арестован. Армия настроена дружественно. Армия нейтральна. Ринтелен назначен канцлером. Отзовите австрийский легион...»

После 30 июня гитлеровская диктатура оказалась в крайне затруднительном положении, поэтому нужно было обязательно добиться какого-нибудь успеха... В собственных рядах наци росло недовольство; между кликами вождей шли раздоры. События 30 июня произвели потрясающее впечатление на австрийских наци. Гитлеровскому режиму необходимо было создать какую-то отдушину. Гитлер не мог оставаться верным соглашению в Стра. Надо было разрядить атмосферу, и германские национал-социалисты решились на внешнеполитическую авантюру, хотя бы это и угрожало Германии войной. Однако кампания была проиграна уже в первом сражении. Правда, «Раваг» и здание управления союзного канцлера удалось захватить врасплох, а «Альпине монтан» не отказал в своей помощи путчистам. Правда, разложение охватило армию, хеймвер, бюрократию и полицию. Внутри страны Дольфус не имел массовой базы. Даже внутри его кабинета обнаружились глубочайшие разногласия. Больше того, «благородный» Фей[2], эта темная личность, поддерживал теснейшие связи с наци, вел с ними переговоры и не предпринимал ничего, чтобы помешать возникновению путча, о подготовке которого он несомненно был осведомлен. Но чтобы Шушниг[3] и Миклас[4] решились на сопротивление, в то время когда Ринтелен и Фей

---

[1] Австрийское радиоуправление.

[2] Руководитель австрийской охранки. (Ред.).

[3] Нынешний глава австрийского правительства; в кабинете Дольфуса — министр юстиции. (Ред.).

[4] Президент. (Ред.).

идут заодно с путчистами (первый открыто, второй — едва маскируя свое отношение к событиям), этого германские инициаторы путча не ожидали. Очевидно Ринтелен и Фей изображали перед ними положение в таком свете, что успех путча представлялся им абсолютно обеспеченным. Точно так же расчет наци на то, что казнь Герля удастся использовать для создания подходящего настроения в массах, оказался ложным. Из-за сторонника палачей рабочего класса в «Третьей империи» рабочие Вены не пошевельнули и пальцем. Если головка наци думала, что главная масса пролетариата, т. е. революционные, классовосознательные рабочие, перешла после февраля на их сторону, то они глубоко ошибались.

Но вряд ли наци вообще сколько-нибудь серьезно рассчитывали на рабочих и их активное вмешательство. Из содержания инструкций мюнхенского центра наци по организации австрийского путча следует, что наци скорее стремились к тому, чтобы нейтрализовать рабочих и «пока» избегать всяких столкновений с ними. Самой неприятной вещью для наци была бы активность рабочих. Они знали, что вмешательство рабочего класса опрокинет все их планы и что волна их захлестнет...

В Вене наци во время путча не осмелились даже попытаться мобилизовать массы, несмотря на всю казалось бы серьезность положения. Иначе обстояло дело в провинции, особенно в тех областях, где наци были более или менее уверены в поддержке рабочих и где они имели значительные массы сторонников среди крестьянства и мелкой буржуазии. Там наци обратились к массам с призывом о поддержке путча. Но если не считать заводов «Альпине монтан» в Штирии и Раденгейма в Каринтии, то из рабочих на призыв наци откликнулись лишь единицы. Что же касается крестьян и мелкой буржуазии, то за путчистами пошла только часть этих слоев.

Берлин капитулировал. Объятые страхом германские властители начали поспешное отступление по всей линии. Прежде всего надо было замести следы. В течение нескольких часов национал-социалисты отказались от всего того, чего они до сего времени требовали и осуществление чего формировали изо всех сил. Германские радиостанции коренным образом изменили характер своих сообщений об австрийских делах. Рит был отозван. Германское правительство заявило, что если австрийские путчисты подойдут к германской границе, то оно запретит им переход в Германию. Люди, которых Фрауэнфельд подговорил на убийство, были отданы во власть палача. Распространялись также ложные сообщения о том, будто бы Габихт и Фрауэнфельд арестованы, что австрийский легион (в Германии) интернирован и охраняется штурмовыми отрядами, а часть его даже отправлена в Восточную Пруссию. Говорили, что мюнхенское правление наци распущено. Радиопередачи для Австрии были временно приостановлены. По поводу смерти Дольфуса в Берлине проливали крокодиловы слезы. В первые дни после путча германская пресса была до того сбита с толку, что в Берлине она в общем проводила линию от-

ступления и в то же время в провинции еще сохраняла прежнюю линию. Более того, в самом Берлине еще вечером 25 июля различные издания совершенно по-разному изображали события. Затем Гитлер назначил «своим» чрезвычайным послом в Вене вице-канцлера Папена. После 30 июня никто не знал, выполняет ли еще Папен какие-нибудь правительственные функции. Он лишь случайно избежал кровавой бани и теперь, несмотря на убийство его долголетних сотрудников, доверенных лиц и друзей, не отказал «фюреру» в своих услугах. Назначение Папена произошло в такой необычной, вызывающей форме, которая изумила весь мир: до сих пор никогда еще назначение посла не производилось без того, чтобы раньше не было получено согласия (агреман) того государства, которому новый посол должен вручить свои верительные грамоты. Но Берлин очень спешил дать заверения в своем миролюбии и покорности. Австрийские наци были ошеломлены. Письмо Гитлера к Папену содержало самое резкое осуждение австрийских сотоварищей по партии и выражало сожаление по поводу их действий. Шушниг распорядился напечатать это письмо экстренным изданием и сбрасывать его над местами расположения путчистов в Каринтии. Австрийские наци почувствовали себя покинутыми, брошенными, преданными. Человек, за которым они слепо следовали, предал и оставил их. Мало того: теперь, когда палач уже готов был занести над руководителями путча свой топор, этот человек осыпал их бранью. Тысячи людей поняли теперь, какую с ними вели бессовестную игру, как их все время дурачили и лицемерно подбивали на активное выступление. Ведь до сих пор массы сторонников наци не знали, что Гитлер и его приближенные вели с ними двойную игру уже в течение целого года. Предательство стало очевидным. Тогда тысячи людей, до глубины души возмущенные этими беспримерными методами, повернулись спиной к национал-социалистскому движению.

Правительство Шушнига дало свое согласие на назначение послом в Вене гитлеровского «государственного комиссара по делам Австрии» г-на Папена. Шушниг не закрывает пути к соглашению. Папен имеет своей задачей найти новый путь к достижению компромисса с австрофашизмом.

В середине сентября Шушниг освободил 400 национал-социалистов из лагерей, где они были интернированы. В октябре было освобождено еще большее количество. Правда, Папена встретили в Вене опубликованием «Коричневой книги»[1]. Это должно было напомнить ему, что не всякое соглашение представляется приемлемым. Но Папен доказал австрийскому правительству, что он понял этот намек, и уже после первых переговоров на Балхаузплац правительство Шушнига дало указание газетам не печатать ничего «против Германии и Гитлера».

Так, пользуясь благожелательным отношением Шушнига,

---

[1] Речь идет о сборнике документов, опубликованном правительством Шушнига в сентябре 1934 г. по поводу венского путча наци. (Ред.).

Берлин сейчас старается действовать «дипломатическим» методом. Однако в то же время производится перегруппировка сил, создаются новые террористические организации. На сей раз конспиративную часть работы взял на себя сам Геббельс. Двойная игра продолжается; работа идет, роли участников теперь только и распределены как следует. Банкротам «Третьей империи» не остается другого выбора.

Л. Волынский

ФОРПОСТ ГЕРМАНСКОГО ФАШИЗМА В ЧЕХОСЛОВАКИИ

Чехословакия образовалась из областей, входивших до мировой империалистической войны в состав Австро-Венгерской империи: из Богемии, Моравии, значительной части австрийской Силезии, Словакии и Подкарпатской Украины. От Германии ее отделяет прежняя австро-германская граница. Из бывших германских земель только небольшой Гульчинский округ в юго-западном углу Силезии, площадью в 286 км² с 25 тыс. жителей, был передан Чехословакии.

Главные вожделения германского фашизма устремлены к районам, расположенным по обе стороны горного хребта Судет и к западу от него. Стараниями германского министерства пропаганды и гестапо (германская тайная полиция) здесь создан форпост воинствующего гитлеризма. Эту роль выполняет фашистская партия судетенхейматфронт («отечественный фронт на Судетах»), руководимая неким Конрадом Генлейном.

Хейматфронт был сформирован в октябре 1933 г., после того как в Чехословакии были запрещены партии немецких националистов и национал-социалистов. Партия Генлейна впитала в себя кадры обеих запрещенных партий и в настоящее время насчитывает около 1 200 местных организаций, объединяющих 120—140 тыс. членов.

Опасаясь, чтобы хейматфронт не оказался под угрозой роспуска, и стремясь, по указаниям из Берлина, использовать все легальные возможности для агитации и организации, Конрад Генлейн пока выступает под маской «лойяльного» объединения немецкого населения в государственных границах Чехословакии. Под этими лозунгами хейматфронт намеревается выступить на предстоящих в ближайшее время парламентских выборах.

Партия Генлейна представляет интересы немецких промышленных и банковских кругов, связанных с германским капиталом. К числу ее «активистов» принадлежит например известный заводчик М. Рихтер, член правления богемского банка «Унион» (этот же Рихтер избран недавно председателем союза немецких

национальных групп в Европе, который представляет собой один из филиалов ведомства Геббельса).

Спекулируя на нищете и голоде трудящегося населения Судет (из 3,5 млн. немецких жителей Чехословакии свыше 400 тыс. безработных), Генлейн развивает бешеную шовинистическую агитацию по рецептам и методам германских национал-социалистов. В его распоряжении десятки газет и журналов во главе с его штабным органом «Рундшау», а также огромное количество литературы, поставляемой из Германии.

При помощи специально созданной буржуазной филантропической организации фольксхильфе агенты Генлейна пытаются вовлечь в хейматфронт безработных.

Карта Чехословакии

В городах и селениях Судет инсценируются такие же парады и смотры, как в фашистской Германии. Тот же солдафонски пышный язык воззваний, те же призывы к воинственному духу. Состоящие на субсидии поэты, вроде Дольфа Пешанеля, воспевают «далекую родину» (читай — Германию, хотя судетские немцы никогда к ней не принадлежали), рокот приближающегося «штурма» и его предвестников из хейматфронта.

Ближайшей задачей, которую поставил себе Генлейн, было унифицировать в рядах хейматфронта все национальное немецкое движение в Чехословакии за счет союза аграриев, христианско-социалистской партии и др. В известной мере ему уже удалось привлечь на свою сторону некоторые элементы из этих партий.

Кандидатурам хейматфронта обеспечена немалая поддержка на выборах со стороны значительных слоев немецкой буржуазии в Чехословакии.

●

За «лойяльной» декорацией хейматфронта действует гестапо, идет организация штурмовых отрядов, действует германская военная разведка.

В феврале 1935 г. в городке Троппау слушались два процесса, которые напоминают закончившийся месяц назад процесс мемельских национал-социалистов в Ковно (Литва). Карл Эслер, Марк Эртельсберг, Отто Бешик и Альфред Буркерт ранее входили в запрещенную национал-социалистскую партию. Теперь они — члены хейматфронта. При обыске у них были обнаружены документы, из которых видно, что наряду с официальными организациями Генлейна на Судетах создаются отряды черных штурмовиков. После присоединения Австрии к Германии, говорилось в одном из писем, настанет очередь Чехословакии. Помимо 140 тыс. членов хейматфронта в дело вступят 25 тыс. штурмовиков.

Обвиняемый Буркерт признал, что занимался по прямому поручению из Германии шпионажем среди немецкого населения. В одном из писем указывалось, что в г. Ратиборе составляются «черные списки» противников хейматфронта.

Еще большие подробности выяснились на втором процессе — секретаря организации хейматфронта Отто Гебауэра и коммерсанта Освальда Вейсхуна. Оба они, как подтвердилось, занимались переправой в Германию членов организации. Гебауэр по заданию германского союза зарубежных немцев занимался агитацией и создавал в пограничных районах группы, «деятельность которых была направлена против целостности чехословацкого государства».

«Дейче тагесцейтунг», орган Генлейна в Карлсбаде, проговорился в одной из своих статей, что хейматфронт организует сеть уличных и домовых «доверенных людей», как это было в Сааре. Функции этих фашистских «доверенных» известны: шпионаж за трудящимся населением, собирание материалов против антифашистов, террористические и диверсионные акты.

Если взглянуть на карту Чехословакии, то можно сразу убедиться, какие трудности вызывает ее оборона. Полукольцом облегает ее Германия (с севера, северо-запада, юга). Продолжением на севере тянется граница с Польшей, на юге — граница с Австрией и далее — с Венгрией. Как известно, гитлеровская дипломатия усердно трудится над сколачиванием германо-польско-венгерского блока. Чехословакия окажется тогда в кольце, и только незначительный участок границы с Румынией обеспечивает ей связь с внешним миром [1].

(«Правда» от 10 мая 1935 г.).

---

[1] На выборах в чехословацкую палату депутатов, происходивших 18 мая 1935 г., национал-социалистская агентура Генлейна собрала 1¼ млн. голосов и получила 44 мандата, в то время как прочие немецкие буржуазные партии совместно с немецкими социал-демократами получили 600 тыс. голосов и 22 мандата. По числу мандатов партия Генлейна вышла на второе место после партии чешских аграриев, получивших 45 мандатов. КПЧ собрала 850 тыс. голосов и получила 30 мандатов (Ред.).

V. ВОЕННАЯ УГРОЗА И ГЕРМАНСКИЙ ПРОЛЕТАРИАТ

В. Кнорин

ФАШИЗМ И ПРОЛЕТАРИАТ

1

Более двух лет прошло с тех пор, как германская буржуазия, оказавшись не в состоянии властвовать дольше старыми методами парламентаризма и буржуазной демократии, воспользовалась все еще значительным влиянием социал-демократии, расчистившей дорогу фашизму и удерживающей массы от борьбы, чтобы передать государственную власть фашистской партии Гитлера и установить в Германии фашистскую диктатуру.

Фашизму удалось нанести поражение германскому пролетариату и временно укрепить власть германской буржуазии, но эта победа фашизма не только не привела к упадку, наоборот, она ускорила рост революционизирования трудящихся масс во всем мире. Во всех странах поднялось мощное антифашистское и антивоенное движение, свидетельствующее об обострении классовой борьбы и затрудняющее для буржуазии тех стран, в которых еще сохранились остатки парламентаризма и демократических свобод, переход к фашистскому методу осуществления своего классового господства. Австрийская и испанская социал-демократия после уроков капитуляции германской социал-демократии уже не могла просто капитулировать перед наступающим фашизмом, а была вынуждена уступить требованиям масс и согласиться на вооруженную борьбу. Совместная борьба социалистов и коммунистов во Франции путем всеобщей забастовки и демонстраций **задержала развитие фашизма во Франции**. Во Франции, в Польше, в Англии, в США развернулось широкое массовое движение за единый фронт против фашизма, против подготовки новой войны. В Китае новые успехи красной армии расшатывают гоминдановское правительство.

В итоге роста революционности масс, с одной стороны, и установления фашистской диктатуры в значительной части капиталистических стран и приближения новой империалистической войны, с другой стороны, международное положение стало крайне напряженным.

Политикой фашистского террора против трудящихся и подготовкой новой войны эксплоататорские классы еще больше запутывают это положение. Они готовят войну, чтобы с помощью военного грабежа чужих стран, перераспределения рынков и сфер влияния найти путь к новому подъему капитализма. Но они не решаются начать войну, опасаясь, что война после многих лет экономического кризиса, нищеты и нужды масс в капиталистических странах и победы социализма в СССР ускорит наступление революционного кризиса. Поэтому буржуазия стоит в нерешительности перед труднейшими проблемами современной эпохи. Все более обостряются конфликты между различными ее группами, принимая все чаще насильнический, кровавый характер. Развязывается гражданская война между эксплоатируемыми и эксплоататорами, вспыхивают междоусобные войны между различными группами фашистской буржуазии (25 июля в Австрии, борьба Кондилиса — Венизелоса в Греции, события в Болгарии и т. д.). Эксплоататорские классы дрожат перед надвигающейся пролетарской революцией. Фашистская диктатура в Германии, этой крупнейшей передовой империалистической стране в центре Европы, временно укрепившая власть германской буржуазии и нанесшая поражение германскому пролетариату, *оказалась не фактором укрепления, а фактором дальнейшего разложения всей империалистической системы.*

2

Фашизм все больше становится основным методом классового господства буржуазии. Буржуазия может властвовать методами парламентаризма и буржуазной демократии до тех пор, пока большинство рабочих и служащих идет за социал-демократией, боясь трудностей революционной борьбы. В этих условиях *социал-демократия может играть роль главной социальной опоры буржуазии.* Кризис уничтожил сравнительно сносное существование значительных масс рабочих — оно заменилось нуждой, нищетой и безработицей.

Жизненный уровень значительных рабочих масс доведен до голодного минимума; вместо 6 млн. безработных накануне кризиса теперь, несмотря на известный подъем промышленной продукции, в 34 капиталистических странах 23,6 млн. безработных, из которых только ничтожная часть может надеяться когда-либо получить работу при капитализме. Все большие массы трудящихся, которых социал-демократия пугала трудностями революции, перестают бояться революции, хотя еще и не готовы итти на штурм капитализма. Успехи социализма в СССР привлекают симпатии миллионов к большевистским методам борьбы за свержение эксплоататорских классов.

Буржуазия во все большем числе стран не может уже быть уверенной, что при дальнейшем обострении положения капитализма и при развертывании подготовки войны социал-демокра-

тия сможет удержать большинство пролетариата от перехода на сторону пролетарской революции. Поэтому буржуазия Германии, Австрии и ряда других стран поспешила воспользоваться пока еще относительной слабостью коммунистической партии и все еще значительным влиянием социал-демократии, чтобы *до решающего поворота масс к революции* нанести поражение пролетариату и перейти к фашистскому методу осуществления своей диктатуры. В ряде других стран (Франция, Англия, США), в которых также происходит расшатывание буржуазной демократии, но буржуазия еще не решается перейти к фашизму, наиболее реакционные элементы буржуазии подготавливают фашистские партии и создают фашистские боевые отряды — ту силу, на которую они предполагают опереться для установления фашистской диктатуры. Но ни в одной стране буржуазия не исключает из своей системы господства помощь социал-демократии, пока это только возможно. Несмотря на глубокий кризис капитализма, буржуазия ряда стран все еще пытается предотвратить переход масс на сторону революции, допуская вновь к участию в правительстве социал-демократов (Бельгия, Норвегия).

Но все эти маневры буржуазии не в состоянии предотвратить рост революционности масс и расшатывание социал-демократии, все эти маневры ведут с неизбежностью к острым столкновениям между революционным пролетариатом, руководимым коммунистической партией, и реакционными боевыми силами буржуазии, возглавляемыми фашистскими организациями.

Во всех странах стоит неотложная необходимость решительной борьбы трудящихся против фашизма — злейшего врага рабочего класса, пытающегося разбить его классовые организации и истребить его авангард. Успех трудящихся в этой борьбе зависит только от сплочения всех сил пролетариата для антифашистских выступлений, затрудняющих переход буржуазии к фашистской диктатуре, углубляющих кризис верхов и подготовляющих обстановку для свержения власти эксплоататорских классов.

Поэтому успехи фашизма в ряде империалистических стран не означают, что буржуазия стала сильнее и что капитализм выходит из кризиса. Эти успехи, наоборот, означают, что буржуазия слабеет, что она не может уже рассчитывать на поддержку своего классового господства широкими массами, не может рассчитывать на социал-демократию как на достаточную социальную опору для сохранения своего господства.

Но, переходя к открытой террористической фашистской диктатуре, буржуазия все же не может обойтись без опоры в рабочих массах, ибо на одних штыках долго сидеть нельзя. Даже ликвидируя последние остатки парламентаризма и демократических свобод, буржуазия в нашу эпоху широкого распространения газет, радио, железных дорог, международных связей не может властвовать без организованной системы демагогии, мошенничества, обмана, лжи, без массовых организаций, удерживающих рабочих от революционных выступлений. В империалисти-

ческих странах с большими пролетарскими массами невозможна диктатура, опирающаяся только на военный и полицейско-чиновничий аппарат. Невозможна теперь также диктатура бонапартистского типа. Мелкобуржуазные и крестьянские массы могут при известных условиях, когда пролетариат не сумел своей борьбой привлечь их на сторону революции, дать кадры для боевых организаций буржуазии и для террористического подавления пролетарского авангарда, но этого недостаточно для удержания государственной власти на продолжительное время. Террор, являясь основой фашистского метода классового господства буржуазии, должен сочетаться с такой системой организации обмана масс, которая позволила бы на некоторое время не допустить самостоятельных классовых организаций пролетариата и помогла бы парализовать его революционные выступления.

Первой задачей, которую ставит буржуазия перед фашистской диктатурой, является разгром коммунистической партии и — в условиях особого обострения классовой борьбы — всех организаций, которые в какой-либо мере стоят за самостоятельную организацию пролетариата (социал-демократия, амстердамские профсоюзы и т. д.).

Второй задачей, которую ставит буржуазия перед фашистской диктатурой, является создание такого аппарата, который был бы способен не только изъять революционные элементы, но и предотвратить восстановление в какой бы то ни было форме пролетарских классовых организаций и подчинить всю общественную жизнь каждого рабочего контролю фашистской буржуазии.

Третьей задачей фашистской диктатуры является уничтожение классовой идеологии пролетариата и замена ее идеей буржуазного национализма, сотрудничества классов и «единства нации» в целях подготовки войны.

Наиболее законченным типом фашизма является германский фашизм. Фашистской диктатуре в Германии удалось разгромить легальные организации коммунистической партии и загнать ее в подполье, разгромить легальные организации социал-демократии и амстердамских профсоюзов, она запретила даже христианские профсоюзы и другие неполитические рабочие объединения. Но сама фашистская диктатура вынуждена признать, что все это не привело к ликвидации коммунистической партии и классовых пролетарских организаций. В условиях глубокого подполья германская коммунистическая партия осталась массовой организацией, ведущей широкую пропаганду своей программы свержения фашистской диктатуры. Для подавления самостоятельности классового движения пролетариата и для широкого проникновения в его ряды недостаточно государственной тайной полиции, штурмовых и охранных отрядов, полиции и армии. Капиталистический способ производства создал условия для классовой организации пролетариата, и этого не в состоянии изменить никакая фашистская диктатура. Германский и австрийский пролетариат имеет 70-летние традиции рабочих организаций, и

никакая фашистская диктатура не в состоянии вычеркнуть из сознания трудящихся масс эти традиции. Германский и австрийский пролетариат давно сформировался как класс и классовое сознание, сознание необходимости классовой борьбы, борьбы за социализм путем пролетарской революции, несмотря на долголетнее господство оппортунизма в германском рабочем движении, не может быть вычеркнуто ни террором штурмовиков и тайной полиции, ни «антимарксистской» агитацией геббельсовского министерства пропаганды.

Задача, которую поставила себе фашистская диктатура, противоречит всем законам общественного развития. Разбить рабочий класс невозможно. Рабочему классу можно нанести тяжелые удары, лишить его на время организованного авангарда, попытаться подчинить его на время руководству буржуазии, поставить во главе фашистских вождей, но завоевать рабочий класс для буржуазной политики, для фашизма невозможно.

3

Приход фашистов к власти в Германии совпал с наиболее глубокой точкой экономического кризиса. Начавшееся в 1933 г., вскоре после прихода к власти фашистов в Германии, некоторое улучшение экономического положения во всем мире и сокращение безработицы принесли некоторое облегчение германскому капитализму; фашисты не преминули приписать это своей политике. Пользуясь некоторым улучшением экономического положения Германии и громадными государственными субсидиями крупнейшим капиталистическим трестам и картелям, фашистская буржуазия могла отказаться от проведения общего снижения заработной платы, чтобы попытаться укрепить свое положение в рабочих массах и спасти свою власть. Она использует все мероприятия в области рабочей политики, для того чтобы создать себе опору в узкой группе, в рабочей верхушке, чтобы разбить коллективистские настроения в рабочих массах, настроить каждую отдельную группу рабочих против остальных, внести в рабочую среду буржуазный индивидуализм и этим ослабить пролетариат как класс.

К осуществлению этой цели направлена вся фашистская политика заработной платы и тарифных договоров. Основная тенденция фашистской диктатуры в политике заработной платы идет в направлении резкого увеличения разницы между отдельными квалификациями, отдельными провинциями, отдельными группами и отдельными рабочими при общем понижении уровня заработной платы.

Средняя заработная плата всех рабочих в Германии согласно фашистской статистике теперь составляет 100 марок в месяц против 150 в 1928 г. Но 2,7 млн. рабочих получает до 40 марок в месяц, или до 10 марок в неделю, 1,7 млн. рабочих — от 40 до 80 марок в месяц, 1,5 млн. рабочих — от 80 до 100 марок в месяц. Таким образом 5,9 млн. рабочих, или половина всего германского рабочего класса, зарабатывает менее 100 марок в месяц.

Эти цифры следует сравнивать не с докризисными цифрами заработной платы, а с данными о пособиях безработным в период до 1931 г. и в период перед приходом к власти фашистского правительства. Низшая ставка пособия по безработице для женатого рабочего, имеющего одного ребенка, составляла в 1931 г. 12 марок в неделю, а перед приходом к власти Гитлера — 6 марок в неделю. Высшая ставка пособия по безработице накануне прихода к власти Гитлера составляла 23 марки в неделю. Следовательно 2,7 млн. рабочих современной Германии зарабатывает меньше, чем получали в качестве пособия по безработице неквалифицированные рабочие в период до 1931 г., и только немногим больше, чем получали в качестве пособия по безработице неквалифицированные рабочие накануне прихода Гитлера к власти. В Восточной Пруссии средняя заработная плата всех рабочих (включая сельскохозяйственных) составляет 13 марок в неделю, т. е. всего на одну марку выше пособия по безработице для неквалифицированных в 1931 г. В то время как некоторые группы квалифицированных и даже полуквалифицированных рабочих, в особенности в военной, строительной и кожевенной промышленности, восстановили свой уровень заработной платы 1928—1929 гг., жизненный уровень больших масс германских рабочих сведен таким образом к уровню жизни полубезработных и пауперов. В то же самое время фашистская диктатура политикой поощрения отдельных небольших групп рабочих пытается создать прослойку, на которую могла бы опираться.

Чтобы не восстановить против себя широкие рабочие массы, фашистская буржуазия стремится не проводить общего сокращения заработной платы и формально сохранить тарифные договоры, заключенные задолго до установления фашистской диктатуры амстердамскими и католическими профсоюзами, стремясь таким путем возложить ответственность за низкую заработную плату на реформистов. Большинство тарифных договоров, заключенных до прихода к власти Гитлера, остается в силе и по сегодня. Целый ряд этих договоров продлен на ближайшее время. Сокращение заработной платы и ухудшение условий труда происходили путем сведения заработной платы до низших норм, установленных в тарифном договоре, и путем изъятия отдельных предприятий и групп предприятий из правил тарифного договора распоряжением фашистского «доверенного». Но вместе с тем заключен целый ряд новых тарифных договоров и издан целый ряд тарифных распоряжений, выявляющих основную тенденцию фашистской политики заработной платы.

В Веймарской республике заключение тарифных договоров происходило путем соглашения между профсоюзом и предпринимателями, причем в случае расхождения между ними государство в лице министерства труда выступало в качестве арбитра и рабочие имели право забастовки. В фашистской «Третьей империи» рабочий класс полностью отстранен от выработки тарифных договоров и тарифных распоряжений. Выработка тарифных договоров производится государственными чиновниками совместно с

предпринимателями и объявляется рабочим, которые не имеют ни права отказаться от договора, ни права забастовки. Этот метод должен закрепить в фашистской Германии непререкаемую диктатуру предпринимателя в области зарплаты.

В изданных фашистами тарифных договорах и тарифных распоряжениях основные изменения идут по линии массового изъятия из тарифных договоров отдельных предприятий, для которых устанавливаются особые нормы зарплаты и допускается удлинение рабочего дня; по линии разбивки общегосударственных тарифов на областные и местные договоры; по линии установления специальных ставок не только по квалификации, но и по семейному положению рабочих; по линии установления для женщин — квалифицированных работниц — ставок ниже ставки неквалифицированного рабочего-мужчины; по линии установления более низких ставок для рабочих мелких предприятий и наконец по линии установления индивидуальных ставок по усмотрению предпринимателя для отдельных рабочих. Вся тарифная система фашистского правительства ставит своей целью добиться, чтобы каждый отдельный рабочий непосредственно договаривался с предпринимателем о своей заработной плате и чтобы таким путем, устанавливая индивидуальную ставку для каждого рабочего, можно было создать условия для атомизации, распыления рабочего класса.

Для фашистской политики заработной платы исключительно характерны следующие случаи. На предприятия было принято свыше 100 тыс. «старых борцов» национал-социалистской партии. Будучи неквалифицированными рабочими, они должны были получать низшую заработную плату и естественно были недовольны. Фашистское правительство не дало никаких общих распоряжений об увеличении заработной платы этим своим сторонникам ни в общегосударственном масштабе, ни в масштабе отдельных предприятий. Но и фашистская партия и фашистский предприниматель толкали эту группу рабочих на то, чтобы каждый в индивидуальном порядке, в порядке выпрашивания у предпринимателя, добивался улучшения своего положения. Эту линию фашисты объясняют тем, что национал-социалисты — не коллективисты, а индивидуалисты, что они должны выступать не группами, а каждый за себя. Понятно, что эта система пропагандируется не только для членов национал-социалистской партии, но и для всего рабочего класса. Понятно также, что эта система есть система выделения шпионов, агентов гестапо (охранки) и предпринимателя на предприятии, чтобы подчинить рабочий класс влиянию буржуазии.

На этой системе тарифных договоров и политики заработной платы базируются национал-социалистские рабочие организации и прежде всего самая крупная из них — «Трудовой фронт», заменивший существовавшие до прихода Гитлера к власти профсоюзы. Если в области заработной платы фашистская диктатура идет по линии атомизации рабочего класса, то в области строительства рабочих организаций она, уничтожая профсоюзы, сли-

ла их в одну общую организацию. Но вместе с тем она устранила избранные рабочими профсоюзные руководства и создала назначенное сверху чуждое рабочему классу руководство «Трудового фронта», состоящее из фашистских чиновников, ставленников крупного капитала.

Для осуществления этой задачи фашистам пришлось устраивать целую серию процессов по поводу мнимых и действительных растрат профсоюзных средств и злоупотреблений со стороны профбюрократов, чтобы дискредитировать бывших руководителей реформистских и христианских профсоюзов. Для этого необходимо было также довести террор против «марксистов» до предприятий и изъять наиболее авторитетных вожаков рабочих. Только после этого фашисты могли приступить к созданию «Трудового фронта» и включить (по официальным данным) в эту организацию 13,5 млн. рабочих и служащих. При этом согласно данным лейпцигского съезда «Трудового фронта» объединены целиком рабочие крупных предприятий, в большей мере поддающиеся организации, и только в незначительной части — рабочие мелких предприятий.

Чтобы больше подчинить рабочих влиянию буржуазии через «Трудовой фронт», фашистская диктатура лишила эту организацию каких-либо прав в области экономического положения рабочего класса, передав все полномочия по этим вопросам так называемым «доверенным». Обязанностью «Трудового фронта» согласно его уставу являются национал-социалистское воспитание своих членов, осуществление фабрично-заводских распорядков, установленных фашистской диктатурой, и оказание материальной помощи своим членам («Трудовой фронт» продолжает в этой области дело прежних профсоюзов).

Амстердамские свободные профсоюзы были добровольными организациями рабочих, основанными на самодеятельности, руководимыми реформистской профбюрократией, беспощадно исключавшей революционно настроенных рабочих. «Трудовой фронт» объединяет всех рабочих и служащих, не спрашивая об их взглядах, но зато исключает всякую самодеятельность рабочих. Он управляется фашистской бюрократией целиком сверху и ставит своей задачей подчинение рабочих масс руководству буржуазии. Для этих целей «Трудовой фронт» создал бюрократический аппарат, в три раза превосходящий по своей численности аппарат прежних профсоюзов; в этом аппарате все политические функции предоставлены членам фашистской партии; в значительной мере привлечены старые реформистские профчиновники.

Основная задача «Трудового фронта» — охватить всех рабочих, не допустить какой-либо самодеятельности рабочих вне «Трудового фронта» и связанных с ним фашистских организаций, подчинить каждого рабочего и всю его общественную деятельность фашистскому контролю. Верхние звенья фашистского аппарата (областные, районные организации «Трудового фронта») являются органами директивными и пропагандистскими;

они состоят исключительно из членов национал-социалистской партии. Низовые органы «Трудового фронта» обязаны осуществлять указания вышестоящих органов, наблюдать за жизнью рабочих масс, проводить фашистские фабрично-заводские распорядки и одновременно выполнять оставшуюся часть профсоюзных функций за исключением вопросов, связанных с заработной платой. Из этого вытекает, что и низовой аппарат «Трудового фронта» является целиком политическим аппаратом национал-социалистской партии.

Профсоюзы при Веймарской республике осуществляли свое влияние на предприятиях посредством 500 тыс. неоплачиваемых мелких функционеров и 300 тыс. членов фабзавкомов, в подавляющей массе состоявших из членов социал-демократической партии. Фашистская диктатура проводит свою политику на предприятиях не менее чем через 1 300 тыс. низовых функционеров, не включая в это число членов «советов доверия». На каждых 15 рабочих в среднем на предприятии — один фашистский функционер. Каждые 15 рабочих имеют одного блокварта. 4 блокварта составляют ячейку, которая имеет уже высшего функционера. Несколько ячеек образуют местную группу, охватывающую до 3 тыс. рабочих и имеющую свой чиновничий аппарат. Этот низовой фашистский аппарат создается не по выбору рабочих, а по назначению сверху.

В своих низовых звеньях этот фабрично-заводской аппарат фашистской диктатуры далеко еще не является фашистским: на должностях блоквартов находятся зачастую даже бывшие социал-демократы. Но он является частью твердо централизованного фашистского аппарата, и каждый низовой функционер, независимо от того, каковы его индивидуальные намерения, должен выполнять диктуемые ему сверху национал-социалистской бюрократией обязанности. Он должен организовать национал-социалистское «воспитание» своей группы рабочих, проводить фашистские кампании и следить за осуществлением фабрично-заводского распорядка.

Отдельные антифашисты, попавшие на низовые должности, могут конечно использовать это положение для антифашистских целей, но чтобы сохранить за собой свои должности, они обязаны проводить распоряжения своих руководящих органов. Таким образом фашистская диктатура создала сильный аппарат для контролирования всей общественной и даже личной жизни рабочих, их взглядов и мнений и для проведения своих распоряжений. Рабочие зачастую справедливо называют этих фашистских функционеров шпионами. Отношение широких масс рабочих к ним весьма недоброжелательное. Но тем не менее при помощи этой системы фашистам все же удается проникать в рабочие массы.

Крупнейшее значение для распространения фашистского влияния имеет также аппарат управления по всем видам социального страхования, в частности по страхованию от безработицы. Этот аппарат также раньше был заполнен в подавляющей

своей части социал-демократами. Фашистская диктатура из этого аппарата удалила более 3 тыс. чел. и приняла на их место 11 тыс. своих чиновников, которые взяли в свои руки главным образом политическую часть работы и подчинили себе оставшихся социал-демократов, используя их как «специалистов».

Вся эта фашистская «рабочая политика» ставит своей задачей помешать движению рабочих масс за улучшение своего положения, занять их внимание вопросами, не связанными ни с их положением на производстве, ни с их политическим бесправием, и проводить фашистскую националистскую пропаганду среди широких масс трудящихся.

Но эти намерения фашистской диктатуры неосуществимы. Никакой фашистский аппарат не может завоевать того доверия, каким пользовался даже в наихудшее для себя время аппарат реформистских профсоюзов.

Экономический гнет доведен фашистской диктатурой до крайних пределов. Фашистам раньше удавалось оправдывать тяжелое положение трудящихся и остроту кризиса в Германии указаниями на Версаль. Теперь эти «оправдания» отпали. Для каждого рабочего становится все более очевидным, что причина бедствий— не только Версаль, а капиталистическая система в целом и ее кризис.

Поскольку фашистская диктатура идентифицировала себя целиком со всей капиталистической системой, всякое даже самое мелкое недовольство рабочих масс неизбежно направляется теперь против фашизма, против фашистского государства как целого. Отсюда неизбежность быстрого превращения всякой экономической борьбы, всякого недовольства режимом на фабриках и заводах в политическую антифашистскую борьбу.

Политический аппарат фашистской диктатуры не может быть изолирован от рабочих масс. Фашистские «старые борцы» получили в награду за свое участие в движении, приведшем Гитлера к власти, места бывших социал-демократических чиновников и работу на фабриках и заводах. Та часть «старых борцов», которая попала в средний и высший аппарат «Трудового фронта», больничных и страховых касс, оказалась в экономическом отношении в привилегированном положении и будет в течение продолжительного времени верно служить фашистской диктатуре. Но она чужда рабочим массам, не пользуется их доверием и скоро может оказаться изолированной. Та часть «старых борцов», которая попала на предприятия на положение неквалифицированных рабочих, попадает в низшие категории по заработной плате и, несмотря на индивидуальный подход к ним со стороны предпринимателей и шпионские услуги фашистскому государству, остается в тяжелом материальном положении. В таких условиях фашистский аппарат будет быстро разоблачен перед рабочими массами как аппарат голого насилия и потеряет всякое влияние. Разоблаченная же как голое насилие фашистская диктатура не в состоянии будет долго держаться.

Шовинистическая волна помогла фашистам притти к власти.

Новый подъем этой волны после саарского успеха фашисты пытаются использовать для проникновения в рабочий класс, что им до сих пор не удавалось. Если расовая теория рассчитана главным образом на интеллигенцию и мелкую буржуазию, то на рабочих были рассчитаны прежде всего кампания «зимней помощи», долженствующая показать, что фашистская диктатура мобилизует «весь народ» на помощь нуждающимся и голодающим рабочим, введение раз в неделю обедов из одного блюда для всего населения, появление предпринимателей на рабочих собраниях, некоторая «демократизация» их обращения с рабочими вплоть до обращения «фольксгеноссен» (больше всего соответствует пресловутому «землячок» или «братец», с которым обращались царские офицеры к рядовым). Но все это оказалось слишком незначительным для привлечения рабочих на национал-социалистский путь. Большее значение имел несомненно фактический разрыв германским империализмом Версальского договора.

Но чтобы держаться на шовинизме, необходимы дальнейшие успехи германского империализма во внешней политике. Между тем международное положение Германии таково, что без большой войны невозможно ни присоединение Мемеля, ни присоединение Австрии, не говоря уже об Эйпен-Мальмеди и немецких областях Чехословакии. Это будет толкать германский империализм на бешеные вооружения, которые, возлагая на трудящихся гораздо бóльшие тяготы, чем даже Версаль, ускорят перелом в трудящихся массах, их отход от националистической буржуазии.

Германский фашизм, учитывая глубокие социалистические традиции рабочих масс, шел к власти под фальшиво социалистическим флагом. Вскоре после своего прихода к власти он должен был выступить против идеологов «второй революции», должен был разъяснить, что фашистский национал-«социализм» ничего общего не имеет с действительным социализмом, что националисты вовсе не стремятся к конфискации у капиталистов банков и средств производства и к ликвидации власти буржуазии. Этим фашистская диктатура отняла у обманутых ею слоев рабочих и безработных иллюзии о возможности изменить их положение с помощью национал-социалистской партии. Но рабочие массы не отказались от социализма и революции: идея борьбы за социализм, за уничтожение эксплоатации человека человеком заложена глубоко в сознании широких пролетарских масс Германии.

Вся объективная обстановка такова, что стихийно будет расти недовольство в рабочем классе, будут нарастать столкновения классов, будет вызревать революционный кризис в Германии. Задачей дальнейшей деятельности германских коммунистов является объединение недовольных своим положением трудящихся масс в боевую организацию пролетариата, направление воли всех недовольных на свержение террористического фашистского режима. Германская коммунистическая партия выдержала величайшее историческое испытание и, несмотря на террор фашизма, осталась массовой партией, крепко связанной с ши-

рокими слоями рабочего класса. До сих пор героическая работа германских коммунистов не могла привести к большим массовым движениям, ибо объективная обстановка не давала еще возможности прорвать фашистский террор.

Сознательный авангард германского рабочего класса не мог еще повести за собой весь класс, находящийся под удручающим впечатлением разгрома своих организаций фашистской буржуазией. Но героическая выдержка лучших людей коммунистической партии, смело идущих на смерть в полном сознании того, что их дело скоро победит, будит массы к революционной борьбе.

Тактика единого фронта, применяемая германскими коммунистами по отношению ко всем социал-демократическим организациям, объединение всех антифашистских сил в народный антифашистский фронт явятся такой силой, которая способна потрясти до основания фашистскую диктатуру. Фашистская диктатура учит трудящиеся массы быть беспощадными к своему классовому врагу. Социал-демократизм в сознании широких масс потерпел банкротство. Деятельность коммунистов направит все силы рабочего класса к одной цели — к свержению фашистской диктатуры.

Идея штурма капитализма в сознании трудящихся масс Германии будет вызревать тем быстрее, чем больше фашизм будет бесчинствовать в рабочих кварталах.

(Журн. «Большевик» № 8 за 1935 г.).

М. Рихтер

ВОЕННАЯ ПОЛИТИКА ГИТЛЕРА И ЗАДАЧИ ГЕРМАНСКОЙ КОМПАРТИИ[1]

...Гитлеровская Германия ставит в порядок дня вопрос о новом разбойничьем переделе мира. Все свои силы она концентрирует наряду с подготовкой интервенционистской авантюры против СССР на подготовке к ликвидации территориальных постановлений Версальского договора. Фашизм, олицетворяющий империалистические устремления Германии, все сильнее выдвигает в качестве центрального мотива своей пропаганды создание «Великой Германии», т. е. захват Северного Шлезвига, Эйпен-Мальмеди, Эльзас-Лотарингии, Верхней Силезии, Польского коридора, Данцига, Мемеля при одновременном политическом владычестве над Австрией и над всеми прибалтийскими государствами.

Непосредственно после саарской победы, после успеха, достигнутого фашизмом в деле усиления его военной мощи, фашист-

[1] В статье т. Рихтера опущены I и II разделы.

ская Германия протянула руку к Мемелю, Данцигу и Австрии, с тем чтобы путем очередной провокации приблизиться к осуществлению своих великодержавных завоевательных целей. Одновременно усиленно пропагандируется фашистская концепция о завоевании «пространства на Востоке», о захвате гигантских территорий советской Украины, о расширении восточных границ от Кенигсберга и Данцига до Риги, Киева и Одессы, концепция контрреволюционной войны против СССР.

Японский и польский империализм уже ответил на агрессивные военные мероприятия Германии усилением антисоветской травли. Фашистские газеты Германии открыли буквально ураганный огонь небывалой лжи и клеветы против Советского союза.

Колебания английской внешней политики, обусловленные империалистическими и антисоветскими внешнеполитическими установками консервативных кругов, группирующихся вокруг таких лиц, как лорд Ротермир, Генри Детердинг и другие, обеспечили гитлеровскому фашизму безнаказанное осуществление военно-политических провокаций и антисоветских угроз. Вооружившаяся Германия принимает все меры к тому, чтобы привлечь к своей антисоветской политике Чехословакию, Румынию, Югославию и прибалтийские государства. Германские фашисты всячески стараются развить отношения с фашистскими организациями бывших фронтовиков во Франции, Бельгии и с фашистами в Голландии.

Цели фашизма простираются дальше восстановления довоенной мощи германского империализма. Уже в книге «Моя борьба» Гитлер заявил, что довоенные границы для Германии «ничего не значат». Гитлеровская Германия стремится к тому, чтобы стать великой державой, которая внушала бы страх на европейском континенте и во всем мире, и потребовать нового передела мира в соответствии с изменившимся соотношением сил.

Нелегальные вооружения (танки, тяжелая и легкая артиллерия и прежде всего военно-воздушный флот) создали для германского фашизма необходимый (хотя по его мнению еще недостаточный) материальный фонд на случай войны, однако ему необходима еще практика крупных маневров для освоения этого оружия. Введя всеобщую повинность, гитлеровская Германия намерена создать крупные эскадрильи бомбардировочных самолетов, крупные танковые части и целые артиллерийские корпуса, намерена интенсивно проводить широкие военные маневры, лихорадочно готовя новую мировую войну.

Введение всеобщей воинской повинности в Германии явилось для империалистов всех стран сигналом к небывалой гонке вооружений. Уже после саарского голосования военная промышленность и генеральные штабы всех капиталистических стран значительно усилили гонку вооружений, которая сама по себе является фактором, приближающим войну. За счет трудящихся масс ассигнуются во всех странах капитализма новые и новые миллиарды на расширение военной промышленности, на усиление империалистических вооружений. Новый военный бюджет

в Швейцарии, удлинение срока обязательной военной службы во Франции до двух лет, требование британского правительства в связи с дискуссией по поводу «Белой книги» о расширении английских вооружений, рост военных бюджетов Польши, Австрии, Италии и Бельгии откровенно и недвусмысленно «обоснованы» ссылкой на рост германских вооружений.

Одновременно военная политика Германии стимулирует и доводит до крайних пределов фашистскую шовинистическую пропаганду, создание и рост фашистских военных организаций в капиталистических странах всего мира.

Подготовка войны увеличивает нужду широчайших трудящихся масс. Новый план Шахта, рассчитанный на организацию экспортного демпинга за счет трудящихся, сигнализирует о той цепи предстоящих экономических мероприятий, которые приведут к еще большему ограблению масс в интересах германского финансового капитала. План Шахта означает новое снижение зарплаты, новое сокращение пенсий, усиление тяжести налогового пресса, новое ограничение прав, новое усиление насильственных мер фашистской диктатуры.

Объявление всеобщей воинской повинности означает для сотен тысяч трудящихся юношей неизбежный отрыв от семьи, единственными кормильцами которой они часто являются. Эту молодежь ждут нищенская солдатская плата, унизительная муштра, требование слепо повиноваться фашистским авантюристам и капиталистическим эксплоататорам. Объявление всеобщей воинской повинности означает также лишение всякой личной свободы и оставляет у молодежи одну только перспективу — перспективу жалкой гибели на полях империалистической бойни.

Наряду с этим объявление воинской повинности означает попытку создания военнообученных кадров для гражданской войны, для борьбы против революционного пролетариата, против рабочих стачек, против крестьянских волнений.

Тем же военно-политическим целям гитлеровской диктатуры служит продолжающийся и поныне процесс реорганизации штурмовых и охранных отрядов, очищение их от «ненадежных элементов», все большее подчинение фашистских вооруженных организаций генералитету рейхсвера для централизации управления всеми воинскими силами «Третьей империи».

Фашизм старается удержать не только своих мелкобуржуазных сторонников, но старается ближе привлечь, заинтересовать в гитлеровском режиме те слои своих капиталистических хозяев, с которыми у него существуют известные разногласия; для этого он всеми силами стремится возбудить у них надежду на победное завершение новой империалистической войны.

Коммунистическая партия Германии, воодушевленная героическими примерами своих вождей, развертывает смелую и последовательную борьбу против мутного шовинистического потока, за пролетарский интернационализм в духе Ленина и Сталина. Мы, коммунисты, против войны. Мы — за сохранение мира. Компартия говорит массам, что новая империалистическая война, если

ее не предотвратит или не остановит пролетарская революция, неизбежно приведет к новому «Версалю», к новым жертвам, к закабалению и других народностей и самих трудящихся Германии.

Компартия восстанавливает в памяти народных масс Германии пламенные слова о пролетарском интернационализме, сказанные товарищем Тельманом на массовом митинге парижских рабочих 31 октября 1932 г.:

> «Мы знаем, что только победа пролетариата, только союз с другими трудящимися может привести к ликвидации версальской системы и одновременно к концу капиталистической эксплоатации... Еще смелее, еще мужественнее мы будем через преграды всех границ протягивать руку в знак братской солидарности нашим товарищам во Франции для заключения боевого союза против преступников, готовящих войну, и их приспешников... Мы находимся в полном согласии с французским трудящимся народом, зная, что решительная борьба против «Версаля» зависит не от международных конференций, как уверяют социал-демократические вожди и национал-социалисты, чтобы обмануть массы. Мы заявляем: только массовая борьба, только победная борьба против фашистской диктатуры в Германии превратит разбойничий Версальский договор в клочок бумаги. Наша сегодняшняя борьба против «Версаля» — это борьба за зарплату и за хлеб, борьба за свободу, борьба за социализм».

КПГ развертывает политическую работу в рядах мобилизованной гитлеровским фашизмом армии, она борется за завоевание трудящихся, одетых в солдатскую форму. Она призывает молодых солдат помнить всегда и везде, что они прежде всего пролетарии, сыны трудового народа. Компартия призывает всех трудящихся, вооруженных фашизмом, учиться пользоваться оружием для будущей войны против фашистского врага в их собственной стране, для войны за свержение собственной буржуазии.

Компартия призывает их стать верными солдатами пролетарской революции, которая приведет к советской власти в Германии.

Германские коммунисты знают, что их борьба может быть успешной только тогда, когда лозунги борьбы за материальные интересы трудящихся будут связаны с широким идеологическим наступлением против шовинистической чумы, против идеологии реформизма, против теории «выжидания», против псевдореволюционных взглядов, будто фашистская мера введения всеобщей воинской повинности может помочь нашей борьбе за завоевание масс, ибо массы якобы должны пройти сквозь огонь империалистической войны, чтобы созреть для пролетарской революции. Все эти «теории» объективно содействуют классовому врагу в его военной подготовке, тормозят развертывание революционных классовых сил в борьбе за мир и за свержение гитлеровской диктатуры.

Широкую кампанию развертывает компартия Германии совместно с комсомолом среди призывников, среди членов фашист-

ских военных организаций, среди «гитлеровской молодежи», в лагерях трудовой повинности, среди отбывающих «трудовую повинность» в деревне. Борьба за насущные требования, за материальные права трудящихся, которую ведет компартия наряду с пропагандой революционной идеологии, является важнейшим рычагом для завоевания этих масс на сторону революции.

Создание и укрепление оппозиционных групп и комсомольских ячеек в фашистских военных и военизированных организациях, среди «гитлеровской молодежи», в армии и т. д. на базе единого фронта являются важнейшей задачей германской компартии и комсомола.

Особое значение в борьбе КПГ против империалистической войны приобретает систематическая работа среди рабочих, занятых в военном производстве и на транспорте. Именно в этой области важнейшую роль играет создание твердых производственных ячеек, а также профсоюзных групп совместно с социал-демократическими рабочими и бывшими членами других профсоюзов.

Буржуазный пацифизм, социал-демократия и подготовка войны

Перед лицом растущей военной угрозы, в особенности перед лицом провокационных военных планов гитлеровского фашизма, величайшую активность проявляет пацифизм во всех странах. Однако аргументы, посредством которых буржуазный пацифизм ратует за сохранение мира, на деле означают поддержку разбойничьих планов империализма. Пацифисты, которые в свое время объявили саарский плебисцит «демократическим решением саарского народа в пользу Гитлера», теперь открыто или под различными масками поддерживают легализацию германских вооружений, ссылаясь на возможность контроля над германскими вооружениями и возвращения гитлеровской Германии в Лигу наций.

При усилении фашистского курса на вооружение и войну германский монополистический капитал вновь создает предпосылки для использования в своих интересах правых лидеров социал-демократической партии. Одновременно с объявлением всеобщей воинской повинности гитлеровский фашизм совершил чрезвычайно значительный для всей его дальнейшей политики шаг: в воззвании по поводу всеобщей воинской повинности социал-демократы не названы, как обычно, «предателями страны». Гитлеровское воззвание, напротив, подчеркнуло, что при заключении Версальского договора весь германский народ был солидарен со своим тогдашним правительством, весь народ соглашался вступить на путь пацифизма и политики Лиги наций на основе 14 пунктов Вильсона: «Весь германский народ в лице своего правительства и всех своих партий был преисполнен единым сознанием, которое безоговорочно соответствовало пацифистски демократическим идеалам». Гитлер заявляет далее, что германское правительство в соответствии с волей народа предприняло тогда

этот шаг в Версале потому, что оно «рассчитывало на последующее выявление невозможности осуществления версальских условий».

Это исключительно важное заявление Гитлера целиком отвечает настроениям решающих кругов прежней партии центра и тенденциям определенной части социал-демократического пражского партийного руководства нащупать возможности для возвращения к политике сотрудничества, для коалиционного союза социал-демократии с германской буржуазией. Правые элементы пражского руководства в переговорах с Тревиранусом и с определенными кругами рейхсвера уже сделали ряд шагов к установлению коалиционно-политического сотрудничества с определенными кругами германской буржуазии. Гитлеровское воззвание должно стимулировать их к выполнению роли помощников германской империалистической внешней политики. Социал-демократию, которая в 1914—1918 гг. подавляла всякую попытку противодействия империалистической войне, эту социал-демократию и сейчас, перед лицом надвигающейся войны, германская буржуазия привлекает к поддержке своего военного курса. О предполагаемом использовании социал-демократии для воздействия на массы недвусмысленно говорят цитированные формулировки гитлеровского воззвания. Большинство в пражском партийном руководстве, стремящееся к углублению раскола в рабочем классе и саботировавшее все предложения КПГ о едином фронте, и теперь спешит доказать свою готовность способствовать подчинению интересов трудящихся захватническим планам германского монополистического капитала.

В воззвании пражского партийного социал-демократического руководства от 20 марта 1935 г. говорится, что германская социал-демократия «всегда боролась за равноправие Германии», что именно социал-демократия добилась «признания Германии *великой равноправной державой*». Своими внешнеполитическими успехами Гитлер, мол, обязан социал-демократии

На этом основании социал-демократы дают свое согласие на открытую военную политику германского империализма, на фашистский военный закон при условии только предоставления «известных свобод» для социал-демократических организаций. За это иудино вознаграждение они охотно впрягутся в колесницу войны германского фашизма. Никаких принципиальных возражений против капиталистической всеобщей воинской повинности, против создания классовой буржуазной армии у пражского социал-демократического руководства нет.

Эта точка зрения правых элементов пражского руководства, плохо замаскированная «мирными» фразами и дешевыми разговорами о «свободах», сигнализирует об опасности нового обмана рабочего класса в целях подчинения интересов трудящихся при помощи социал-демократии захватническим планам гитлеровского фашизма.

Борьба КПГ за единый фронт против войны и фашизма

Коммунистическая партия Германии в своем стремлении к сохранению мира, в своей неуклонной воле к созданию единого фронта борьбы против наступления капитала, против социального бесправия и фашистской политики войны обратилась к пражскому руководству социал-демократической партии с новым предложением о создании единого фронта, несмотря на отказ этого руководства от предложения ЦК КПГ в связи с выборами в «советы доверия». В своем обращении КПГ предлагает создать повсеместно на всех предприятиях совместные антифашистские майские комитеты, антифашистские и антимилитаристические комитеты единства, чтобы противопоставить силам войны и угрозе мировой катастрофы силы пролетарского класса, единый фронт борьбы против новой империалистической войны.

В осуществлении политики единого фронта компартия отмечает пока только первые успехи. Так например удалось установить прочное сотрудничество в духе единого фронта с социал-демократическими элементами в Среднем и Южном Бадене, в Гессен-Франкфурте, в районе Нижней Саксонии и в нескольких других районах страны. Достигнуты некоторые успехи и в деле восстановления нелегальных профсоюзных групп. Так например благодаря совместной работе компартии с социал-демократическими рабочими и бывшими членами социал-демократических профсоюзов в районе Нидеррейна удалось создать на 35 предприятиях подпольные группы «свободных профсоюзов»; то же удалось осуществить на 12 рудниках в Рурской области. В Гамбурге, в Саксонии и Берлине также можно отметить успехи в области профсоюзной работы.

МОПР удалось притти к конкретному соглашению с нелегальным районным руководством социал-демократической партии в Среднем и Южном Бадене по поводу совместной организации помощи всем узникам фашистских тюрем и в борьбе с фашистским террором.

Тем не менее ЦК КПГ в резолюции от 30 января 1935 г. самокритически заявляет: «Несмотря на беспримерную героическую борьбу коммунистов, коммунистическая партия после событий 30 июня не сумела направить этот героизм в русло решительной политики единого фронта, не сумела развернуть большевистской массовой работы на предприятиях, среди молодежи в профсоюзной области и среди фашистских массовых организаций, которая могла бы привести к созданию массовой оппозиции и массовых действий против гитлеровского режима».

В качестве основных причин этого отставания и недостатков партийной работы указывалось на наличие сектантских установок в массовой работе компартии, прежде всего в проведении политики единого фронта, на факты отступления перед реформистским влиянием, на факты оппортунистического отношения к теории «предоставления фашистам возможности довести народ-

ное хозяйство до автоматического краха», на наличие установок на самотек в массовой работе.

Компартия не сумела своевременно и правильно оценить процесс отхода социал-демократических масс и их партийного актива от политики пражского социал-демократического руководства, не сумела сделать из этого должных тактических выводов для своей работы по созданию единого фронта.

Это сектантство и доктринерский схематизм привели к игнорированию, к недооценке процессов расслоения, происходящих в лагере социал-демократии, привели к схематической уравниловке в оценке правых и левых групп, правых и левых работников социал-демократии.

Успехи создания единого фронта (например в Гессен-Франкфурте, Бадене, Ганновере и т. д.) не использовались компартией в должной мере для стимулирования всей работы в этом направлении.

После решения ЦК КПГ от 30 января 1935 г. компартия Германии решительно повернула на путь большевистской массовой политики, на путь организации пролетарского единого фронта и создания необходимых предпосылок революционного подъема для свержения фашистской диктатуры. Она развивает решительнейшую борьбу против сектантства и доктринерского схематизма, являющихся серьезным препятствием в революционной массовой работе. Одновременно КПГ призывает к большевистской бдительности в отношении всех тех правооппортунистических капитулянтов и трусливых соглашателей, которые пытаются использовать большевистский поворот к политике единого фронта в целях, враждебных рабочему классу и партии. Контрреволюционный характер соглашателей лучше всего характеризуется тем фактом, что они на двух фракционных совещаниях постановили обсудить с «левыми» социал-демократами, а также с Брандлером и Троцким вопрос о создании новой партии. Наконец они решили воздержаться от использования своих последователей на нелегальной работе.

Уже в связи с кампанией выборов в «советы доверия» на предприятиях, несмотря на отклонение большинством пражского руководства предложения КПГ о едином фронте, многие социал-демократические и коммунистические фабричные ячейки договорились о совместной борьбе и об общих кандидатах.

Новое предложение ЦК германской компартии о создании единого фронта борьбы против фашистского военного закона, против шовинизма, за мир и за пролетарский интернационализм найдет радостный отклик в рядах социал-демократических рабочих и будет содействовать единству борьбы. Компартия стремится к максимальному усилению своей низовой массовой работы, которая является основой всей деятельности партии, к созданию массовой базы для осуществления политики единого фронта. Компартия не оставит неиспользованным ни одного средства привлечения социал-демократических масс к делу создания единого фронта. Искреннее стремление компартии к единому фронту уже

привело к углублению процесса расслоения в рядах социал-демократии, вплоть до ее верхушки — пражского руководства. Так например члены пражского президиума Ауфгейзер и Бехель, а также оппозиционно настроенный Милес удалены из состава партийного социал-демократического руководства, так как они проявили известную готовность к сотрудничеству с коммунистами в некоторых вопросах.

Реформисты пропагандируют и организуют нелегальные кадровые профсоюзы. Создание этих нелегальных профсоюзных групп им удалось осуществить на нескольких крупных предприятиях. Компартия стремится к восстановлению совместно с социал-демократическими рабочими свободных профсоюзных организаций как нелегальных классовых органов пролетариата. Партия стремится к слиянию своих профсоюзных групп с существующими реформистскими в целях проведения революционной классовой политики и создания профединства.

Эти профсоюзные группы нужно превратить в эффективные органы классовой борьбы против капиталистической эксплоатации и фашистской военной политики.

Однако компартия стремится к вовлечению в единую борьбу против эксплоатации и ограбления масс фашизмом не только социал-демократических, но и всех недовольных и оппозиционно настроенных христианских и национал-социалистских рабочих. Поэтому в таких организациях, как «Рабочий фронт», а также на предприятиях компартия выдвигает такие лозунги, которые привлекают и некоммунистических рабочих. Массы мобилизуются на борьбу против снижения зарплаты, против сокращения рабочего времени, против увольнений, против капиталистической производственной дисциплины, против военизации на производстве. Организуется борьба против введения «рабочих паспортов», против милитаризации работы на предприятиях, борьба за право контроля, за право решающего голоса для рабочих в «Рабочем фронте», за выборность всех низовых общественных работников на производстве и в «Рабочем фронте», за выборных представителей в производственные «советы доверия», за право стачек, за свободу собраний и печати, за легальность рабочих организаций.

Компартия Германии развертывает широкую кампанию среди бедняков и середняков в деревне. Она требует прекращения насильственных хозяйственных фашистских мероприятий в деревне, ликвидации налоговых недоимок; снижения цен на корма за счет капиталистов-оптовиков, снижения арендной платы и продления арендных договоров. Партия выдвигает требование о долгосрочных беспроцентных кредитах на покупку семян, удобрений и скота, а также требование права свободной торговли продуктами своего производства для бедняков и середняков. Наряду с этим компартия выдвигает требование безвозмездного изъятия и раздела помещичьей земли.

Среди мелкой городской буржуазии КПГ развертывает пропаганду под лозунгами освобождения от налогов мелких доходов, ликвидации акцизных налогов на соль и т. д., введения осо-

бого налогового обложения на крупные банки, на концерны, синдикаты, картели и тресты, ликвидации всех насильственных отчислений, прекращения грабежа мелких рент у инвалидов и пенсионеров, а также мелких рантье, за снижение квартирной платы, снижение платы за помещения мелких торговцев, за налоговое обложение доходов миллионеров, крупнейших чиновников и т. д.

Художников, ученых, профессоров, студентов и т. д. компартия призывает к борьбе с деградацией и унижением науки, против фашистского произвола в науке, против фашистского шпионажа среди ученых, против дилетантизма, за свободу убеждений и верований, за свободу науки и искусства.

Всему пролетариату, всему трудовому народу компартия со всей решительностью заявляет: **сам собой фашизм не погибнет**, свергнуть его должен пролетариат во главе широких масс трудящихся. Компартия ведет широкую, упорную разъяснительную работу в целях преодоления в рабочем классе ложных реформистских взглядов на возможность автоматического краха фашизма, ложных фаталистических установок о возможности пролетарской революции только в результате империалистической войны.

Растущее, несмотря на разжигание шовинистических страстей, недовольство масс, вытекающее из обострения противоречий между трудящимися и агентурой монополистического капитала, создает объективные предпосылки для успеха большевистской массовой борьбы с грабительской и военной политикой фашистской диктатуры. После ухода в подполье компартии удалось вовлечь в свои ряды десятки тысяч бывших социал-демократических рабочих. Существуют целые районы, где все руководство в ячейках, в местных, городских и подрайонных партийных комитетах осуществляется бывшими социал-демократическими рабочими. Эти новые коммунистические кадры борются с таким же мужеством, с такой же самоотверженностью, в духе Ленина и Сталина, как и наши старые партийные бойцы.

Небывалый героизм германских коммунистов вписал неповторимые славные страницы в историю классовых битв в Германии: Фите Шульце, активный гамбургский партработник, был приговорен к смерти классовым судом фашизма. Еще на предварительном следствии т. Шульце заявил:

«Я знаю, что прокурор требует моей головы. Ему придется поторопиться, иначе он не успеет ее получить до победы коммунизма в Германии».

Фите Шульце крикнул своим судьям: «Отвечаю я только перед органами моей партии. Перед судом, который защищает враждебные народу правительственные интересы, мне нечего оправдываться!»

А после оглашения смертного приговора т. Шульце воскликнул: «Одним меньше в борьбе, а победа все-таки будет наша!»

В районе Ганновера фашисты схватили пятерых коммунистов, которые составляли руководство одного подрайона. Классовые

враги убили всех пятерых. На следующую ночь после убийства отец одного из убитых провел среди рабочих сбор средств; неумелой рукой он пишет текст необычайной по силе прокламации по поводу убийства пяти партийных активистов; в ту же ночь он разыскивает знакомого ему члена районного руководства и просит его немедленно организовать на собранные деньги печатание написанной им листовки; собственных возможностей напечатать ее у него нет, говорит он, а разъяснительная работа партии не может ждать, несмотря ни на какие потери.

Эти железные кадры, до конца преданные делу пролетарской революции, такие герои, как незабвенные товарищи Иоганн Шер или Август Лютгенс, выкованы вождем германских коммунистов Эрнстом Тельманом.

Большевизация кадров германской компартии дает ей силы и для упорной борьбы с волной шовинизма. Постоянное использование германской коммунистической партией великого исторического опыта большевистской Октябрьской победы, защита всех классовых и народных интересов, забота о будущности трудящихся масс приведут к победоносному Октябрю в Германии!

(Журн. «Большевик» № 8 за 1935 г.).

Цена 3 руб.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ

во все магазины и киоски Когиза. Почтовые заказы направлять без задатка: Москва, Блюхеровский пер., 8, Могиз, „Книга—почтой“.

СКЛАД ИЗДАНИЯ: Сектор партийной и комсомольской литературы Когиза, Москва, Блюхеровский пер., 8.

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 061176902